

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 3 (45) · 2019
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 3 (45) • 2019

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН, проректор по научно-техническому сотрудничеству с предприятиями и организациями и трудоустройству выпускников, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

*М. В. РЫБКИНА, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, доктор социологических наук, профессор*

Редакционный совет

Г. А. о. АГАЕВ, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

Н. Ф. БАБАНЦЕВ, декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета гражданской авиации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЮН, заслуженный деятель науки РФ

В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор

В. М. БОЕР, проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. С. БРАЗЕВИЧ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Н. В. БУГЕЛЬ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

И. И. ЕЛИСЕЕВА, руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

С. Ю. КОСАРЕВ, заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

Р. А. КОСТИН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Я. А. МАРГУЛЯН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. А. МАРКОВ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

С. М. ОГАНЕСЯН, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

А. К. СААКЯН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии проблем гуманизма (Республика Армения)

Е. В. СИЛИНА, заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:

190103, Санкт-Петербург,

Лермонтовский пр., д. 44а

Тел.: (812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2019

© Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2019

SOCIOLOGY AND LAW № 3 (45) • 2019

Chief Editor

O. G. SMESHKO, Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

G. A. KOSTIN, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

M. V. Rybkina, Doctor of Law, Professor
N. N. Pokrovskaya, Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

G. A. o. AGAEV, Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

N. F. BABANTSEV, *Dean of Department of St. Petersburg State University of Civil Aviation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Science Worker of the Russian Federation*

B. BERGMANN, Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor

V. M. BOER, Vice-Rector for Teaching and Educational Work of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH, Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

N. V. BUGEL', Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

E. V. VOSKRESENSKAYA, Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA, Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

N. N. ZHIL'SKIY, Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV, Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN, Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. V. MAL'KO, Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. A. MARKOV, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO, Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

A. K. SAAKYAN, Head of Department of Armenian State Pedagogical University named after H. Abovyan, Doctor of Social Sciences, Professor, Member of the Academy of Humanity Problems (Republic of Armenia)

E. V. SILINA, Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV, Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial office:

44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Phone: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of authors, 2019
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>В. Н. Келасьев, И. Л. Первова, А. В. Харламова.</i> Анализ становления социального предпринимательства в Санкт-Петербурге и регионах России	6
<i>В. Л. Погодина, А. С. Матвеевская, И. Г. Филиппова.</i> Ландшафтные возможности и предпочтения выбора мест для рекреации жителей мегаполисов (на примере Санкт-Петербурга)	13
<i>О. А. Моисеева, М. Ю. Чернавский.</i> Идея тотальности идеологии в современной социальной философии	23
<i>В. А. Глазырин.</i> Право имеет значение (социологический контекст)	33
<i>О. М. Самохвалова, А. В. Сосковец.</i> Проблемы наркотизации студенческой молодежной среды: анализ и пути противодействия	40
<i>Ван Цзинтин.</i> Система пенсионного обеспечения в Китае: взгляд эконо-социолога	47

Право в жизни государства и личности

<i>Д. А. Ильичев, Е. В. Суверов, М. А. Трухин.</i> Взяточничество среди сотрудников правоохранительных органов в Алтайском крае (1945–1950)	54
<i>А. В. Далинин, С. В. Аристов.</i> О привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства к ответственности	59
<i>В. Ф. Антонов.</i> Гражданские добродетели в системе государственного управления	69
<i>А. Б. Черных.</i> Проблемы юрисдикционной защиты прав на коммерческую тайну	75
<i>Е. Ю. Одинокова, Е. А. Зорина.</i> Сущность правоприменительной деятельности органов исполнительной власти	81
<i>Д. А. Мартынюк.</i> Проблемы привлечения к административной ответственности государственных гражданских служащих	89
<i>Ф. Д. Рахимов.</i> Правовое и неправовое регулирование общественных отношений	94
<i>А. К. Сабирова.</i> Особенности производства по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности	100

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>V. N. Kelasev, I. L. Pervova, A. V. Kharlamova.</i> Analysis of Social Entrepreneurship Formation in St. Petersburg and Russian Regions.	6
<i>V. L. Pogodina, A. S. Matveevskaya, I. G. Filippova.</i> Landscape Opportunities and Preferences for Choosing Recreational Places of Megalopolis Residents (on Example of St. Petersburg)	13
<i>O. A. Moiseeva, M. Yu. Chernavskiy.</i> Idea of Totality Ideology in Modern Social Philosophy.....	23
<i>V. A. Glazyrin.</i> Law Matters (Sociological Context)	33
<i>O. M. Samokhvalova, A. V. Soskovets.</i> Problems of Drug Addiction Among Student-Age Population: Analysis and Ways of Counteraction	40
<i>Wang Jingting.</i> Pension System in China: The View of an Economist-Sociologist	47

The Law in a State and Person Life

<i>D. A. Il'ichev, E. V. Suverov, M. A. Trukhin.</i> Bribery of Law Enforcement Officials in the Altai Region (1945–1950).....	54
<i>A. V. Dalinin, S. V. Aristov.</i> On Bringing to Justice Foreign Citizens and Stateless Persons	59
<i>V. F. Antonov.</i> Civic Virtues in Public Administration.....	69
<i>A. B. Chernykh.</i> Problems of Jurisdictional Protection of Rights to Commercial Secret	75
<i>E. Yu. Odinkova, E. A. Zorina.</i> The Essence of the Enforcement of Executive Bodies	81
<i>D. A. Martyniuk.</i> Problems for Bringing Civil Servants to Administrative Responsibility	89
<i>F. D. Rakhimov.</i> The Legal and Non-Legal Regulation of Social Relations.....	94
<i>A. K. Sabirova.</i> Features of the Proceedings on Administrative Offenses Initiated for Violation of Fire Safety Requirements	100

В. Н. Келасьев, И. Л. Первова, А. В. Харламова

Анализ становления социального предпринимательства в Санкт-Петербурге и регионах России

***V. N. Kelasev, I. L. Pervova, A. V. Kharlamova. Analysis of Social
Entrepreneurship Formation in St. Petersburg and Russian Regions***

Статья основана на результатах эмпирического исследования вопроса о становлении социального предпринимательства в Санкт-Петербурге и регионах Российской Федерации (РФ). Исследование направлено на анализ и изучение динамики формирования социального бизнеса, определение факторов, препятствующих его развитию. Авторами выявлены трудности, с которыми сталкиваются предприниматели, занимающиеся развитием соответствующей формы бизнеса, и сформулированы рекомендации по устранению возникающих препятствий. Рассмотрены также необходимые меры поддержки социальных предпринимателей.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные проблемы, целевая группа, клиент, государственная поддержка.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; (812) 274-61-46; nastya_20.1996@mail.ru.

This article is based on the results of an empirical study of social entrepreneurship development in St. Petersburg and the Russian Federation regions. The study was aimed at analyzing the dynamics of social business, and identifying obstacles and barriers of its development. The difficulties faced by entrepreneurs in the development of this form of business are clarified; the necessary measures to support social entrepreneurs are identified; recommendations on elimination of obstacles to its development are formulated.

Keywords: social entrepreneurship, social problems, target group, client, government support.

Contact Details: Smol'nogo St. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (812) 274-61-46; nastya_20.1996@mail.ru.

Вячеслав Николаевич Келасьев — заведующий кафедрой теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Ирина Леонидовна Первова — профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

Анастасия Владимировна Харламова — магистр социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета.

© Келасьев В. Н., Первова И. Л., Харламова А. В., 2019

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-03-00859 «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России».

Acknowledgements: the study is conducted within the framework of the RFBR grant No. 17-03-00859 "Social competence as a factor of integration of vulnerable population groups into the modern Russian society".

Социальное предпринимательство стало активно развиваться с 1970–1980-х гг. XX в. К началу нового столетия оно являлось предметом определенных общественных ожиданий и оживленных дискуссий. Социальное предпринимательство признается перспективным направлением третьего сектора, важной составляющей социальной политики государства [1; 2], а в России относительно новым форматом бизнеса, ориентированным на инновационный подход к решению социальных проблем.

По данным Агентства стратегических инициатив, только 1 % компаний в стране занимается социальным бизнесом [3]. Это так называемый спасательный круг. С его помощью реализуются те задачи общества, которые государство не может решить самостоятельно. В настоящее время социальное предпринимательство в России находится на начальной стадии развития. В связи с этим присутствует неопределенность и размытость в трактовке рассматриваемого понятия, определения его сущности и критериев.

Авторами *социальное предпринимательство* понимается как бизнес, в основе которого находится определенная социальная цель, ориентированная на позитивные перемены в общественной жизни, и доходы от деятельности которого преимущественно реинвестируются обратно в социальный бизнес в соответствии с поставленными целями [4; 5]. Главная проблема социального предпринимательства в России заключается в том, что законодательно оно не закреплено. Социальные предприниматели не имеют юридического статуса, что не позволяет им получить необходимую поддержку от государства [6]. Ввиду отсутствия достаточной эмпирической базы исследования, основанной на обобщении опыта существующих российских социальных предприятий, очевидна необходимость более детального изучения данной сферы бизнеса [7].

Цель нашего исследования — изучение сложившихся практик социального предпринимательства и обобщение накопленного в соответствующей сфере опыта. В связи с этим проведено 14 интервью с социальными предпринимателями (руководителями социальных предприятий), выступившими в качестве экспертов по данной проблематике. В опросе приняли участие семь социальных предпринимателей, осуществлявших свою деятельность в Санкт-Петербурге, и столько же — из других городов России (Москвы, Калининграда, Сыктывкара, Ярославля, Якутска).

Обобщив результаты опроса, социального предпринимателя можно охарактеризовать следующим образом. В гендерном аспекте среди социальных предпринимателей преобладают женщины. Чаще представлены респонденты среднего возраста — от 30 до 50 лет. Социальные предприниматели, как правило, имеют высшее образование в области экономики, менеджмента, управления, педагогики. Некоторые в ходе развития бизнеса повышают квалификацию. Чаще всего социальный предприниматель — человек с активной жизненной позицией, обладающий определенным опытом благотворительной деятельности, а также знаниями в сферах менеджмента и экономики, что позволяет ему эффективно развивать бизнес.

Возглавляемые экспертами организации и предприятия сосредоточены в сферах трудоустройства людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; социального

обслуживания населения; дошкольного образования; предоставления туристических услуг для социально незащищенных категорий населения; развития сельского хозяйства в регионах России; торговли (оказания услуг).

В основном социальные предприятия в указанных выше сферах деятельности функционируют в течение продолжительного периода: самые 'молодые' из исследованных — четыре социальных предприятия, работающие более двух лет; 'подростками' в социальном бизнесе из 14 изученных можно назвать пять социальных предприятий (период действия — от четырех до восьми лет); 'старичками' — пять социальных предприятий, осуществляющих деятельность более десяти лет.

Соответствующими социальными предприятиями оказывается помощь таким категориям граждан, как многодетные и одинокие матери; пожилые люди, нуждающиеся в опеке; выпускники детских домов и интернатов; лица с ограниченными возможностями; дети дошкольного возраста.

Все руководители из опрошенных отмечают направленность социального предпринимательства на решение социальных проблем. В частности, об этом свидетельствует мнение эксперта В.: *«Социальное предпринимательство — в первую очередь, конечно, бизнес, т. е. хозяйственная деятельность, которая существует и функционирует за счет финансовой устойчивости, направленная на решение определенной социальной проблемы. Прибыль от деятельности идет на развитие организации, могут добавляться новые услуги, открываться новые отделения или филиалы в других регионах в зависимости от потребности организации и целевой группы, с которой она работает»*. Мотивационная составляющая предпринимательской деятельности у опрошенных чаще всего основана на достижении социально полезных целей, а не на материальном благополучии. Некоторые (два человека) строили бизнес исходя из личной заинтересованности в решении той или иной социальной проблемы. Мотив повышения личного благосостояния не является для них приоритетным, напротив, доминируют мотивы стремления реализовать определенную идею, что поможет решить социальную проблему; самореализации, а также желания быть полезным обществу.

Большинство социальных предпринимателей (11 человек), развивая бизнес, вкладывали собственные денежные средства. Так, эксперт В. рассказывает: *«После появления идеи последовала ее практическая реализация, т. е. был составлен бизнес-план, все расписано. Кредит получить не удалось, потому что у организации, которая только начинает свою деятельность, нет кредитного опыта, а значит, давать деньги рискованно. На собственный, так сказать, стартовый капитал были проведены подготовительные работы: снято помещение, оборудовано, и мы включились в работу»*.

Только трое из респондентов помимо собственных вложений при старте бизнеса получили финансовую поддержку от государства (на обустройство помещения для работы). Показателен опыт эксперта Г.: *«При старте бизнеса мы получили безвозвратную субсидию от городского комитета по труду и занятости в размере 6, 81 млн руб. Эта субсидия была существенным подспорьем в начале бизнеса. На полученные деньги арендовали производственные площадки в Красном Селе и закупили оборудование с материалами»*. В процессе развития бизнеса у многих, как правило, возникали трудности с финансированием деятельности организации. В подтверждение приведем слова эксперта Ж.: *«В первые пару лет было трудно выйти на самоокупаемость. Для стабилизации положения необходимо было найти крупных и, самое главное, постоянных клиентов, которые будут делать заказы и тем самым поддерживать нас на плаву»*.

Названы специфические трудности, связанные с определенной категорией граждан, которой помогает социальное предприятие. Так, руководитель детских центров «Светлый город» в Санкт-Петербурге отметила, что было сложно проинформировать потенциальных клиентов: *«Нашей целевой аудиторией являются семьи с особенными детьми, т. е. детками, у которых есть особенности развития или какие-то заболевания, требующие особого ухода. Простая реклама на них не работает. Такие семьи — это очень эмоциональная и ранимая аудитория, язык маркетинга на них не работает»*.

Анализируя ответы на вопрос об обратной связи с клиентами, можно сделать вывод о том, что практически все социальные предприниматели поддерживают эту связь, особенно осуществляющие деятельность в сфере дошкольного образования. Эксперт А. объясняет: *«После того как ребенок получил у нас необходимую помощь, мы даем родителям заполнить анкету, в которой просим их оценить качество оказанных услуг»*. По словам эксперта М., *«иногда родители, проходя небольшой опрос о качестве оказанных услуг, просят что-то добавить, какую-то методику или занятие, которое было бы полезно для ребенка»*. При этом у руководителей социальных предприятий формируется представление об эффективности той или иной услуги, появляется возможность оценить работу организации в целом.

По сведениям всех опрошенных, в штат организации (социального предприятия) входят и представители социально незащищенных групп населения: люди с ограниченными возможностями, пожилые граждане, одинокие матери и т. д. На вопрос «Есть ли у Вас возможность тиражировать опыт своей организации на другие регионы?» большинство ответили, что такая возможность существует. Эксперт Е. сообщил: *«Конечно, мы можем тиражировать опыт своей организации на другие регионы. С прошлого года работаем в Орловской области, сейчас готовимся начать работать еще в четырех—пяти регионах»*. Для социального предпринимателя тиражировать успешную и устойчивую бизнес-модель в других регионах — это уникальная возможность, а для потребителей франшизы — это возможность получить вариант социального бизнеса с четко прописанными бизнес-процессами, подтвержденной доходностью и вполне ожидаемым социальным эффектом. Однако некоторые из респондентов отметили, что потребность в тиражируемости опыта организации не всегда оправдана. Интерес представляет точка зрения эксперта М.: *«Для начала, конечно, социальный предприниматель должен проанализировать ситуацию в том регионе, где он хочет открыть филиал, чтобы понимать, а нужно ли это делать. Ведь у каждого региона нашей страны — свои проблемы. В Петербурге, например, несколько организаций занимаются трудоустройством инвалидов, работают с ними, в этом городе нет смысла открывать филиал наших мастерских»*. Указывали и на факт недостаточной масштабности тиражирования.

Рассматривая вопрос о государственной поддержке, важно подчеркнуть, что при старте бизнеса только трое из социальных предпринимателей получили существенную финансовую помощь от государства. Вместе с тем многим в целях развития организаций частично оказана поддержка от государства в той или иной форме, а именно — субсидия для компенсации затрат на запуск социального бизнеса (двум социальным предприятиям); субсидия на обустройство помещения для работы по результатам конкурсного отбора (трем социальным предприятиям); участие в бесплатных программах акселерации, обучение и сопровождение с помощью опытных экспертов и предпринимателей (участвовали большинство руководителей социальных предприятий).

Поддержку от Фонда «Наше будущее» в виде беспроцентных займов получили шесть социальных предприятий; информационное обеспечение и продвижение, в том числе посредством портала «Новый бизнес: социальное предпринимательство» — десять таких объектов, т. е. практически все, помощь в реализации продукции под знаком «Больше, чем покупка!» — два предприятия.

Однако социальные предприниматели из регионов отмечали, что по сравнению с Санкт-Петербургом и Москвой они практически не получают поддержку от местной власти. Эксперт И., например, сообщает: *«Мы несколько раз просили помочь с арендой помещения, его оснащением, но так все и оставалось. Если сравнивать с Москвой или Санкт-Петербургом, то у нас помощи от власти мало или, можно сказать, вообще никакой. Помогают только тем, кто потом может принести финансовую выгоду, а остальные вынуждены справляться самостоятельно»*. Ряд социальных предпринимателей поделились информацией о том, что получают поддержку от спонсоров, частных и корпоративных, и это позволяет им решить в первую очередь финансовые трудности организации.

Итак, с учетом изложенного можно сделать вывод, что сегодня для социальных предпринимателей предусмотрены определенные формы государственной поддержки, которые помогают и начинать бизнес, и развивать его. Между тем опрошенные обратили внимание на дефицит некоторых видов помощи. Большинству респондентов (десяти) не хватает имущественной формы поддержки. В частности, эксперт Л. утверждает: *«Если город и дает помещение для работы, то чаще всего оно требует капитального ремонта, а значит, приходится тратить огромную сумму на ремонт, чтобы можно было работать. Было бы неплохо, если бы городские власти предоставляли помещения для социального бизнеса не такие разрушенные, а более качественные, в которых можно сделать небольшой косметический ремонт и начать работать»*. Четверо среди социальных предпринимателей выделили такой вид, как помощь в доступе к сбыту. Эксперт Д. отметил: *«Сейчас сложно найти крупного заказчика и рынок сбыта для продукции. У властей города возможностей больше: они могут организовывать выставки, где мы можем продавать свою продукцию, могут помочь найти крупных заказчиков»*.

Респонденты не забыли и об информационной поддержке. Эксперт Б. уточнил: *«...Большинство людей не понимают, чем мы занимаемся и с какой целью, поэтому важно, чтобы о нас рассказывали. Чем больше опыт социальных предприятий будет мелькать в повседневной жизни людей, тем больше помощи мы сможем получить. Ведь есть люди, которые не знают, но очень хотят помочь. Услышав о нас и узнав всю необходимую информацию, они придут и окажутся полезными. Позднее эти же люди по сарафанному радио разнесут о нас вести и т. д.»*. Важной формой помощи социальные предприниматели считают создание инфраструктурного подразделения, где они смогут получить комплексную поддержку, необходимую для успешного развития их социального бизнеса. Так, эксперт З. подчеркнул: *«Отлично будет, если в городе создадут подразделение, в котором можно будет получить комплексную поддержку, обучение пройти, с юристом проконсультироваться по некоторым аспектам и рассмотреть возможности сотрудничества с зарубежными организациями. Сейчас это все разбросано — одно там, другое здесь, а это весьма неудобно»*. Актуальным для опрошенных стал вопрос о законодательном статусе социального предпринимательства: Эксперт Л. резюмировал: *«Юридический статус социальных предпринимателей очень важен. Мы сможем понять, к кому мы относимся, кто мы вообще такие (смеется), на какую поддержку можем рассчитывать и от кого»*.

Таким образом, в Российской Федерации социальное предпринимательство находится на этапе формирования, его полноценному и активному развитию препятствуют следующие барьеры. Во-первых, отсутствие нормативно-правовой базы. Сегодня понятие *социального предпринимательства* не закреплено законодательно. Соответственно, социальные предприниматели не могут получить правовую поддержку и льготы, предусмотренные в процессе развития бизнеса, что создает помехи в их деятельности, направленной на решение социальных проблем. Разработка социально-правовой базы возможна, на наш взгляд, во взаимодействии юристов, экономистов, социальных предпринимателей и органов власти. Во-вторых, *дефицит развитой информационной поддержки социального предпринимательства*. Речь идет о масштабной ретрансляции накопленного позитивного опыта социального предпринимательства в различных регионах России. В настоящее время лишь в некоторых регионах накоплен небольшой опыт трансляции. Масштабная трансляция могла бы служить мощным мотивирующим механизмом воздействия на общественность и потенциальных социальных предпринимателей. Активное информационное сопровождение обеспечило бы социальным предпринимателям популярность, а также стало бы источником информирования общества о специфике социального предпринимательства, возможной успешной реализации его моделей в разных сферах деятельности. Сегодня по-прежнему не налажена ретрансляция наиболее удачного позитивного опыта социального предпринимательства, что резко снижает динамику его роста. В-третьих, создание инфраструктурных подразделений поддержки социальных предпринимателей. Повышение роли государства в финансировании социальных проектов на начальной стадии их развития и этапах роста увеличит, по нашему мнению, количество социальных предприятий, а также привлечет представителей крупного бизнеса и государственной власти к процессу поддержки.

Тем не менее, несмотря на не слишком благоприятные условия среды, в России социальное предпринимательство активно развивается, практически не уступая зарубежным аналогам. Наряду с тем, что государственная поддержка социального предпринимательства расширяется и постепенно формируется законодательная база, социальный бизнес и самостоятельно стремится к активному развитию на территории Российской Федерации. Об этом свидетельствуют инициированные его представителями форумы, официальные встречи, конференции, посвященные социальной проблематике. Данные мероприятия направлены не только на налаживание взаимодействия социальных предприятий, но и на поиск инвесторов, популяризацию социальных предприятий в масштабах региона и страны в целом.

Огромную роль в развитии социального предпринимательства играет и негосударственная поддержка. Ее социальным предприятиям оказывает Фонд «Наше будущее», целью которого являются социальные изменения за счет вложения ресурсов и знаний в продвижение социального бизнеса как относительно нового явления в социальной и экономической жизни страны. Участники проведенного опроса указывают на достаточно выраженную поддержку своей деятельности со стороны Фонда. К тому же, если социальное предприятие было ранее замечено Фондом, он не теряет с ним связь и по окончании проекта.

Мотивационная составляющая у социальных предпринимателей не ограничивается получением прибыли, а предполагает наличие позитивного социального эффекта. Вместе с тем руководители социальных предприятий стремятся ограничить взаимодействие с федеральными и региональными органами власти или с органами местного самоуправления, поскольку от них, как указывают предприниматели, редко удастся получить помощь. Однако необходимость в

такой поддержке со стороны властей очевидна. По словам эксперта М., *«если будет хорошая поддержка со стороны властей, будет намного проще осуществлять свою деятельность»*. Эксперт Ж. также считает, что *«было бы неплохо, если бы власти города помогли создать связи с крупным бизнесом»*. Судя по итогам опроса, немало сделано для того, чтобы были внесены изменения в законодательство, направленные на упрочение статуса социального предпринимателя. Соответствующие внесенные изменения порождают оптимизм у представителей этой категории граждан.

Таким образом, полученные в результате исследования данные, показывают, что, несмотря на проблемы и трудности, социальное предпринимательство активно развивается, опираясь на сложившиеся практики и значительный опыт функционирования в Санкт-Петербурге и регионах РФ. При условии преодоления (разрешения) существующих помех и препятствий социальное предпринимательство могло бы в течение нескольких лет выйти на новый уровень, который отвечал бы возросшему объему потребностей населения в социальных услугах.

Литература

1. Москвитин А. А. Потенциал третьего сектора: инновационные подходы для развития территорий (социальное предпринимательство). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 108 с.
2. Качко Д. С. Социальное предпринимательство: проблемы и перспективы развития в России // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 3. С. 215–221.
3. Зверева Н. Социальное предпринимательство: взгляд в будущее [Электронный ресурс] // Новый бизнес. Социальное предпринимательство. 2011. 25 янв. URL: <http://www.nb-forum.ru/interesting/experts/sotsialnoe-predprinimatelstvo-vzglyad-v-budushee.html> (дата обращения: 18.05.2019).
4. Клепикова Т. В. Развитие социального бизнеса в России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 282–286.
5. Неклюдов В. С., Ключева Ю. С. Особенности развития социального предпринимательства в России [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2016. № 1. С. 41–44. URL: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2016/03/2016_1_z04_Nekludov.pdf (дата обращения: 18.05.2019).
6. Усикова Ю. А., Зленко А. Н., Курпоров Ю. И. Особенности государственной поддержки в сфере социального предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12, ч. 4. С. 263–267.
7. Хаматуллина А. Р. Сущность социального предпринимательства и его функции // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2015. № 4. С. 86–89.

В. Л. Погодина, А. С. Матвеевская, И. Г. Филиппова

Ландшафтные возможности и предпочтения выбора мест для рекреации жителей мегаполисов (на примере Санкт-Петербурга)

**V. L. Pogodina, A. S. Matveevskaya, I. G. Filippova. Landscape Opportunities
and Preferences for Choosing Recreational Places of Megalopolis Residents
(on Example of St. Petersburg)**

Житель большого города все чаще нуждается в полноценном отдыхе на лоне природы, чтобы насладиться тишиной и красотой пейзажа. Власть обеспокоена проблемами сохранения природной среды и создания в черте крупных городов зон отдыха, где можно организовывать рекреационные мероприятия. Необходимость и важность создания сети особо охраняемых природных территорий в пределах любого мегаполиса не вызывает сомнений. Но статус таких территорий подразумевает, как правило, запреты и ограничения на организацию рекреационных мероприятий. В статье подробно описаны рекреационные возможности для рационального использования компонентов природной среды города. Авторами проведен геоэкологический анализ распределения рекреационных зон на примере Санкт-Петербурга, а также выявлены особенности природы, которые необходимо учитывать при проектировании зон отдыха в таких городах.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, экологический туризм, туристская деятельность, туристско-экскурсионное проектирование, ландшафт мегаполисов.

Контактные данные: В. Л. Погодина: 191186, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 18; (812) 315-75-25; vlpogodina@

A resident of a large city is increasingly in need of a complete rest in the bosom of nature, enjoy the peace and beauty of landscapes. The administration of megacities is concerned about the problems of preserving the natural environment and creating within the city limits a network of recreational areas where recreational activities can be organized. The necessity and importance of establishing a network of specially protected natural areas within the metropolis is not in doubt. But the status of the created nature reserves implies, for the most part, prohibitions and restrictions for the organization of recreational activities. A detailed description of recreational opportunities for the rational use of individual components of the city's natural environment is presented. The authors conducted a geoecological analysis of the allocation of recreational areas in large cities. Features of nature that should be considered when designing recreational areas in large cities, on example of St. Petersburg, are noted.

Keywords: recreational places, specially protected natural areas (SPNA), geoecological analysis, ecological tourism, tourism-recreation activity.

Contact Details: V. L. Pogodina: Bol'shaya Morskaya St. 18, St. Petersburg, Russian Federation, 191186; (812) 315-75-25; vlp-

Виктория Леонидовна Погодина — профессор кафедры туристского бизнеса Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доктор педагогических наук, доцент.

Анна Сергеевна Матвеевская — старший преподаватель кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат географических наук.

Ина Георгиевна Филиппова — заведующий кафедрой предпринимательства и туризма Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат исторических наук, доцент.

© Погодина В. Л., Матвеевская А. С., Филиппова И. Г., 2019

mail.ru | **А. С. Матвеевская:** 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; (812) 326-49-63; annamatveevskaya@mail.ru | **И. Г. Филиппова:** 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 449-81-76; ingaphilippova@yandex.ru.

godina@mail.ru | **A. S. Matveevskaya:** Universitetskaya Emb. 7–9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034; (812) 326-49-63, annamatveevskaya@mail.ru | **I. G. Filippova:** Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 449-81-76; ingaphilippova@yandex.ru.

Introduction

One of the tasks of tourist-recreational activity is to optimize environmental management. Recreation in the lap of nature, using natural resources and conditions, occupies a special place in this regard. Organization of this type of recreation is designed to minimize damage to the environment [1]. Experts, discussing the organization of eco-tourism, use the following terms for its characteristics: “bio-tourism”, “natural”, “green”, “soft”, “quiet”, “non-tech”. The Russian law on tourism explains ecotourism as travel for the purpose of environmental education and training. At the same time, eco-tourism should consider the protection of local socio-cultural sphere, be economically effective and contribute to the development of those regions where it is organized [2]. Environmental protection activity (for example, garbage-collecting) is not a mandatory feature that should determine the recreational program related to eco-tourism.

The concept of the Federal target program “Development of domestic and inbound tourism in Russian Federation (2019–2025)” was approved by the order of Government of Russian Federation no. 872-p, signed on May 5, 2018. The head of Government Dmitry Medvedev points out the following: “Growing interest in cultural, educational and ecological tourism focused on recreational activities in nature is considered a global trend. This makes Russian Federation an even more attractive tourist destination for Russian and foreign tourists. The main regions for the development of eco-tourism in Russia are concentrated in Siberian, Far Eastern, Volga, Ural, North-Western, North Caucasian and Southern federal districts. The Agency of Tourism Statistics reports that more than 9 million people visit natural national parks and reserves of Russia annually” [3].

Landscape features play a leading role in eco-tourism. Natural parameters are considered as resources and conditions for organization of recreational activities by the nature of the impact on recreation. Natural components and their combinations are evaluated as factors contributing to the development of certain types of recreational activities. Conducting the estimation of tourist-recreational potential of territory, it is necessary to determine the complex of leading conditions and factors, both contributing to and limiting the ecological and recreational development of the region [4].

St. Petersburg is known as the main center of tourism in Russia. 8.3 million tourists visited the city in 2018 [5]. Unfortunately, only a few visitors seek to revisit St. Petersburg. At the same time, the number of residents of megapolis and the adjacent Leningrad Region exceeds 7 million people [6]. The city has gained fame as the cultural capital of country with a combination of developed infrastructure and cultural and historical resources. Traditional types of tourism are cultural, educational, business and sports and recreational. A variety of landscape conditions is a necessary and enough potential for development health, ecological, cruise and extreme types of tourism. Rural and ethnic travels are developing. City parks and urban specially protected natural areas are the most important condition

for effective recreation for residents of megalopolises and tourists arriving, and this city with different purposes. Traditional activities for the territory of Large St. Petersburg are visiting recreational natural objects, rest on nature.

Materials and methods

Landscapes intended for use for recreation are studied by a special type of landscape geography — recreational landscape science. Determination of effective ways of using such complexes is the most important tasks of recreational landscape studies. Many countries worked out and widely apply a variety of techniques that allow to give a comprehensive assessment of projects of tourist and recreational development of territories. Foreign methodologies that are used to assess the projects of tourist and recreational development territories are considered: Environment Impact Assessment (EIA); Assessment of current capacity (Assessment of Carrying); Visitor load accounting (Visitor Impact Management, VIM); Limits of Acceptable Change (LAC) [7].

One of the forms of environmental management is the allocation and development of specially protected natural reservation (SPNR). Such territories have different status. Placing of industrial enterprises and carrying out agricultural work is prohibited in most of them. In some of them recreational activities are allowed. The main task of protected areas, related to nature conservation, is often in conflict with the task of increasing the intensity of tourist visits to the protected area. Recreational development of protected areas can create a certain socio-cultural load and leads to a change in nature [8], although its scale is usually incomparably smaller compared to those in industrial and agricultural production. Uncontrolled flow of tourists can worsen the environmental situation [9]. Consequently, it minimizes the possibility of further functioning of the territory, not only as protected, but also as recreational.

The following types of assessments are necessary for research of ecological and recreational potential of SPNR:

ecological (determination of the background ecological state of territories and water areas, identification of local areas attractive for organizing eco-tours and at the same time possessing enough environment sustainability, diagnostics of the level of environmental safety for tourists);

- technological (consideration of the functional suitability of resources);
- physiological (determining the degree of comfort conditions);
- psychological (revealing the level of aesthetic qualities);
- cost (for the calculation of tourist rent) [10].

Modern domestic practice offers tourists as an eco-tourism tours within SPNA — national and natural parks, nature reserves, etc. The objects of ecological excursion show and the territories of visiting within the framework of eco-tourism are not only natural, but also cultural attractions, including natural-anthropogenic landscapes of different genesis [11]. The choice of visited objects is determined not so much by uniqueness, but by the degree of awareness of possible visitors. One of sustainable directions of tourism development is associated with trips to unique natural and geographical objects. Destinations of eco-tourism world level are the objects of the world Natural Heritage List of UNESCO [12].

Modern vacationers are showing increasing interest in areas classified as areas with extreme natural conditions for human life. These can be spaces with a harsh cold climate, with animals that are especially dangerous to human life and health; areas which are particularly affected by the consequences of natural disasters, or anthropogenic accidents, activities that turned the area into a territory dangerous

to the life and health of the person on it. Tour operators are looking for new forms of organization in such areas of recreational activities [13]. Modern man especially needs a kind of rest from the intense rhythm of city life [14]. The most common trips using natural resources are recreational (relaxation) and health (rehabilitation). Active, sports recreation takes the second place. These are rafting on rivers and lakes, including yachting, trekking, mountaineering and climbing, skiing tourism, etc. Popular leisure activities among Russian are hunting and fishing, as well as amateur collection of mushrooms, berries, medicinal plants. Some tourists decide on nature-oriented tours with a desire to test themselves in extreme programs. So-called “survival” tours. Numerous offers on the market of recreational services relate to adventure recreation (diving, caving, visiting the area, the natural features of which are exclusively exotic, etc.) [15].

Visits of the so-called “Norwegian (rope) parks” have become very popular. Norwegian parks are particularly attractive for lowland areas devoid of significant rock formations that can attract climbers to natural obstacles [16]. The most significant problems of the development of a network of such parks are: not mandatory, but voluntary certification; lack of proper control and security; possible aggravation of environmental problems in the area where such parks are created and actively used.

Another trend of our time is the desire to use unconventional types of vehicles. Cycling is one of the available alternatives to the car. Cycling tourism is one of the types of sports tourism, which consists of cycling routes containing bicycle-specific obstacles. The problem for organizing cycling is the lack of the necessary infrastructure, including all the elements that ensure the functioning of cycling: the cycle path or cycle track system, cycle parking, signs, traffic lights, road signs for cyclists, recreation centers, rental centers and the system of supporting bicycle traffic. Cycling is becoming an increasingly popular form of outdoor activities. The growth of its popularity is associated with the fashion for a healthy lifestyle.

Experts consider equestrian tourism as a form of eco-tourism. It is gaining popularity in the global tourism industry. Equestrian tours are a range of services, including horseback riding training, classes in the open arena, rides on equestrian routes of varying degrees of difficulty, equestrian equipment, accommodation, feed and additional services. Riding skills are not required, as beginning of tourist rest is educating to the receptions of handling a horse and training on riding. The organization of equestrian routes can have a negative impact on the natural complexes along which they will pass. Designers need to consider the ecological capacity of landscape, use technologies for cleaning routes from household waste, the appearance of which is inevitable.

Results

The main feature of the climate of St. Petersburg is the lack of heat and excess moisture. The territory is in area with a shortage of ultraviolet rays. Real opportunities for climate therapy are available on the territory of Large St. Petersburg. However, the optimal period for its implementation is short. Possible strong winds of winter and autumn can be considered negative factors for the development of recreation. Squall winds with considerable power are observed at times. Changeable mode of atmospheric pressure is determined by the geographical location of the territory. Sudden pressure drops can negatively affect the well-being of even healthy people. People with diseases of the cardiovascular system suffer the most. Variability, instability of weather creates serious difficulties for synoptic forecasting in St. Petersburg [17].

From average data a steady snow cover lies in the suburbs of St. Petersburg for about 140 days. The height of the snow cover is small due to thaws and is 30–40 cm by the end of winter [18]. However, especially warm years were observed repeatedly, when the snow-cover was not formed during all winter. This makes it difficult to predict the organization of recreation for people in the territory in winter. In general, the climatic conditions of St. Petersburg are characterized as relatively favorable: summer rest is short, unstable weather conditions; in winter, frosty weather can be replaced by long thaws.

Therapeutic recreation is organized on a large-hilly or ridge relief, where the slightly hilly or undulating terrain is relatively favorable. The relief of greater part of the described territory is exactly like that. The area, where forested hills are combined with deep hollows, is very picturesque. This nature of the surface contributes to the development of hiking and cycling. The most favorable conditions for therapeutic and recreation are available on the Karelian Isthmus in the Northern and North-Western regions of Greater St. Petersburg.

Urban areas are washed by the Gulf of Finland of the Baltic Sea. Neva connects St. Petersburg with the waters of the largest European lake – Ladoga. In St. Petersburg, the swimming season averages 60 days — from mid-June until the end of August (the duration of the swimming season is determined by the number of days with water temperatures above +170 C) [19]. The shores of the Gulf of Finland are characterized by good sandy beaches and sandy bottoms. Beaches along the Northern coast of the Gulf of Finland are especially popular in St. Petersburg. However, the beaches are not equipped with the necessary infrastructure everywhere. Vacationers accumulate in areas of equipped beaches, as a result of sanitary-hygienic indicators of the beach area are reduced. When designing a recreation area near the water, it is necessary to specify the rate of additional recreational load along the length of the coastline, depending on the specific natural complex.

Conditions for yachting are available in the Gulf of Finland. This is a large area with enough depth (from three meters) and significantly indented coastline (sailing ships can take refuge in a strong wind). However, the infrastructure for maintenance of yachts in the city still does not exist. Large urban water reservoirs are increasingly used for jet skiing, motorboats and windsurfing. The Gulf of Finland, lakes and rivers of the region are covered with ice for more than four winter months.

Most of the rivers that flow through the territory of St. Petersburg and its suburbs have a calm, balanced character. Rivers and lakes of the suburbs of St. Petersburg allow to develop family tourism on boats and rafts. This type of tourism does not pursue sports goals, it can be practiced by people who love measured rest on the water. Water cruises (including international ones) are one of the priorities of tourism development. Large water areas can be used more intensively for motor ship, cruise tourism (Baltic, Neva, Ladoga, Svir, Onega). Some limitations to the development of ship rest will be in high rates of storm frequency, especially in the autumn months. Short waves are ways to induce a strong pitching on the Baltic and Lake Ladoga. A serious obstacle to the further development of motor ship tours is the lack of appropriate berths along the routes of vessels running. The Central part of St. Petersburg offers tourists especially popular walks on boats, river ships (including those capable of passing under low small bridges of the central part of the city).

Mineral waters and therapeutic muds are available on the territory of St. Petersburg. Sodium chloride sources related to the Cambrian deposits are found almost everywhere. These waters are represented most widely on the Karelian Isthmus (Sestrotetsk, Gorskaya, Lysii Nos, Devyatkinno, Vsevolozhsk). These waters are used for balneotherapy in local health resorts, they normalize the body's metabolism, and have

a beneficial effect on the activity of the central nervous system. The most famous mineral water — Polyustrovskie located on the right bank of the Neva. Sources were discovered at the beginning of the XVIII century by a court physician of Peter I — L. Blumentrost. One of the first resorts in Russia functioned here from 1721 to 1865 based on these sources [20]. Doctors prescribe the use of this water for some forms of anemia, stomach diseases, as well as a table drink. Conditions for mud therapy are also favorable. Significant reserves of sapropel mud were found on the lakes. Peat mud resources are practically inexhaustible in this territory. The use of medicinal properties of the famous Cambrian clay in St. Petersburg is just beginning.

The predominant type of vegetation is coniferous forests, characteristic of the subzone of the middle and southern taiga. The predominant tree species in the forests are spruce, pine and small-leaved trees: birch, aspen, mountain ash, etc. Taiga forests have a great healing effect on the human body due to the ionization and phytoncidal properties of plants. Pine forests have a high ionization ability, which has a cleansing effect on the human body. They are widely represented on the Karelian Isthmus, along the southern coast of the Gulf of Finland. Pine forests are considered the most favorable for recreation in the suburbs of St. Petersburg. Psychologically, a person feels more comfortable in the pine forests of heathlands, bilberries, lingonberries [21]. These forests are light, easily passable, they are not for nothing called park forests. Feeling in a spruce, dark, damp, sometimes difficult forest is less comfortable psychologically. Seasonal recreational loads on the forests of St. Petersburg's suburban area are significant, but their intensity varies in different areas. Trampling oppressive effect on taiga species (especially shrubs). Trampling leads to damage and disease of roots and shoots, primarily woody. The oppression and partial destruction of shrubs and trees of lower tier leads to lightening of the forest, which, in turn, leads to the displacement of forest species of plants by meadow turf soils.

Swamp complexes occupy both huge areas and small areas in forest in the taiga zone. Swamps on the territory of the Greater St. Petersburg are rich in berries, can be used for limited extent for picking berries (cranberries, cloudberries, lingonberries, blueberries, etc.), mushrooms or for hunting. Uncontrolled, intensive visits by tourists to swamps causes changes in vegetation cover, as a result of which their biological productivity decreases. Plants that can harm human health grow on this territory. These are, for example, poisonous plants: black henbane, poisonous milestone, crow's eye, wolf's bark, hogweed, etc. Each summer-autumn season registers cases of mushroom poisoning. It is necessary to inform people who decide to relax in nature.

The fauna of the city is rich and diverse. Several hunting species, numerous in the suburbs of St. Petersburg, virtually absent in European countries. About 80 species of fish are found in the waters of rivers and lakes. These are such species of fish, including valuable species, like salmon, brown trout, whitefish, sturgeon, grayling. Nature preserves are designed to preserve fauna. Restrictions on visits to certain areas are introduced during the bird nesting period. Some unfavorable features of individual representatives of the local fauna are also observed here. This is the abundance of bloodsucking insects (midges) in the summer. Some members of the fauna can be dangerous to humans, because they are carriers of various infections. All this is important to consider when organizing various types of recreational activities. Among the actual poisonous animals that are dangerous to human life, we can single out only the common viper. Danger can also come from large animals. Cases of attacks on humans are extremely rare, but collisions with them on the roads, especially with elks, often cause tragedies. Consequently, expressways should be equipped properly (for example, install a special barrier along the tracks).

Discussion

Recreational programs can be combined with other activities (sports, recreational, informational, educational, classes of interest) in St. Petersburg [22]. The natural resources of Greater St. Petersburg make it possible to develop health tourism — a sanatorium and resort vacation in order to strengthen or restore health. The nature of the territory of Greater St. Petersburg is largely anthropogenically transformed. However, many landscapes are unique, classified as specially protected. One of the largest megacities in Europe is the five-millionth of St. Petersburg, surrounded by a network of satellite cities with powerful industrial and agricultural potential. Natural systems within a radius of 100–150 km of a city and its suburbs occupy no more than 20 % of the entire territory. On the territory of St. Petersburg, specially protected natural areas are allocated. These include areas of land, water surface and air space above them, where natural complexes and objects of special environmental, scientific, cultural, aesthetic, recreational and recreational importance are located. These territories were withdrawn by decisions of public authorities in whole or in part from economic use, for them a special protection regime has been established. Natural reserves and monuments of nature (geological, geomorphological, hydrological, botanical) are located on the territory of Greater St. Petersburg. The possibility of visits by recreants determines the prospects for the further development of ecological tourism.

On the territory of St. Petersburg allocated specially protected natural areas, where areas with high-rise buildings and industrial zones dominate. The organization of a network of specially protected natural areas is the most important condition for the formation of a harmonious urban environment. Such territories improve the aesthetics of urban landscapes, along with the artificially created vegetation of gardens and parks, greenery on the streets [23]. 15 protected areas are allocated within the city limits of Greater St. Petersburg. The total area of the fifteen currently existing protected areas in St. Petersburg is 6,140 hectares (more than 4 % of the entire city territory). Most of them are close to the coast of the Gulf of Finland. A comparison of the urban landscape map and SPNA located within their boundaries allows to make a conclusion about unequal representation of each landscape. This should be considered when designing new protected areas within the city limits. The first place in terms of the number and area of specially protected natural areas will be taken by the Kurortny district. It is planned that protected areas will occupy 1/10 of its area by 2 025.

Eight nature reserves: Yuntolovsky, Gladyshevsky, the Northern coast of the Neva Bay, Lake Shchuchye, the Sestroretsk swamp, West Kotlin island, the Southern coast of the Neva Bay, the Novoorlovsky are of importance for recreation purposes. They are created to preserve or restore several components of nature and to maintain the overall ecological balance. Some types of economic activities are limited on their territory. It is difficult to overestimate the importance of SPNA within a large city [24], such as St. Petersburg. A program for further expansion of the network of territories with this status exists.

Some park areas need to be given the status of protected areas (for example, by analogy with the nature monument Elagin Island, or the park “Sergievka”). For example, Shuvalovsky Park is located on the Northern outskirts of St. Petersburg. This is a popular holiday destination of citizens. The authorities failed to implement some decisions on granting the status of protected areas. Here are some examples. In 1996, the decision was made in order to preserve the unique natural complex of the Suzdal Lakes. Establish the status of protected areas for the natural complex

of Suzdal Lakes in the Vyborg and Primorsky districts of the city. Suzdal Lakes are a unique natural formation, representing a system of three lakes. Bizarre coastal outlines, flat terrain from the west, hilly from the east, combined with the water surface, predetermine landscape diversity and determine aesthetic appeal. The functional use of the lakes has a wide range, including recreational. The decision is not made. In 1997, the city government determined the need to establish an integrated (landscape) St. Petersburg state natural reserve of regional significance in the territories of the city of Pavlovsk and the city of Petrodvorets. The decision was not made.

Conclusions

The General plan of St. Petersburg provides for the organization of a system of SPNA in order to improve the environmental protection. New SPNA will be created before 2025. Some of them, for example, “Levashovo forest”, “Coastal ledge Serovo”, “Puhtolova mountain” can be examples of new types of SPNA, that solve both environmental and recreational tasks. Natural parks of different profiles can be created on the territory of the city. From the point of view of modern scientific approaches, the most promising forms of natural parks should be parks which provide:

- Zones of scientific and educational importance (for scientific ecological and landscape researches with arrangement of ecological trails and routes);
- Recreational zone (with construction of walkways, stops, tent camps and parking for tourists, mini-camp sites, tourist sites);
- Sports tourist parks (with specially organized territories, including facilities and areas for training and amateur qualifying tourism, as well as educational and sports tourist events—tourist rallies, competitions, seminars, etc.);
- Fishing and hunting parks (with specially designated territories for carrying out hunting and amateur fisheries regulated by licenses, as well as ecological, zoological, ichthyological research and activities);
- Water parks (focused on water areas and territories suitable for the development of water tourism—yachting, swimming, boating, relaxing on the beach, etc.);
- Agricultural parks, and in the version of St. Petersburg—natural — historical dacha zones (with dedicated special areas designed for agricultural activities, exhibiting its tourists, as well as the creation of country museums, ethnic museums, museums demonstrating the achievements of modern science and technology in the arrangement of dacha farms, not harmful to the natural environment).

In any case, SPNA should have visit centers equipped in accordance with international experience and modern requirements for the organization of eco-excursion and tourism activities. Eco-tourism can and should become for the economy of St. Petersburg not only an urban, but also a Federal specialization, with a correctly built policy based on the integrated use of tourism and reclamation resources, considering all conditions that can contribute to the development of recreation.

Литература

1. *Schirru M. R.* Montalto di Castro — Sustainable Tourism as an Opportunity for Urban and Environmental Regeneration // International Symposium on New Metropolitan Perspectives: Conference Paper. 2018. P. 645–653. DOI: 10.1007/978-3-319-92102-0_70.
2. *Nikolaeva J. V., Bogoliubova N. M., Shirin S. S.* Ecological Tourism in the State Image Policy Structure. Experience and problems of modern Russia // Current Issues in Tourism. 2018. Vol. 21, is. 5. P. 547–566. DOI: 10.1080/13683500.2015.1100588.
3. Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.): концепция Федеральной целевой программы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru> (дата обращения: 05.05.2019).

4. Slater S. J., Tarlov E., Jones K., Matthewa S. A., Wing C., Zenk S. N. Would Increasing Access to Recreational Places Promote Healthier Weights and a Healthier Nation? // *Health and Place*. 2019. Vol. 56. P. 127–134. DOI: 10.1016/j.healthplace.2019.01.013.
5. Официальный сайт Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО) [Электронный ресурс]. URL: <http://unwto.org/ru> (дата обращения: 26.06.2019).
6. Официальный сайт Федерального агентства по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/> (дата обращения: 26.06.2019).
7. Matveevskaya A., Pogodina V., Ermolina M. Geoecological Approach to the Design of Recreational Areas in Large Cities // *MATEC Web of Conferences*. S. Kudryavtsev, C. Yoo and A. Zhussupbekov (eds.). 2019. Vol. 265. DOI: 10.1051/mateconf/201926506012.
8. Paranina A. Archaeological objects as elements of informational life support system and sources of information about the evolution of the environment // *International Journal of GEOMATE*. 2017. Vol. 13, is. 35. P. 100–107. DOI: 10.21660/2017.35.6722.
9. Stefănică M., Butnaru G. I. Research on Tourists' Perception of the Relationship Between Tourism and Environment // *Procedia Economics and Finance*. 2015. Vol. 20. P. 595–600. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00113-6.
10. Matveevskaya A. S., Pogodina V. L., Tarakanova T. S., Evseev V. V., Nesterova I. E. Technologies of Tourism in the Modern Urban Environment // *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCET)*. 2018. Vol. 9, is. 10. P. 1566–1574.
11. Paranina A. N., Paranin R. V. Information in Geographical Space as the Basis of Cross-disciplinary Researches in Culture Geography // *European Journal of Geography*. 2017. Vol. 8, is. 3. 2017. P. 67–77.
12. Баранов А. С., Драпеко Е. Г., Богданов Е. И. Всемирное наследие Санкт-Петербурга в контексте культурно-познавательного туризма // *Музей и проблемы культурного туризма: материалы девятого Круглого стола в Государственном Эрмитаже*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. С. 42–48.
13. Pozdeeva E. G., Trostinskaya I. R., Evseeva L. I., Ivanova R. A. Problems of Personality type Transformation in Current Conditions of Russian Society: International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences. RPTSS 2017 // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2018. P. 1092–1099. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.128.
14. Shipunova O. D., Kolomeitsev I. V. Sociotechnical system and socio-cultural environment in modern society // *Nauchno-tehnicheskie Vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*. 2010. Vol. 1, is. 105. P. 15–21.
15. The Geography of Tourism of Central and Eastern European Countries. K. Widawski, J. Wyrzykowski (Ed.). 2017. P. 551. DOI: 10.1007/978-3-319-42205-3.
16. Погодина В. Л., Филиппова И. Г. География туризма: учебник. М. 2015. 256 с.
17. Матвеевская А. С., Погодина В. Л. Новые объекты туристского интереса и их отражение в реестре туристских ресурсов Санкт-Петербурга // *Туризм и образование: исследования и проекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2017*. С. 44–50.
18. Белкина И. Н., Погодина В. Л. Эколого-рекреационные особенности ландшафтов Ленинградской области // *Геология и эволюционная география: коллективная монография по материалам III Междунар. семинара*. СПб., 2003. С. 156–166.
19. Григорьев А. А., Зелюткина Л. Л., Исаченко Т. Е., Коростелев Е. М., Паранина А. Н., Севастьянов Д. В. Наследие Северо-Запада России и рекреационное природопользование. СПб., 2013. 152 с.
20. Гайдай А. С., Погодина В. Л. Особенности проектирования экологических троп на охраняемых территориях Санкт-Петербурга // *Природное и культурное наследие. Междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: коллективная монография по материалам V Междунар. науч.-практ. конф.* 2016. С. 440–445.
21. Nutsford D., Pearson A. L., Kingham S. An Ecological Study Investigating the Association Between Access to Urban Green Space and Mental Health // *Public Health*. 2013. Vol. 127, is. 11. P. 1005–1011. DOI: 10.1016/j.puhe.2013.08.016.
22. Проблемы развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации: коллективная монография. СПб., 2018. 223 с.

23. *Thongdejsri M., Nitivattananon V.* Assessing Impacts of Implementing Low-carbon Tourism Program for Sustainable Tourism in a World Heritage City // *Tourism Review*. Vol. 74, is. 2. P. 138–156. DOI: 10.1108/TR-04-2017-0082.
24. *Kovnova T., Koleva V., Dragoeva A. P., Natche N.* Peri-urban National Parks as Green Spaces for Recreation: A case Study of Nature Park Shumen Plateau // *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*. 2019. Vol. 10, is. 1. P. 46–58. DOI: 10.4018/IJSESD.2019010104.

References

1. *Schirru M. R.* Montalto di Castro, Sustainable tourism as an opportunity for urban and environmental regeneration. (Conference Paper), 2018, pp. 645–653. DOI: 10.1007/978-3-319-92102-0_70.
2. *Nikolaeva J. V., Bogoliubova N. M., Shirin S. S.* Ecological tourism in the state image policy structure. Experience and problems of modern Russia. *Current Issues in Tourism*. Vol. 21, Issue 5, 2018, pp. 547–566 DOI: 10.1080/13683500.2015.1100588.
3. The Federal target program “Development internal and entrance tourism in Russian Federation (2019–2025)”, available at: URL: <https://www.russiatourism.ru> (Accessed 5 May 2019).
4. *Slater S. J., Tarlov E., Jones K., Matthewa S. A., Wing C., Zenk S. N.* Would increasing access to recreational places promote healthier weights and a healthier nation? *Health and Place*, Vol. 56, 2019, pp. 127–134. DOI: 10.1016/j.healthplace.2019.01.013.
5. Official website of World Tourism Organization (UNWTO), available at: URL: <http://unwto.org/ru> (Accessed 26 June 2019).
6. Official website of Russian Federal Agency for Tourism, available at: URL: <https://www.russiatourism.ru/> (Accessed 26 June 2019).
7. *Matveevskaya A., Pogodina V., Ermolina M.* Geoecological approach to the design of recreational areas in large cities. *MATEC Web of Conferences*, Vol. 265, 2019. DOI:10.1051/mateconf/201926506012.
8. *Paranina A.* Archaeological objects as elements of informational life support system and sources of information about the evolution of the environment. *International Journal of GEOMATE*, Vol. 13, Issue 35, 2017, pp. 100–107. DOI: 10.21660/2017.35.6722.
9. *Stefanica M., Butnaru G. I.* Research on tourists’ perception of the relationship between tourism and environment. *Procedia Economics and Finance*. 2015, pp. 595–600.
10. *Matveevskaya A. S., Pogodina V. L., Tarakanova T. S., Evseev V. V., Nesterova I. E.* Technologies of Tourism in the Modern Urban Environment. *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)* Vol. 9, Issue 10, 2018. pp. 1566–1574.
11. *Paranina A. N., Paranin R. V.* Information in geographical space as the basis of cross-disciplinary researches in culture geography. *European Journal of Geography*, No. 8 (3), 2017. pp. 67–77.
12. *Baranov A. S., Drapeko E. G., Bogdanov E. I.* World Heritage of St. Petersburg in the context of cultural tourism, 2011, pp. 42–48.
13. *Pozdeeva E. G., Trostinskaya I. R., Evseeva L. I., Ivanova R. A.* Problems of personality type transformation in current conditions of Russian society. *International conference on research paradigms transformation in social sciences (RPTSS 2017) European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*, 35, pp. 1092–1099. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.128.
14. *Shipunova O. D., Kolomeitsev I. V.* Sociotechnical system and socio-cultural environment in modern society. *Scientific and technical statements*, No. 1 (105), 2010, pp. 15–21.
15. *The Geography of Tourism of Central and Eastern European Countries.* K. Widawski, J. Wyrzykowski (Ed.) 2017, P. 551. DOI: 10.1007/978-3-319-42205-3.
16. *Pogodina V., Filippova I.* *Geography of Tourism*, 2015, P. 256.
17. *Matveevskaya A., Pogodina V.* New objects of tourist interest and their reflection in the register of tourist resources of St. Petersburg. *Tourism and Education*, 2017, pp. 44–50.
18. *Belkina I., Pogodina V.* Eco-recreational features of Leningrad region’ landscape. *Geology and evolutionary geography*, 2003, pp. 156–166.
19. *Grigoriev A., Zelyutkina L., Isachenko T., Korostelev E., Paranina A., Sevastiyarov D.* The Heritage of the North-West of Russia and recreational environment management, 2013, P. 152.

20. Gaidai A., Pogodina V. Features of the design of ecological trails in protected areas of St. Petersburg. Natural and cultural heritage, 2016, pp. 440–445.
21. Nutsford D., Pearson A. L., Kingham S. An ecological study investigating the association between access to urban green space and mental health. *Public Health*, Vol. 127, Issue 11, 2013, pp. 1005–1011. DOI: 10.1016/j.puhe.2013.08.016.
22. Problems of development of domestic and inbound tourism in Russian Federation, 2018, P. 223.
23. Thongdejsri M., Nitivattananon V. Assessing impacts of implementing low-carbon tourism program for sustainable tourism in a world heritage city. *Tourism Review*, Vol. 74, Issue 2, 2019, pp. 138–156. DOI: 10.1108/TR-04-2017-0082.
24. Kounova T., Koleva V., Dragoeva A. P., Natchev N. Peri-urban national parks as green spaces for recreation: A case study of nature park Shumen plateau. *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*, Vol. 10, Issue 1, 2019, pp. 46–58. DOI: 10.4018/IJSESD.2019010104.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-23-33

УДК 101.1

О. А. Моисеева, М. Ю. Чернавский

Идея тотальности идеологии в современной социальной философии

*О. А. Moiseeva, M. Yu. Chernavskiy. Idea of Totality Ideology
in Modern Social Philosophy*

В статье анализируется тенденция к тотальности идеологии в современной социально-философской мысли. Тотальность идеологии выражается в распространении этого феномена на аспекты социального бытия человека. Философы методологически апеллируют к пониманию идеологии как дискурсивного знания (М. Фуко), государственно детерминированной символической системе описания мира (П. Бурдьё), коннотации (Р. Барт), симулякру и симуляции (Ж. Бодрийяр), желанию субъекта (С. Жижек).

The article analyzes the trend towards the totality of ideology in modern socio-philosophical thought. The totality of ideology is expressed in the spread of this phenomenon to number of aspects of human social life. Philosophers methodologically appeal to the understanding of ideology as discursive knowledge (M. Foucault), state-determined symbolic system of describing the world (P. Bourdieu), connotation (R. Barth), simulacrum and simulation (J. Baudrillard), the desire of the subject (S. Zizek).

Ольга Александровна Моисеева — доцент кафедры общественных процессов, средств массовой информации и рекламных технологий Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), кандидат педагогических наук.

Михаил Юрьевич Чернавский — заведующий научной лабораторией «Анализ социальных проблем» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), доктор философских наук, доцент.

© Моисеева О. А., Чернавский М. Ю., 2019

Ключевые слова: идеология, тотальность идеологии, субъект, дискурс, символическая власть, гегемония, денотат, концепт, коннотация, симулякр, идеологический фантазм, желание.

Контактные данные: 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73; (495) 640-54-38; chernavsky14@mail.ru.

Keywords: ideology, totality of ideology, subject, discourse, symbolic power, hegemony, denotation, concept, connotation, simulacrum, ideological phantasm, desire.

Contact Details: Zemlyanoy Val St. 73, Moscow, Russian Federation, 109004; (495) 640-54-38; chernavsky14@mail.ru.

На протяжении последних четырех десятилетий феномен идеологии приобретает не только различные, но и диаметрально противоположные толкования в российских социально-философских и политологических исследованиях. Доминирующие интерпретации идеологии в научно-академическом и экспертно-аналитическом пространствах при этом закономерно синхронизировались с политической и социокультурной ситуацией в России и мире. В обобщенном виде следует выделить три базовых способа трактовки идеологии в отечественных социальных науках.

Первый — «марксистский» подход (1980-е) — предполагал рассмотрение социальных процессов сквозь призму социальной науки, к которой относился диалектический и исторический материализм, не предполагавший отклонений от классически понимаемых критериев научности в познании общественных процессов. С этим была связана акцентировка внимания на идеологии исключительно как форме общественного сознания, искажающей объективную реальность ввиду присущей его носителям социально ангажированных характеристик. Исключением выступал марксизм-ленинизм, который трактовался не как идеология, а как форма социально-научного познания. Марксизм был способен объективно анализировать социальную реальность, учитывая, что диалектический метод, находившийся в его основе, коррелирующий с законами развития природы, общества и мышления.

В период существования Советского Союза, страны-носительницы марксистского мировоззрения, представление об идеологии как об одной из разновидностей аберрации общественного сознания получало мощную экономико-политическую ресурсную составляющую. Слой коммунистически ангажированных философов и пропагандистов рьяно отстаивал установку на популяризацию прогрессистской и научно обоснованной идеологии марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм в перспективе должен был ниспровергнуть аберративные формы общественного сознания, к которому относилась не только идеология, но и религия, а также широкий ряд философских учений и ряд направлений искусства.

Второй — «либеральный» подход (1990-е) — объявил начало эпохи «внеидеологичности» сразу после того, как идеология коммунизма потерпела поражение. Вслед за этим дискредитирована также и возможность истинностно-марксистского прочтения социальной реальности. На место идеологии коммунизма пришла идеология победившего либерализма, которая также отказывалась признавать себя идеологией, рядилась в одежды социальной науки и взывала к идее «конца идеологии» как аберративной формы отражения социальных отношений в общественном сознании. На этот раз либерализм объявлялся самой компетентной, адекватной, а значит, научно обоснованной формой отражения социальной реальности. Либерализм рисовали якобы совершенно свободным от тенденциозных предпочтений его адептов, обусловленных их социально-экономическими потребностями. Бывшие теоретики марксизма-ленинизма на возмездной основе западных грантов с выработанной десятилетиями коммунистической решимостью бросились

научно обосновывать новый социальный заказ. Либерализм, выступая от лица социальной науки, пропагандировал общественную иллюзию того, что практика социально-экономических отношений каким-то образом доказала соответствие идеологии либерализма потребностям некоего абстрактного человека, состоящим в идее материального потребления на базе рыночного капитализма и либерально трактуемой демократии. Наряду с этим наблюдалась ярко выраженная тенденция очернения прошлого своей страны, которое якобы пронизано едкими идеологическими метастазами православно-монархического либо коммунистического способа искажения социальной реальности.

Социально-экономической базой для трактовок либерализма в качестве универсальной системы принципов, претендующих на научность, стал развал мировой социалистической системы и попытки стран Запада во главе с США выстроить однополярный экономический порядок. Прозападному экономическому порядку сопутствовал агрессивно продвигаемый и щедро оплачиваемый экспорт западных политических и культурных ценностей в качестве универсальных, что получило идеологически нейтральное наименование глобализации. Доминировавшая в российском общественном сознании шизофреничная установка в стиле горбачевского «нового мышления» жадно стремилась соединиться с чужеродной абстракцией «общечеловеческих ценностей», «общеевропейского дома» и «всего цивилизованного мира».

Третий — «патриотический» подход (2000–2019) — оформился в условиях предпринимаемой в России попытки возвращения к принципам политического суверенитета и необходимости следования национальным государственным интересам. Идеология перестает восприниматься только в контексте общественного сознания и начинает интерпретироваться как один из базовых способов детерминации социальных, социально-экономических, политических отношений. Социальными основаниями доминирования идеи тотальности идеологии послужили военно-политические и экономические сбои в процессе реализации проекта мировой прозападной глобализации. Это выражается в надвигающихся торговых войнах между государствами и отдельными регионами планеты, а также в наметившемся распаде недоформированной единой экономической системы на макро-регионы. Политически данная тенденция выразилась в появлении национальных лидеров, ориентированных на принципы государственного суверенитета, поддержку промышленного сектора отечественной экономики и торгового протекционизма на базе идей консервативной стабилизации (В. В. Путин) и экономического национализма (Д. Трамп).

Проблематизация существования единственного гегемона в мировых отношениях спровоцировала отказ от единого европо- и американоцентричного способа интерпретации социального мира. Данная установка вызвала к жизни и актуализировала череду социальных концепций, реабилитирующих идеологию в качестве неизбежно ангажированного, но единственно доступного способа описания социальной реальности.

Российскому научно-экспертному сообществу пришлось в очередной раз идейно «переобуваться в воздухе» и начинать пропагандировать доминирующую по сей день в отечественной социальной философии тенденцию к обоснованию тотальности идеологии. Тотальность в трактовке идеологии выражается в распространении этого феномена не только на сферу общественного сознания, но и на ряд аспектов социального бытия человека. Идеология стала приобретать статус естественного элемента и в процессе отстаивания государством своих национальных интересов, и в характере форм социальной коммуникации, и даже в процедуре формирования субъекта. Идеология сегодня объявляется неотъемлемым

ингредиентом различных форм бытия власти — от контроля над производством истинностного знания до контроля над телом человека (идеология знания и биополитика); социальных взаимодействий (идеология коммуникации в СМИ); форм социализации индивида (идеология в воспитании); способов символизации объектов (идеология в процедурах символического потребления); социальных преломлений бессознательных процессов (идеология в работе бессознательного); господствующих представлений в общественном сознании (идеология социально-го воображения).

Одним из ключевых индикаторов анализа способов понимания идеологии в современной отечественной социальной философии является то, на каких авторов и какие концепции опираются исследователи, затрагивающие проблему сущности идеологии. Наблюдается закономерная картина: набор авторов и концепций, призванных раскрыть специфику идеологии относительно устойчив. Современные социальные философы практически никогда не обходят стороной и методологически вызывают к М. Фуко, усмотревшему истоки идеологии в исторически детерминированных дискурсивных способах описания мира; П. Бурдье, вскрывшему социально-символический аспект функционирования идеологии; Р. Барту, увидевшему идеологию в процессе коннотативного производства смысла понятий; Ж. Бодрийяру, уделившему внимание символическим преломлениям идеологии в процессе социально-экономического функционирования социума; С. Жижеку, рассматривающему психоаналитические основания бытия идеологии в современном мире.

Мишель Фуко затронул множество ключевых тем, касающихся форм проявления микрофизики власти в социальном мире, дискурсивную природу идеологии как одного из способов проявления власти, природу знания и режим истины как экстраполяцию властного присутствия и, наконец, представление о субъекте как продукте целенаправленного идеологического воздействия. Французский философ высказал справедливую идею о том, что социальная реальность идеологически-дискурсивно конструируется с помощью языковых и понятийных средств, которые определяют порядок функционирования обозначаемых ими социальных объектов. Процесс образования понятий, конструирующих реальность, происходит по правилам, обусловленным социально-историческим контекстом. Социальные объекты вызываются к социальной жизни и приобретают значимость в сфере общественного и индивидуального сознания, наделяются смыслом исключительно внутри господствующего дискурса, понимаемого как властная способность порождать значения, производя тем самым социальную реальность. При этом французский философ подчеркивает, что он трактует дискурс как систему смыслов, порождающих социально значимые объекты, как «практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [1, с. 49].

Господствующий дискурс постоянно воспроизводится людьми, рециркулирует в культуре в качестве смыслов и значений, порождающих отношения истины и власти, высокого и низкого, значимого и второстепенного, господства и подчинения, раба и господина. Дискурс является идеологической матрицей, конструирующей, структурирующей и интерпретирующей человеческий опыт и создающей возможность транслировать этот опыт через знаково-символическую систему, в частности посредством языка. Однако данная позиция ни в коем случае не тяготеет к социальному солипсизму, утверждающему существование материально-предметного мира исключительно в контексте форм его описания. Постулируется лишь отсутствие когнитивных механизмов восприятия социальной реальности вне дискурсивной структуры. Было бы заблуждением считать, что доступ к материально-предметной практике возможен вне и независимо от идеологических форм сознания, от господствующей дискурсивной среды. Осмысление

результатов (как и самого факта) материально-предметной практики допустимо только посредством дискурса, внутри которого социальный опыт категоризируется, описывается, наделяется значением и смыслом. Материальная практика служит всеобщим знаменателем, своеобразным критерием истинности той или иной концепции социальной реальности. Тем не менее вписаться в господствующую разновидность идеологического мировосприятия предметная практика может лишь «в конечном итоге», после того, как ее результаты будут идеологически осмыслены и станут частью дискурсивной среды.

Опосредованность социального опыта господствующим «дискурсивным полем» чрезвычайно точно и наглядно выразили Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф в рамках своей дискурсивной теории гегемонии: «Землетрясение или падение кирпича — это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах «природного явления» или «выражения гнева Господнего», зависит от организации дискурсивного поля» [2, с. 108].

Пьер Бурдьё существенно обогащает идею тотальности идеологии интерпретацией понятия «символическая власть», при которой «отношения силы выражаются и проявляются ... в преобразованном и неузнаваемом виде отношений смысла...» [3, с. 95]. Символическая власть представляет собой «власть творить вещи при помощи слов», приписывая вещам объективно отсутствующие у них коннотативные характеристики, что порождает «монополию легитимного символического насилия» [4, с. 200, 204]. Механизмом реализации символической власти является дискурс, поскольку «любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет» [5, с. 194]. При этом Бурдьё делает принципиально важное замечание, касающееся этатистской природы символической власти. Созданием и интерпретацией операциональных понятий о социальном мире занимается государство. Символическая власть последних четырех столетий в Европе есть производная от власти государственной: «Государство — главный производитель инструментов построения социальной реальности» [6, с. 326].

В обществе постоянно наличествует господствующий дискурс как способ объяснения реальности, служащий обоснованием действий граждан на уровне скрытой причины их поступков. Государственно детерминированный дискурс ориентирует человека в мире, задает некую матричную систему координат, в рамках которой следует понимать реальность: «Насаждая — главным образом через систему образования — общие когнитивные структуры, неявно оценочные (нельзя говорить о черном и белом, не подразумевая при этом, что белое лучше черного)» [6, с. 326]. Важно подчеркнуть, что если язык имеет конкретно-исторические корни возникновения, то смысловое содержание понятий, используемых в языке как их форме, иницируется в идеологическом контексте. Этот контекст соответствует интересам государства, властвующих элит и экономически господствующих групп. Экспликация используемых понятий и их обоснование могут носить религиозный, политический, правовой, экономический характер, что активно идеологически используется в различных концепциях, представляющих собой трактовку реальности с позиций интересов тех или иных социальных субъектов. Дискурсивная разработка системы смысловых координат, гипотетически предполагает наличие автора, некоего субъекта, «хозяина дискурса», которым устанавливаются правила языкового определения реальности.

В обществе Премодерна в роли «хозяина дискурса» выступала религиозная и военная организация общества. Отношения сословного господства-подчинения

в традиционном социуме обоснованы как жизненно необходимая религиозная и военная функция социального организма. В обществе эпохи Модерна «хозяином дискурса» становится государство, реализующее политическую власть в интересах, как правило, класса буржуазии. Осуществление власти происходит посредством правового, политического и экономического принуждения, а также путем контроля за мировоззрением граждан. В Модерне социальные взаимодействия по линии экономического господства-подчинения приходится маскировать через их рациональную легитимацию. Легитимизация насилия происходит под эгидой и от имени некоей объективной и благодарственной социальной науки, претендующей на всеобщность и универсальность. В обществе Постмодерна наблюдается процесс полифонического порождения смыслов как способа бытия «распыленной» власти. Подрыв идеи единственности научно трактуемой истины возрождает претензии на истинность спектра донаучных, квазинаучных, антинаучных и ненаучных способов описания социальной реальности, обслуживающих в итоге интересы современного мирового финансового капитала.

Ролан Барт привнес в идею тотальности идеологии представление о том, что язык является материализованным проявлением идеологии, которая суггестивно навязывается субъектам через коннотативное значение понятий. Коннотация представляет собой вторичные значения, продуцируемые властью и навязываемые субъекту помимо его воли и сознания. Развивая идеи французского философа, следует отметить, что значение как способ усмотрения сущности предмета выражает себя в виде знака. Знак выступает посредником между предметом как таковым и нашим восприятием этого предмета. Значение предстает в форме объективного денотата (объект внеязыковой действительности), интерсубъективной коннотации (стереотипы трактовки смысла понятий), субъективного концепта (индивидуального для каждого человека смысла понятия). Значение формируется при сочетании следующих факторов: существует реальная (денотативная) социально-экономическая ситуация, влияющая на процесс формирования и развития общественного мнения; представлен социокультурный (коннотативно-дискурсивный) контекст, который задает рамки и влияет на формирование субъективных концептов тем или иным мыслителем; субъективные концепты воздействуют на формирование господствующего дискурса как императивного навязывания смылосодержащих коннотаций.

При этом приходится констатировать невозможность проведения четкой границы между концептом, коннотацией и денотатом. Причиной этому выступает знаковая система, которая, как единственно возможное условие познания мира, изначально несет искажение, аберрацию. Означаеый компонент знака человек стремится надделить таким смыслом, который представляет субъективный концепт, появившийся под влиянием интерсубъективной коннотации, в качестве объективного денотата. Предмет дается человеку в виде знака, а процесс того, как следует понимать этот знак, происходит в контексте некоей дискурсивной среды, своеобразной системы предзаданных трактовки смысла знаков. Трактовка смысла знаков — следствие сложившихся в обществе социокультурных форм мироощущения, мировосприятия и миропредставления. Превалирующий политико-социальный сегмент этих форм является идеологией, т. е. идеология — это своеобразная дискурсивная матрица смыслов, которыми наделяется социальная реальность.

Р. Барт заостряет также внимание на механизме появления политических мифов как неотъемлемого ингредиента идеологии. Дискурс, по Барту, мифологичен, социален и «бесконечно суггестивен», а миф представляет собой конструкт всех культурных и социополитических феноменов, признак всех социумов [7]. Мифология — это система коннотативных означаеых, подспудно присутствующих

щих в качестве идеологического уровня дискурса, навязываемого властью. Барт призывает критически относиться к процедурам мифологизации реальности, безуспешно пытаясь очистить язык от мифологизированных, коннотативных означаемых.

Следует отметить, что основная причина мифологизации реальности связана не с целенаправленной деятельностью политической власти, семантически тотализирующей символы и знаки. Процедура мифологизации реальности — наиболее эффективный и естественный для субъекта инструмент, с помощью которого приемлемая идея замещает собой отвергаемую реальность. В связи с этим более чем закономерным в ряде современных социально-философских исследований выглядит попытка реабилитировать миф, переосмыслив его роль и значение. Миф начинает рассматриваться не столько как неадекватный действительности способ ее отражения, но как необходимый ингредиент, который придает идеологиям привлекательность. Миф воспринимается как феномен, обладающий практической социальной значимостью. Мифологическое восприятие реальности справедливо рассматривается не в гносеологической проекции (как миф соотносится с истиной), а инструменталистски — в спектре того, какой степенью истинности обладает миф в глазах социума и насколько мифологизация реальности способствует политическому результату [8, с. 43]. Политическая мифология обоснованно наделяется социально-интегративными функциями, скрепляющими людей в единое государственное целое [9; 10].

Мифологизацией реальности пользуется любая идеология. Миф становится строительным материалом, который эффективно позволяет сконструировать в сознании индивидов желаемый образ реальности. Эффективность мифа связана с тем, что он апеллирует не только к рациональной стороне человеческого существа, но и к психологическим характеристикам человека. Миф связан с верой, поэтому демифологизация общественного сознания от тех или иных идеологических постулатов с помощью рациональных доводов контрпродуктивна. Стоит отметить, что идеологический миф может быть уничтожен лишь иным мифом. Идеология может быть дискредитирована и вытеснена лишь иной идеологией, которая для получения социальной поддержки выступает как в форме научного знания (либерализм, марксизм), так и в виде религиозной веры.

Жан Бодрийяр сфокусировал внимание на том, что субъективно приписываемый предметам смысл не всегда способен отражать характеристики материального мира. Идеология в состоянии постулировать идеи, за которыми объективно может и не стоять материального референта. Бодрийяр перенял традицию определения знака, не несущего в себе действительного (т. е. материально реального) прототипа (референта), отразив ее в понятии «симулякр». Французский философ отстаивает мысль о том, что в современном мире знаковая реальность автономизируется от своего реально-предметного прототипа и начинает существовать в обособленном состоянии, претендуя на статус единственной реальности. Согласно Бодрийяру, «разделение знака и мира — это *выдумка*», а референт как «станция реальности» «целиком и полностью» включен «в логику знака» [11, с. 186], поэтому реальность растворяется в своей знаковой репрезентации.

Идеология как система знаков, несущая в себе определенные смыслы, существует, с точки зрения Бодрийяра, не изолированно от реальности, пассивно ее отражая, но является фактором порождения реальности. Идеология — процесс социального производства и воспроизводства знаков, продуктов, услуг, человека, социальных отношений, потребностей, а следовательно, и реальности: «идеология является той единственной формой, которая проходит через все поля социального производства. Она является включением любого производства (материального

или знакового) в один и тот же процесс абстрагирования, редукции, процесс всеобщей эквивалентности и эксплуатации» [11, с. 178].

Славой Жижек сегодня — самый яркий и эпатажный популяризатор идеи субъективно-психологического присутствия идеологии в современном социуме на уровне структур бессознательного. Идеология, по Жижеку, — дискурс, выражающий волю общества к фантазиям, самообманам. Идеология имплицитно ориентирована на поиски врага с целью компенсации идентификационной недостаточности ее носителей. Идентификационная недостаточность вызвана изначальной расколотостью, «расщепленностью» субъекта. Субъект принципиально не способен удовлетвориться посредством материальной реализации желаний, что вызывает к жизни компенсационные механизмы идеологического фантазма. Словенский философ продолжает психоаналитическую традицию трактовки «Я» как сложного многоуровневого образования, пребывающего в состоянии внутренних антагонистических противоречий с самим собой. Субъект трактуется как неравный, нетождественный самому себе, и он синтезирован на трех уровнях. Во-первых, субъект обладает объективно и досоциально существующей «природной начинкой» как сгустка его инстинктивно и физиологически обусловленных желаний и бессознательных устремлений (природное, «Оно», «Реальное», Единичное). Во-вторых, в субъекта вплетены социальные аспекты его бытия в виде механизмов культурно обусловленного социального контроля и самодисциплины через идентификацию себя с обобщенной фигурой Значимого Другого (социальное, «Сверх-Я», «Символическое», Всеобщее). В-третьих, на стыке природных устремлений и практик социально-культурного насилия возникает представление субъекта о себе как дистанцированного от природы и автономного от общества рационально-психологического образования (индивидуальное, «Я», «Воображаемое», Особенное).

Следовательно, идеология локализуется не на уровне сознания субъекта, «на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде», но на уровне бессознательного фантазма, «структурирующего саму социальную действительность». Таким образом, идеология служит только себе, поэтому она и есть наслаждение [12, с. 40, 89]. Генеалогию рассмотренного нами принципа идентичности действительности и представления о ней С. Жижек выводит из «эпистемологической антиномии» эмпиризма и рационализма, которая приводит к тому, что представление о реальности онтологически определяет реальность. Более того, Жижек утверждает, что внесимволическая реальность, которую невозможно описать (некоторый «X» или «вещь в себе») — несуществующий фантом. Поэтому на вопрос о том, обладает ли «Реальное» «собственным существованием, если оно неотделимо от Символического», можно дать ответ с позиций «методологического идеализма»: «Пределы нашего языка составляют пределы нашего мира», поэтому «находящееся по ту сторону Символического абсолютно невысказуемо» [13, с. 470].

С точки зрения Жижека, только в процессе познания, через создание мира символов, реальности придается онтологический статус. Очевиден тот факт, что реальность не существует в виде некоей неизменной субстанциальной основы. Статус «Реального является чисто параллаксным и, в сущности, несубстанциальным: он не обладает никакой субстанциальной плотностью сам по себе, а представляет собой всего лишь разрыв между двумя точками перспективы, заметный лишь при переходе от одной точки к другой» [13, с. 37–38]. Социальная реальность, по Жижеку, — результат столкновения и конкуренции альтернативных систем идеологического мышления в плоскости общественного сознания, т. е. в пространстве абстракции, в сфере Всеобщего: «Всякое Всеобщее — это поле борьбы, на котором множество особенных содержаний ведет борьбу за гегемонию» [14, с. 150].

Радикально-эпатажную форму изложения С. Жижеком и Ж. Бодрийяром своих взглядов следует увязать с особенностями презентации философами их идей в современном мире. Общество наиболее чутко реагирует на любые формы крайностей и эпатажа. В современной шоумированной социальной реальности философам приходится сознательно подавать идеи в крайне радикализированной, нарочито вызывающей манере для пробуждения к себе интереса как со стороны интеллектуальных кругов, так и со стороны общества в целом. Чтобы максимально быстро и эффективно донести свои идеи до аудитории, современный философ обречен быть модным, провокативным и эпатажным. Однако эпатажный радикализм суждений Жижека и Бодрийяра не способен отменить актуальность и уместность поставленных мыслителями вопросов. Следует принять во внимание и тот факт, что любая идеология по природе тяготеет к симулятивности. Она стремится представить должное в виде вполне реализуемого сущего — говорится ли при этом о симуляции актуальной реальности [15], об обществе спектакля [16] либо о виртуализации общества, связанной с замещением актуальной реальности реальностью виртуальной [17].

Представляется, что поставленная словенским философом проблема «Символического» конструирования «Реального» затрагивает вопрос о статусе и значении дискурсивно-знаковой среды, порождающей смысловую матрицу, внутри которой осуществляется процесс социального познания. Поиск социальной реальности возникает как естественная необходимость общественного сознания приобрести мировоззренческое равновесие. Тяга к обретению мировоззренческой устойчивости заставляет людей верить в реальность идеологических концептов. Люди относятся к идеологически навязываемым смыслам относительно предметов так, как будто эти предметы в действительности обладают приписываемым им характеристикам. Потребность в доступе к объективно существующей реальности — условие нахождения каждым человеком смысла жизни. Желание найти в жизни смысл способствует уничтожению у людей сомнений в отношении адекватности идеологически задаваемой системы смыслов.

Необходимым условием жизненности и эффективности идеологий в современном мире выступает фактор сознания, понимаемого как побочный результат эволюционно-биологического развития. Идеология рождается как продукт развития внутренней психологической травмы субъекта, которая вызвана противоречием между трансцендентным порывом к бесконечной самореализации и осознанием конечности собственного бытия. Идеология, как и иные формы отражения реальности (религия, искусство, философия), выступает идеальной формой компенсации субъектом психологической раны осознания своей неизбежной конечности. Страх смерти служит строительным материалом для продуцирования веры в реальность абстракций. Способность к абстрактному мышлению является отличительной чертой человека, обладающего способностью наделять абстракции реальным существованием, постоянно ожидая трансформации абстрактного «должного» в конкретное «сущее». Притягательная сила идеологии выражена в том, что человеческое сознание в случае, если идеи адекватно не смогли реализоваться на практике, винит в этом не идеи, а способ, характер и условия их реализации. Идеи, вынашиваемые человеком в поле его субъективного восприятия, «плохими», нереализуемыми и неадекватными не бывают. Связано это с тем, что бытие идей коренится в чувстве веры, желаниях, надеждах на счастливое будущее, в самообмане. При этом не следует пренебрегать этим самообманом как исторически преходящей формой общественного сознания.

Идеология, будучи формой выражения потребностей и надежд социальных групп, слоев, классов и государств, несет в себе неустрашимый элемент социализации чело-

века. Она выполняет наиважнейшую функцию социальной консолидации, придает противоречиям социального мира легитимность в глазах человека, пусть и в идеальных формах, но примиряет его с несправедливостями общественного устройства. Идеология заставляет подчиняться власти и в итоге производит субъекта как носителя определенных социальных опций, которые он интерпретирует в качестве личностно автономных и суверенных по отношению к внешнему миру. Идеология при этом не воздействует на некоего автономного и суверенного индивида. Она изначально конструирует его таким, чтобы он продуцировал нужную реальность и вел себя соответствующим власти образом, представляя вчерашние внешние стимулы за сегодняшние автономные внутренние мотивы.

Адекватность и истинность принимаемой человеком на веру картины социальной реальности достигается не за счет критического отношения к исповедуемым идеологическим принципам. На этапе утверждения той или иной идеологии корректирующей критике подвергаются не идеологические установки на предмет их соответствия некоей константной и неизменной «реальности». Под готовую идеологическую матрицу смыслов подгоняется представление о том, что такое реальность, каковы критерии ее истинности и какими характеристиками она обладает. Конфликт идеологий выражается в форме противостояния различных интерпретаций того, что следует считать социальной реальностью. Идеологии ведут между собой своеобразную «борьбу за реальность» — борьбу за то, чей образ будет признан более реальным, чьи идеи в сознании граждан получают более весомые амбиции на онтологический статус.

Феномен идеологии распространяется на такие аспекты социального бытия, как дискурсивное знание (М. Фуко), государственно детерминированная символическая система описания мира (П. Бурдье), коннотация (Р. Барт), симулякр (Ж. Бодрийяр) либо желание субъекта (С. Жижек). Методологическая вооруженность концепциями вышеперечисленных мыслителей позволяет крайне продуктивно, научно убедительно и философски доказательно усмотреть феномен идеологии за пределами собственно общественного сознания, где она продемонстрировала отсутствие у нее строгой научности и выявила собственную социальную ангажированность. Таким образом, идеология не скрывает истинностное положение дел, не искажает реальность и не рисует вещи не такими, какими они существуют «на самом деле». Она служит способом дискурсивного порождения социальной реальности. Человек цепляется за идеологическую иллюзию, учитывая ее связь с интересом. Интерес — это осознанная потребность, а механизм осознания потребности носит и иллюзорно-идеологический характер. Идеология при этом концентрирует в себе глубинные, экзистенциальные надежды и желания субъекта.

Литература

1. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
2. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985.
3. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 287 с.
5. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Дело, 2016. 720 с.
7. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
8. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 263 с.

9. Кольев А. Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 382 с.
10. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Рус. кн., 2004. 299 с.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
13. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
14. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. 528 с.
15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
16. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
17. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., Петербург. Востоковедение, 2002. 213 с.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-33-39

УДК 340:316

В. А. Глазырин

Право имеет значение (социологический контекст)

V. A. Glazyrin. Law Matters (Sociological Context)

Фундаментальной основой социологического изучения права является тот факт, что юридико-правовые институты присущи любым обществам, за исключением архаичных. В статье показаны возможности социологического познания обществ посредством изучения институтов права. Рассматривается дюркгеймовская концепция изучения общества через правовые нормы. Наряду с этим раскрывается авторское видение парадигмы «право имеет значение» в качестве исследовательской установки изучения права в современной социологии. Указано на важность изучения в социолого-правовых исследованиях диалектики институционализации насилия и свободы. Подчеркивается институциональная комплементарность права и современных демократических обществ.

Ключевые слова: современное общество, парадигма, право, институт, противоречие.

Контактные данные: 620137, г. Екатеринбург, Комсомольская ул., д. 21; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Fundamental basis of sociological study of law is the fact that legal institutions are inherent in any societies except archaic ones. The aim of the article is to show the possibilities of sociological study of societies by means of study of their legal institutions. First, Durkheim's concept of study of societies through legal norms is presented. Then, the author's perspective of the paradigm "law matters" is shown. This paradigm is considered as a research guidepost in study of law in modern sociology. The importance of study of dialectics of institutionalisation of violence and freedom in sociological and legal research is pointed out. Institutional complementarity of law and modern democratic societies is emphasized.

Keywords: modern society, paradigm, law, institution, contradiction.

Contact Details: Komsomol'skaya 21, Ekaterinburg, Russian Federation, 620137; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Валерий Алексеевич Глазырин — профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета, доктор социологических наук, доцент.

© Глазырин В. А., 2019

Фундаментальная основа социологического изучения права находит отражение в том, что юридико-правовые институты присущи любым обществам, за исключением архаичных. В социологических исследованиях права, имеющих свою историю [1, с. 360–451, 779–822; 2; 3; 4; 5], утвердился эмпирический подход в их изучении [6, с. 34; 7, р. 537]. Социологи, работающие в этом направлении, руководствуются познавательной установкой «на самом деле», заключающейся в вопросах о том, как на самом деле судьи принимают решения, на самом ли деле в обществе с глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, кто на самом деле заинтересован в принятии тех или иных законов, как на самом деле законы влияют на поведение людей и др.

Несомненно, такие исследования востребованы. Они позволяют раскрыть «механику» бытия юридических институций в различных социальных обстоятельствах, показывают, как *de facto* работают (действуют или бездействуют) принятые юридические установления, законы. Часто в практической реализации законов выделяются две группы преград: первая — «плохие законы» (например, различные лакуны, содержащиеся в законодательных актах); вторая — «социальные условия» (под ними подразумеваются социокультурные обыкновения, привычные социальные практики, традиционные ценности, неформальные устои, которые ограничивают/исключают эффективное функционирование юридических институтов в системе общественных отношений, социуме). Однако социологическое постижение права не ограничивается изучением правовой повседневности, противоречий в правовых ожиданиях, правосознании и деятельности акторов, возникающих из-за коллизий между формальными и неформальными нормами, правилами [8, с. 13–158]. Важно понимать, что юридико-правовые институты имеют субстанциональное значение в жизни обществ, являются неотъемлемыми формальными установлениями их институциональных матриц.

Социологическая методология в изучении права обладает значительным потенциалом [9, с. 7–64]. Одно из ее направлений заключается в том, чтобы использовать изучение юридико-правовых институтов для познания социумов, общественных отношений. Так, Н. С. Тимашев, в работах которого представлены развернутые исторические и аналитические обзоры становления и развития социолого-правовой мысли, писал, что идеал, к которому должна стремиться социология права состоит в том, чтобы ее идеи можно было бы «предложить для включения в центральное ядро социологической теории» [10, с. 479]. Предлагаем рассмотреть возможности социологического познания обществ посредством изучения институтов права. Интерес представляет дюркгеймовская концепция изучения обществ через правовые нормы, а также парадигма «право имеет значение» как исследовательская установка изучения права в современной социологии.

Обсуждая представления о праве Э. Дюркгейма, получившего юридическое образование, можно обнаружить парадокс, что в обширной библиографии, посвященной научному разбору взглядов этого выдающегося французского социолога, его социолого-правовая теория, по сути, сводится к концепциям аномии, преступления и наказания. В тени остается понимание того, что «правовая составляющая» социологии Э. Дюркгейма является частью стержневых положений его социологического мировоззрения [11, с. 124–166]. Раскрывая сущность вопроса о том, что означает в понимании Э. Дюркгейма изучать общество на основе описания и объяснения норм, институтов права, следует отметить, что предложенная этим классиком социологии методология изучения общества через право, соответствует правилам социологического метода, разработанных им, содержит концептуально связанные положения.

Э. Дюркгейм трактовал право как вид социальных фактов, что позволило ему включить юридико-правовые установления в предметную область познания социологической науки. Более того, у Э. Дюркгейма право является «чистым» социальным типом (по терминологии М. Вебера), поскольку в нем в наиболее явном виде проявляются черты социальных фактов. С позиций дюркгеймовской социологии понимание права в качестве «чистого» социального факта означает, что правовые нормы, институты нельзя причислять к эпифеноменам общественной жизни. Их социологический анализ необходим для того, чтобы создавать релевантные научные модели обществ. Объективность всякого социального исследования, по убеждению Э. Дюркгейма, обеспечивается посредством выявления в обществе повторяющихся, устойчивых отношений, форм, если их невозможно обнаружить в социуме, соответственно, научные основания для наблюдения, описания, познания социумов отсутствуют. Но, как он отмечал, одна из особенностей общественной жизни заключается в том, что социальные связи и отношения «кристаллизуются» [12, с. 446]. При этом наиболее значимые отношения в социуме получают выражение и закрепление в юридических нормах, законодательных актах.

Французский социолог писал: «Действительно, социальная жизнь повсюду, где она долго существует, неизбежно стремится принять определенную форму и организоваться, и право — не что иное, как сама организация в ее наиболее устойчивом и точном выражении» [12, с. 340]. Нормы права определены, устойчивы, существуют в вещной форме — воплощены в кодексах, нормативных актах, текстах законов [12, с. 434], поэтому институты права, как считал Э. Дюркгейм, обоснованно следует рассматривать в качестве научной основы познания обществ. Социальная солидарность и юридические системы проходят исторически связанные между собой этапы их развития, соответственно, «эволюционное древо» права можно использовать в целях изучения форм солидарности (типов обществ) [12, с. 66].

Не характеризуя подробно «сильные» и «слабые» стороны дюркгеймовской методологии изучения общества через право, подчеркнем лишь, что Э. Дюркгейм был последователен в ее применении. Тем не менее ему удалось избежать крайностей «юридического империализма», заключающегося в желании толковать феномен права вне всякого учета каких-либо социальных факторов и условий общественной среды. Он не отождествлял социум и право, но проявлял определенность в понимании того, что суть отношений в обществе воплощена в юридических нормах, правилах, институтах, правоотношениях. С этой дюркгеймовской интерпретацией связи общества и права можно одновременно согласиться и не согласиться. Очевидно, что в эпоху современности конституционные уложения являются не только краеугольным камнем той или иной правовой системы государства, но и общества. Вместе с тем суть отношений в социуме не может быть сведена к юридико-правовым институтам. Справедливо возникает вопрос о том, разве область брачных отношений ограничивается супружескими союзами, зарегистрированными в установленном законом порядке. Соответственно, управленческая деятельность ничем не отличается от нормативного администрирования, выборные кампании сводятся к положениям избирательного законодательства, легальность равнозначна легитимности.

Несмотря на то, что сегодня аутентичное знание дюркгеймовской методологии изучения общества через право едва ли выходит за границы познавательных интересов исследователей истории социологии, посыл французского ученого остается в силе. Сущность его заключается в том, что социологам следует преумножать концептуальную базу и эмпирический инструментарий, позволяющие им «сквозь» форму и содержание юридических норм, институтов осуществлять актуальные изыскания

социальных явлений и процессов. В современной социологии дюркгеймовский вариант изучения континуума отношений «общество и право» замещается парадигмой, которая может быть представлена лапидарной формулой: «право имеет значение» («право и его институты имеют значение», «институты права имеют значение»). В ее рамках происходит корректировка приоритетов социологического познания права, изучение дисфункций юридических установлений, оставаясь важной стороной исследований, уступает первенство задачам осмысления социосозидательного потенциала юридико-правовых институтов.

Проанализируем узловые положения этой парадигмы.

В обществах, вышедших из состояния архаики, никакие социальные институты не являются альтернативой юридическим установлениям, поскольку последние обладают институциональными качествами, которые не могут быть восполнены неюридическими нормами и правилами (даже с учетом различных изъянов практического воплощения юридических предписаний). В их числе, например, такие, как «равная мера» для всех, общеобязательность, определенность, наличие механизмов обеспечения исполнения обязательств, возможность любого лица отстаивать права в судебном порядке на законных основаниях. Юридические институты могут быть «плохими», но их не может не быть. Конечно, в социолого-правовых исследованиях необходимо видеть различия между буквой и духом закона, уметь распознавать симулякры права или, воспользовавшись терминологией Г. Спенсера, «бумажные конституции», фиксировать и анализировать трансформации, происходящие с правом и законом в правоприменительной практике. Вместе с тем последнее не может быть использовано в качестве повода для оправдания правового нигилизма, напротив, задает высокий уровень требований изучения права в социологии.

Юридические институциональные системы могут олицетворять и созидать разные социальные порядки. Это связано с тем, что *lex (rule of government* — правление посредством норм/правил правителя/государства) не тождественно *jus (rule of law* — правление посредством принципов/норм права, верховенство права). В. С. Нерсисянц, один из крупнейших российских юристов, писал о том, что закон (позитивный юридический закон) соответствует природе и требованиям права лишь тогда, когда позитивизирует право, а не произвол. В противном случае юридический закон может применяться в антиправовых целях, легализации авторитарных, деспотических режимов [13, с. 37]. Развернутые характеристики правового закона представлены в Докладе о верховенстве права Венецианской комиссии [14].

Насилие — изначально социальная проблема любого общества [15, с. 12–145]. Она решается по-разному. Так, гомеровские Одиссей и его спутники бегством спасли жизнь, им хитростью удалось освободиться из заточения в пещере циклопа Полифема. Уход/бегство в ситуациях, связанных с возможностью применения насилия/силы, может быть оправданной линией индивидуального (группового) поведения людей, но не является общим социальным правилом противодействия насилию/силе в социуме. Проблема насилия/силы должна решаться на социальном институциональном уровне. Без установления юридически обязательных институтов это сделать невозможно.

Версия институционального решения проблемы насилия существует у Т. Гоббса. При этом происхождение войны всех против всех, описанной английским философом, не сводится, как пишут многие интерпретаторы его воззрений, к эгоистической природе человека. Первопричина такой войны состоит в другом. Т. Гоббс писал, что поскольку все люди равны, постольку в естественном состоянии каждый человек имеет «право на все». Право на все порождает войну всех

против всех [16, с. 186]. Для ее прекращения требуется общественный договор. Им должен быть учрежден институциональный порядок, отвергающий, помимо прочего, право каждого на все.

Гоббсовский мир зиждется на обмене безопасности, об обеспечении которой заявляет государство, на права и свободы граждан. Очевидно, что этот проект устройства социального порядка отличается от порядка, основанного на праве. Вопросы о том, что в социологии инициирует изучение проблемы правового порядка, ее обсуждение подразумевает объяснение диалектики институционализации насилия [17, с. 261] и свободы [18, с. 169].

Изучение современных социумов — открытых демократических обществ — органично переплетается с интеллектуальным отображением их правовых систем. Социологами институциональная комплементарность права и современных социумов не всегда осознается в полной мере. Так, Р. Коллинз, известный автор в области исторической макросоциологии, рассматривая динамику становления современных обществ, выделил четыре связанных между собой модернизационных процесса. К ним отнесены бюрократизация, секуляризация, индустриализация и демократизация [19, с. 264–293]. Нельзя не заметить, что в этом перечне социальных изменений, раскрывающих главные направления формирования эпохи современности, институтам права имплицитно/эксплицитно придается второстепенное значение.

Исходной основой социологического изучения права в социуме служит положение о том, что открытые общества являются абстрактными, как об этом пронизательно писал К. Поппер [20, с. 174–175]. Социальные науки (экономика и социология), как считал австрийско-британский ученый, должны изучать абстрактные отношения, потому что ими, а не личностными/персонифицированными взаимодействиями акторов создаются «действительные условия для общественной жизни» [20, с. 175]. Образцом социологического анализа, показывающего роль формально-правовых установлений в возникновении отношений модерна [21], можно признать веберовское описание становления западноевропейского города как исторического процесса «расхождения» социальности *Gemeinschaft* и социальности *Gesellschaft* [22, с. 360–386].

М. Вебер писал, что, если социоинституциональную основу античных городских поселений составляли религия, род, племя, родоплеменные связи, принадлежность к которым определяло участие горожан в общественной жизни и их социальные возможности занимать определенные должности [23, с. 334–342], то европейский город был сообществом бюргеров [23, с. 336] со статусом корпорации (*universitas*) [23, с. 336], обретаемым при его образовании. В соответствии с романистско-канонической теорией корпорация — совокупность людей, осуществляющих общие правовые функции и действующих как юридическое лицо [24, с. 368]. Город-корпорация — это административный округ с городским правом и судопроизводством, собственной организацией управления, соответствующей официальной статусно-должностной системой. Бюргеры в городе обладали статусом правомочных лиц [23, с. 342]. Таким образом, великий немецкий социолог показал, что западноевропейские города конституировались на формальной юридико-правовой институциональной основе. Суть социального переустройства, произошедшего в процессе образования городов в средневековой Западной Европе, сознавая противоречивость истории их возникновения и становления [25], заключается, согласно веберовскому утверждению в том, что «городской воздух приносит свободу» [23, с. 332]. Этот случай социоправовой динамики, рассмотренный немецким социологом, отражает общее социальное правило, которое гласит о том, что «с правом приходит свобода».

В современных обществах, имеющих сложную структуру, могут складываться социальные анклавов, являющиеся «порядками без права» [26, с. 75–196, 222–466], например, «гаражная экономика» в России [27, с. 19–85]. В них роль институтов права в поддержании общественного порядка и регулировании социальных отношений незначительна. «Порядки без права» образуются в силу разных обстоятельств. Рассматривая их, социологи не могут ограничиваться утверждением, что они возникают в связи с чрезмерно высокими издержками, которые вынуждены нести социальные акторы, чтобы иметь возможность заниматься экономической деятельностью в легальном поле. Так, С. Кордонский отмечает, что «гаражная экономика» — это не бизнес в его общепринятом понимании, а промыслы [28]. Чтобы сделать следующий шаг в понимании «гаражной экономики» достаточно поставить вопрос: «Можно ли ее превратить в бизнес?». Разграничительная линия между бизнесом и промыслами отчетливо видна и прослеживается в том, что эти две области предприимчивости существуют в различных институциональных системах. Бизнес опирается на юридические правила, а промыслы — это «порядки без права». Простых решений в отношении того, как вывести промыслы в пространство права, не существует. Вклад социологии в преодоление проблемы «гаражной экономики» состоит в изучении спроса и предложения на право различными группами социальных акторов.

Завершая рассмотрение граней социологической парадигмы «право имеет значение», понимая, что не все из них выделены и раскрыты, нельзя не указать на еще один аспект социологического изучения права, опирающийся на возможности *Big Data* [29, с. 15–93, 227], т. е. метода, который осваивается отечественной правовой социологией. В настоящее время его применение в основном ограничивается изучением преступности и жертв преступлений [30]. Итак, парадигма «право имеет значение» обладает значительными научно-познавательным потенциалом для проведения социологических и междисциплинарных исследований права. Она позволяет, не упрощая толкование системы отношений «общество и право», направить внимание социологов на объяснение роли институтов права в обеспечении социального порядка и образовании обществ правовой свободы. Становление таких обществ — сложный и противоречивый исторический процесс. Поэтому право и борьба за него имеют значение.

Литература

1. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
2. Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Massachusetts: Institute of Technology, 1996. 340 p.
3. A Sociological Theory of Law / by N. Luhmann. L.: Routledge, 2013. 472 p. DOI: 10.4324/9780203796764.
4. Timasheff N. S. An Introduction to the Sociology of Law. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1974. 418 p.
5. Weber M. On Law and Economy in Society. Cambridge, Massachusetts: Harvard U.P., 1966. 934 p.
6. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34–42.
7. Schluchter W. The Sociology of Law as an Empirical Theory of Validity // European Sociological Review. 2003. № 5. P. 537–549.
8. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.
9. Рубежи юридической социологии. М.: РУСАЙНС, 2018. 158 с.
10. Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 479–508.

11. Филиппов А. Ф. Элементарная социология: введение в историю дисциплины. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 463 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
13. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 256 с.
14. Доклад о верховенстве права [Электронный ресурс]: утв. Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) на 86-й пленарной сессии Страсбурга. 2011. 4 апр. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 15.08.2019).
15. Гилинский Я. Социальное насилие: монография. СПб.: Алетейя, 2017. 212 с.
16. Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2016. 672 с.
17. Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2015. 468 с.
18. Хайек Ф. А. фон Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. 528 с.
19. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. и послесловие Н. С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
20. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 1. Чары Платона. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с.
21. Стейнберг М. Д. О понятии модерности / пер. с англ. Т. Пирусской [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12050/ (дата обращения: 22.08.2019).
22. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.
23. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
24. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с.
25. Эрс Ж. Город в Западной Европе в средние века. Ландшафты, власть и конфликты. СПб.: Евразия, 2019. 496 с.
26. Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.
27. Павлов А. Б., Селеев С. С. Гаражники. М.: Страна Оз, 2016. 168 с.
28. Промыслы так и не стали бизнесом. Социолог Симон Кордонский — о феномене гаражной экономики [Электронный ресурс] // Огонек. 2016. 25 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2956207> (дата обращения: 19.08.2019).
29. Гельфанд М. Почему им можно, а нам нельзя? Откуда берутся социальные нормы. М.: Альпина Паблишер, 2019. 300 с.
30. Как изучать жертв преступлений? / А. М. Веркеев, В. В. Волков, А. В. Дмитриева, А. В. Кнорре, В. Е. Кудрявцев, Д. А. Кузнецова, Р. К. Кучаков, К. Д. Титаев, Е. А. Ходжаева // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01.

О. М. Самохвалова, А. В. Сосковец

Проблемы наркотизации студенческой молодежной среды: анализ и пути противодействия

О. М. Samokhvalova, A. V. Soskovets. Problems of Drug Addiction Among Student-Age Population: Analysis and Ways of Counteraction

В статье рассмотрена проблема наркотизации студенческой среды. Проведено социологическое исследование отношения студенческой молодежи к наркотическим средствам и психотропным веществам. По итогам проведенного анонимного анкетирования собраны эмпирические данные об оценке студентами технического вуза проблемы употребления наркотиков в молодежной среде, выполнен анализ полученных результатов.

Ключевые слова: наркотизация, студенческая молодежь, употребление наркотиков, антинаркотическая пропаганда, тестирование.

Контактные данные: 644050, г. Омск, пр. Мира, д. 32а; (3812) 60-65-97; samohvalovao@yandex.ru; soskovets.albert@mail.ru.

The paper deals with the problem of drug addiction in the student environment. This work is a sociological study. Students' attitude to narcotic and psychotropic substances is under examination. The method of anonymous questionnaire survey was used to collect empirical data among the students of technical university. The data on the evaluation of drug use problem among young people was obtained. An analysis of the results was performed.

Keywords: drug addiction, student-age people, drug use, anti-drug propaganda, testing.

Contact Details: Prospect Mira 32a, Omsk, Russian Federation, 644050; (3812) 60-65-97; samohvalovao@yandex.ru; soskovets.albert@mail.ru.

Одной из наиболее острых социальных проблем современного общества, официально признанной в качестве угрозы государственной и общественной безопасности Российской Федерации (РФ), является распространение, немедицинское применение и незаконный оборот наркотических средств [1].

В настоящее время актуальность изучения данного вопроса, в частности проблемы наркотизации студенческой молодежи, обусловлена тем, что проблема борьбы с наркоманией и наркобизнесом — одна из центральных в деятельности правоохранительных органов практически всех государств мира. Генеральной Ассамблеей ООН 31 марта 1961 г. (Нью-Йорк) принята Единая конвенция о наркотических средствах [2], содержащая перечни наркотических средств, производство и использование которых требует применения различных мер контроля. От имени СССР Конвенция подписана 31 июля 1961 г., Россия является стороной Конвенции с 3 июля 1996 г. В 2018 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности опубликован Всемирный доклад о наркотиках [3], в котором представ-

Ольга Михайловна Самохвалова — доцент кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела Омского государственного технического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

Альберт Владимирович Сосковец — старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела Омского государственного технического университета.

© Самохвалова О. М., Сосковец А. В., 2019

лен аналитический обзор изменений на мировом рынке производства, потребления и влияния на здоровье таких наиболее распространенных наркотических средств, как каннабис, опиум, героин, кокаин, различные стимуляторы амфетаминового ряда. Так, в докладе отмечается, что, согласно проведенным исследованиям, число людей, как минимум один раз в год употреблявших наркотики, составляет около 275 млн человек (примерно 5,6 % всего населения, из них применивших каннабис — 192 млн). Сообщается, что по сравнению с 2016–2017 гг. мировое производство опиума выросло на 65 %, количество смертельных случаев, связанных с употреблением наркотиков в мире, возросло на 60 % (в том числе прием опиоидов — 76 % от всех смертей вследствие приема наркотических средств).

По расчетам Федеральной службы государственной статистики России [4], выполненным на основе данных Министерства здравоохранения РФ, на конец 2017 г. численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, составила 231,6 тыс. человек (информация обновлена 24 сентября 2018 г.). Наряду с этим, согласно оценкам независимых экспертов, исследованиям специалистов и информации из открытых интернет-источников [5; 6; 7], опубликованные данные отражают лишь количество официально зарегистрированных лиц с наркотической зависимостью. В реальности, принимая во внимание международные методики расчета, насчитывается около 2,5 млн человек (примерно 2 % населения страны) наркозависимых. К ним относятся так называемые скрытые наркоманы, т. е. люди, добровольно обратившиеся за помощью в негосударственные наркологические клиники и реабилитационные центры, которые не раскрывают данные о количестве пациентов, хронические анонимные наркоманы, укрывающиеся от правоохранительных органов, а также наркозависимые, находящиеся в учреждениях системы исполнения наказаний.

Мониторинг наркоситуации, проведенный аналитиками Федерального проекта «Трезвая Россия» [8], показал, что наиболее близка к реальному положению дел цифра 5 млн человек, т. е. ориентировочно 3,4 % россиян. С целью сравнительного мониторинга антинаркотической деятельности региональных властей в рамках проекта (2018 г.) проведено независимое исследование на базе данных Минздрава, Росстата, Генпрокуратуры, МВД РФ, которые взяты из открытых источников.

В ходе исследования экспертами выделены базовые критерии оценки уровня наркотизации населения в аспекте различных регионов страны: число смертей, вызванных употреблением наркотиков; количество граждан, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях; численность преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения; численность преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. Каждый критерий оценивался баллами. При их суммировании получен антинаркотический рейтинг регионов РФ, состоящий из 85 позиций. Показатели субъектов России в ранжированном ряду расположены в порядке возрастания: от благополучного — с наименьшим количеством баллов (Архангельская область — 22,62) к проблемному — с наибольшим количеством баллов (Приморский край — 56,62). Омская область занимает в этом рейтинге 68 позицию с количеством баллов, равным 38,28. В соответствии с Государственным докладом «О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Омской области по итогам деятельности за 2017 год» на 1 января 2018 г. под наблюдением в наркологических учреждениях состояли 7 217 потребителей наркотических средств, а в целом в 2017 г. определены на учет 134 человека с впервые установленным диагнозом наркологического расстройства [9].

Таким образом, проблема наркомании приобрела глобальный масштаб, давно стала приоритетной для мирового сообщества, представляя реальную угрозу здоровью, экономике, безопасности и правопорядку. Немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ различными социальными группами людей распространилось на все сферы общественной жизни, включая сферу образования, в том числе высшие образовательные учреждения. Стратегией государственной антинаркотической политики РФ до 2020 г. определено, что среди населения страны объектами антинаркотической деятельности в первую очередь должны быть дети, подростки и молодежь. Теоретический анализ исследований (в числе авторов — А. Г. Бартенев, У. В. Валькова, В. В. Герасимова, Э. Н. Гилемханова, Л. В. Готчина, Ф. И. Григорец, О. А. Елистратова, О. И. Колпакова, М. С. Матусевич, Я. Н. Нахимова, И. В. Торникова, Н. В. Царахова, Л. А. Цветкова), проведенных в области наркотизации молодежи в современном обществе, показал, что по уровню потребления наркотиков одно из первых мест в молодежной среде занимают студенты высших учебных заведений и именно среди лиц 18 до 25 лет — наибольший процент тех, кто активно употребляет наркотические средства.

Каждый человек, находящийся на той или иной ступени образовательной системы, помимо присущих ему индивидуальных личностных свойств, характеризуется рядом общих, типичных для его возрастного периода особенностей. Так, студенты — это представители специфической, относительно благополучной, социальной категории людей 17–25 лет, целенаправленно овладевающих знаниями и профессиональными умениями, отличающихся высоким уровнем социальной активности. В период студенчества достигают максимального уровня умственное и физическое развитие, отмечается наивысшая скорость памяти и переключения внимания, активно выражается стремление к самоутверждению и самоопределению, преобразуется система ценностных ориентаций, формируется научная и общекультурная информированность, проявляется профессиональный интерес.

С целью изучения уровня наркотизации студенческой молодежи Омского государственного технического университета (ОмГТУ) проведена исследовательская работа, основанная на использовании метода опроса путем раздаточного анонимного анкетирования. Выбор опросного метода оценки наркоситуации в системе образования базировался на результатах исследования Л. А. Цветковой и Р. Г. Дубровского, выполненного среди студентов РГПУ им. А. И. Герцена. По мнению авторов, опросные методы в настоящее время стали одной из распространенных практик в мире, поскольку они «относительно дешевы и просты в реализации, обеспечивают безопасность и соблюдение гражданских прав респондентов, предоставляют необходимые для планирования профилактики надежные данные» [10, с. 69].

Итак, в рамках исследовательской работы опрошено 425 студентов ОмГТУ, большинство из которых — студенты гуманитарных направлений обучения. Перед проведением анкетирования студентам сообщено, что цель исследования состоит в определении уровня осведомленности молодежи о распространении наркомании в студенческой среде и выявлении личного отношения участников к проблеме употребления наркотических средств и психотропных веществ. Студенты были уведомлены о том, что анкетирование является строго анонимным и конфиденциальным, а вся полученная информация будет использована в обобщенном виде. Для получения более объективной картины к опросу привлекались студенты различных курсов обучения, как видно из таблицы 1.

Таблица 1

Распределение студентов по курсам обучения

Курс обучения	Кол-во, чел.	%
I	161	37,9
II	111	26,1
III	79	18,6
IV	74	17,4
Итого	425	100

Доля юношей из общего количества опрошенных составляет 44,8 %, девушек — 55,2 %; с родителями проживают 42,9 % опрошенных, в общежитии — 32,1 %, снимают квартиру (комнату) — 25 %. По итогам опроса, 85,4 % респондентов считают, что проблема употребления наркотиков в молодежной среде актуальна для города Омска. При этом 42,2 % отмечают актуальность проблемы применительно к ОмГТУ, из них 25 респондентам (5,88 %) известны факты о торговле наркотическими средствами в помещениях ОмГТУ либо на прилегающих к нему территориях.

Среди опрошенных хотя бы раз пробовали наркотические средства 10,4 % студентов, из них два-три раза — 4 %, четыре-пять раз — 2,4 %, до 10 раз — 2,1 %. Ежедневно употребляют наркотики 1,9 % студентов. В ходе исследования обнаружены наиболее распространенные причины употребления наркотиков молодыми людьми, а именно:

- внутренние личностные конфликты (28,8 %);
- желание не выделяться среди сверстников (25,2 %);
- любопытство (24,5 %);
- резкое изменение социального статуса (11,6 %);
- бунтарство против семейных и общественных устоев (9,9 %).

Полагаем, что при стечении неблагоприятных обстоятельств каждая из вышеперечисленных причин может выступить для молодых людей в качестве так называемого оправдательного мотива при первом и последующем употреблении наркотиков. Вместе с тем настораживают суждения респондентов, на основании которых можно сделать вывод о том, что их определенная часть недооценивает либо сознательно игнорирует негативные последствия, связанные с употреблением наркотиков. Так, многие уверены, что можно периодически употреблять наркотики в случаях, если возникает желание, и не видят ничего предосудительного, если это делается для поднятия настроения и отвлечения от насущных проблем. Значительная масса студентов периодически либо на постоянной основе контактирует с лицами, употребляющими наркотики. Так, 118 респондентов (27,8 %) имеют знакомых среди лиц, употребляющих наркотики; 1,9 % — проводят с ними досуг; 1,4 % — знакомы с наркоманами по совместному употреблению наркотиков; 68,9 % указали иные сферы, в которых происходит их общение с наркопотребителями (семейные или родственные узы; кафе, кальянные, клубы и другие места молодежной тусовки; общежития, съемные помещения; места работы (подработки) студентов; различные интернет-сообщества). Подобные контакты могут иметь весьма негативные последствия, поскольку именно в подобных случаях риск первоначального употребления наркотиков возрастает в несколько раз. Относительная легкость приобретения наркотиков отмечена 22,9 % респон-

дентов, а 41,5 % считают, что приобрести их достаточно сложно, но при необходимости и желании возможно. 35,6 % полагают, что приобрести наркотические средства затруднительно. Тревожным является тот факт, что 21 % респондентов признают торговлю (распространение) наркотиков одним из видов достаточно успешного бизнеса.

Тем не менее около 93 % (395 респондентов) из общего числа опрошенных студентов убеждены, что наркотические средства должны использоваться преимущественно в медицинских целях, а 79 % — расценивают деятельность лиц, распространяющих наркотики, как преступление. Анализ исследования показал необходимость проведения в студенческой среде целенаправленных мер профилактического характера, которые с достаточной долей вероятности могут быть успешными, поскольку основная масса студентов правильно оценивает общественную опасность и негативные последствия распространения наркотиков среди молодежи.

Так, говоря об отрицательном воздействии, которое оказывает употребление наркотиков на молодой организм, респонденты уверены в том, что наркопотребление негативно скажется на здоровье (83,6 %), а потребление наркотиков может привести к хронической наркомании (65,9 %). Значительная часть опрошенных (58,5 %) не исключает возможность, что наркоман способен встать на путь совершения преступлений, будет испытывать проблемы с созданием семьи (57,3 %), ничего не добьется в жизни (58,8 %).

Положительный момент заключается в том, что проблема наркотизации вузов в достаточной мере волнует студентов. К основным мероприятиям, направленным на борьбу с этим негативным явлением современности, предлагаемых опрошенными студентами, относятся следующие:

- усиление антинаркотической пропаганды в средствах массовой информации (33,7 %);
- рассмотрение вопросов, связанных с наркотизацией общества на лекционных и практических занятиях в вузах (19,7 %);
- активное вовлечение студентов в занятия спортом (28,9 %);
- ужесточение уголовной ответственности за сбыт и распространение наркотиков (55,4 %);
- направление лиц, употребляющих наркотики, на принудительное лечение (55,5 %).

В качестве одной из действенных превентивных мер в рамках государственной антинаркотической политики может стать утвержденное приказом Министерства образования и науки РФ № 658 [11] добровольное тестирование школьников и студентов на приверженность наркомании, состоящее из двух этапов. В рамках первого (социально-психологического этапа) обучающихся попросят ответить на вопросы специальной анкеты. Второй этап будет состоять из медицинских профилактических осмотров и сдачи необходимых анализов для выявления в организме следов наркотических средств. К идее подобного тестирования положительно отнеслись 52,8 % опрошенных студентов; вместе с тем 47,2 % полагают, что это мероприятие задевает личную неприкосновенность, является вторжением в личную жизнь, бесполезно и никому не нужно.

Не вызывает сомнения, что в вопросах тестирования обучающихся должна быть выработана четкая и принципиальная позиция. Так, по мнению В. А. Садовниченко, ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, высказанному еще в 2011 г., студенты, употребляющие наркотические средства, не должны обучаться в российских вузах. Кроме того, он подчеркивает, что целесообразно выдвинуть идею об «университете без наркотиков» с соответствующей записью в этических кодексах вузов [12]. Обоснованность данной точ-

ки зрения обусловлена тем, что специфика многочисленных видов профессиональной деятельности исключает возможность вступления в ту или иную должность лиц, употребляющих наркотические средства:

- работы, связанные с управлением любыми транспортными средствами;
- все виды деятельности в области использования атомной энергии;
- деятельность в области промышленной безопасности;
- медицинская деятельность;
- педагогическая деятельность;
- работы с использованием сведений, которые относятся к охраняемой информации ограниченного доступа;
- деятельность, связанная с оборотом оружия;
- аварийно-спасательные работы и многие другие [13].

Наряду с этим существует мнение, что действия администрации вузов должны быть направлены не на вытеснение наркозависимых студентов из образовательного учреждения, а на оказание им необходимой психологической, медико-педагогической и социально-правовой помощи. В рамках вузов антинаркотическая пропаганда может быть реализована как в процессе проведения аудиторных учебных занятий, так и при планировании и организации различных профилактических мероприятий воспитательного характера:

- информирования студентов об отрицательных последствиях употребления наркотических средств и об уголовной ответственности за их распространение и незаконный оборот;
- вовлечения в разнообразные студенческие молодежные объединения, волонтерские движения, фестивали, форумы, пропагандирующие здоровый образ жизни и отказ от наркотиков;
- совместного просмотра в рамках проведения кураторских часов документальных фильмов о губительных последствиях наркотической зависимости среди подростков и молодежи;
- демонстрации в холлах учебных корпусов и общежитий социальной рекламы и тематических видеороликов о вреде наркотиков и ответственности за их распространение.

Формат и специфика многих дисциплин учебных планов, прежде всего таких, как «Правоведение», «Основы безопасности жизнедеятельности», «Психология профессиональной деятельности», позволяет включать в рабочие программы дисциплин разделы и темы, посвященные обсуждению правовых, законодательных, морально-этических, психологических вопросов, связанных с антинаркотической пропагандой. Утвержденные новые Федеральные государственные образовательные стандарты с учетом профессиональных стандартов (а также пока не утвержденные проекты ФГОС ВО 3++) закрепляют возможность выделения в Основных образовательных программах, наряду с обязательной частью, и части, формируемой образовательными организациями самостоятельно. Таким образом, при разработке Основных образовательных программ для различных направлений подготовки и специальностей высшие образовательные учреждения вправе определять содержание образования, тем самым дополнительно включать в учебные планы дисциплины, нацеленные на антинаркотическое воспитание студенческой молодежи.

Изучение открытых интернет-источников показало, что подобного содержания дисциплины уже разработаны и нашли свое место в учебных планах российских вузов: во Владимирском государственном университете им. Столетовых (дисциплина «Профилактика наркотизации молодежи»), Санкт-Петербургском государственном аграрном университете («Мировоззренческие основы противодействия наркотизации, экстремизму, коррупции»), Казанском (Приволжском) федеральном университете

(«Основы профилактики наркомании»), Карачаево-Черкесском государственном университете им. У. Д. Алиева («Профилактика наркомании средствами спорта»).

Заметные трудности в области профилактической работы с наркоманией в студенческой среде обусловлены отсутствием в системе высшего образования компетентных специалистов, обладающих профессиональными знаниями, умениями и навыками организации процесса антинаркотического воспитания. Их подготовка на базе государственных образовательных учреждений позволила бы организовать изучение, обобщение и распространение передового опыта в сфере антинаркотического воспитания, способствовать формированию в округах и на административных территориях коллективов профессиональных педагогов, отвечающих требованиям современности. Очевидно, что положительного результата в процессе профилактики асоциальных явлений и формирования позитивных жизненных приоритетов можно достичь только при условии общей заинтересованности и совместной координации усилий. Общее снижение уровня наркомании в стране, несомненно, будет способствовать повышению качества жизни граждан Сибирского региона и России в целом.

Литература

1. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 (ред. от 23.02.2018). URL: <https://base.garant.ru/12176340/> (дата обращения: 20.01.2019).
2. Единая конвенция о наркотических средствах ООН 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (заключена в г. Нью-Йорке 30 марта 1961 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/ (дата обращения: 28.01.2019).
3. Всемирный доклад о наркотиках. World Drug Report 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unodc.org/wdr2018/> (дата обращения: 10.02.2019).
4. Заболеваемость населения наркоманией [Электронный ресурс]: данные Минздрава России, расчет Росстата // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 25.02.2019).
5. Зазулин Г. В. Антинаркотическая политика в России: проблемы становления (2000–2013). СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 326 с.
6. Фролова Н. А., Целинский Б. П., Зазулин Г. В., Галанкин Л. Н. Теория, практика и методы антинаркотической деятельности в современной России: монография. М.: Орбита-М, 2014. 216 с.
7. Гофман А. Г., Яшкина И. В., Понизовский П. А., Кожина Т. А. Алкоголизм и наркомания в России // Наркология. 2016. Т. 15, № 2. С. 6–12.
8. Трезвая Россия — против наркотиков. Антинаркотический рейтинг эффективности субъектов Российской Федерации — 2018 [Электронный ресурс] // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. 2018. 29 мая. URL: http://www.narkotiki.ru/5_90351.htm (дата обращения: 04.03.2019).
9. О состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Омской области по итогам деятельности за 2017 год [Электронный ресурс]: государственный доклад // Министерство здравоохранения Омской области. URL: <http://mzdr.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executive-list/MZDR/statistika.html> (дата обращения: 18.03.2019).
10. Цветкова Л. А., Дубровский Р. Г. Методические подходы к изучению наркопотребления в системе образования // Наркология. 2018. Т. 17, № 10. С. 63–69.
11. Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования

- [Электронный ресурс]: приказ Министерства образования и науки РФ от 16 июня 2014 г. № 658 (с изм. и доп. от 14.02.2018). URL: <https://base.garant.ru/70720640/> (дата обращения: 28.03.2019).
12. Студентов предлагают «выталкивать» из университетов за употребление наркотиков [Электронный ресурс] // *GazetaSPb*. 2011. 18 мая. URL: <https://gazeta.spb.ru/525975-0/> (дата обращения: 05.04.2019).
13. Об утверждении перечня отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 18 мая 2011 г. № 394 (с изм. и доп. от 30.07.2014). URL: <https://base.garant.ru/12185978/> (дата обращения: 12.04.2019).

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-47-53

УДК 349.3(510)

Ван Цзинтин

Система пенсионного обеспечения в Китае: взгляд эконо-социолога

***Wang Jingting. Pension System in China:
The View of an Economist-Sociologist***

В статье анализируется система пенсионного обеспечения Китая с позиций экономической социологии. Рассматривается история ее становления в этой стране, выделены два этапа в процессе ее эволюции. В рамках исследования автором показаны различия в пенсионном обеспечении социальных групп среди населения Китайской Народной Республики (КНР).

Ключевые слова: пенсионная система Китая, пенсионное страхование, социальная политика в КНР, резидуальная модель социальной политики, китайская модель социальной политики.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; (812) 274-97-06; te.kovalski@gmail.com.

The article analyzes the China pension system from the perspective of economic sociology. The history of the formation of the Chinese pension system is considered, two stages are distinguished in the evolution of the Chinese pension system. Differences in pension provision for various social groups in China are analyzed from the perspective of the economic sociology.

Keywords: China's pension system, pension insurance, social policy in China, the residual model of social policy, Chinese model of social policy.

Contact Details: Smol'nogo St. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (812) 274-97-06; te.kovalski@gmail.com.

Система пенсионного обеспечения в Китае имеет достаточно насыщенную историю, которую, по мнению многих исследователей, занимавшихся этим вопросом, можно разделить на два больших этапа. На первом этапе (с 1949 по 1978 г.) Китай был закрытым государством и поддерживал тесные связи с Со-

Ван Цзинтин — аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

© Ван Цзинтин, 2019

ветским Союзом. Второй этап соотносится с политикой открытости Китая и датируется с 1978 г. до наших дней [1].

Итак, рассмотрим первый этап развития пенсионной системы в Китае. Модель социальной защиты, реализуемая на данном этапе развития, содержит два уровня. Первый уровень представлен системой мер и программ, реализуемых министерством гражданской администрации. Второй уровень реализовывался на предприятиях, где была сформирована система коллективной социальной защиты, точная копия соответствующей системы, которая действовала в то время в Советском Союзе. Этот период представляет собой начальный этап формирования системы социальной защиты населения (прежде всего трудящихся), ранее социальная защита населения от социальных рисков была возложена на плечи населения, т. е. являлась прерогативой ближайшего социального окружения нуждающегося человека.

Система социальной политики (социального обеспечения) в Китае в это время обладала следующими характерными особенностями. Во-первых, система государства строилась на плановых началах, что предоставляло ему возможность перераспределять ресурсы на социальные цели в экономически трудных условиях. Во-вторых, ключевым ориентиром при построении системы социальной политики, социального обеспечения и социальной защиты стал принцип эгалитаризма как равенства всех граждан перед лицом закона и государства. В-третьих, оказалось, что в сформированной в указанный выше период системе социальной политики, социального обеспечения и социальной защиты заложен дискриминационный момент, когда сельское и городское население имели разные права на поддержку со стороны государства [1, с. 382].

В соответствии с марксистской идеологией основными мерами хозяйственной системы и социальной защиты населения стали трудовое страхование и система полной занятости [2]. В марксизме считается, что безработица существует только в капиталистическом обществе. В социалистическом – труд каждого человека оказывается востребованным, поэтому трудовое страхование охватывает всех без исключения граждан: детей – как будущих работников, людей в трудоспособном возрасте – как действующих работников, пожилых людей – как людей, внесших вклад в развитие общества. Система социальной защиты, разработанная в то время, наиболее полно защищала интересы рабочих, был прекращен процесс коммерциализации труда, провозглашено и установлено социальное равенство, основанное на равном (уравнительном) распределении труда [3].

В 1951 г. Государственным советом КНР принято Положение о трудовом страховании, согласно которому на всех промышленных и добывающих предприятиях с численностью занятых не менее 100 человек должна оформляться трудовая страховка. На малых предприятиях, где численность занятых была менее 100 человек, рабочие, желающие застраховаться, могли оформить и подписать договор трудового страхования [4]. Положение о трудовом страховании в отношении трудовой страховки прямо предписывало предприятиям осуществлять финансирование этого вида страхования, т. е. ни государство, ни работник не должны были финансово участвовать в этом виде страхования, из заработной платы работника не делали вычетов в пользу соответствующего страхового фонда.

В 1955 г. правительством Китая принято решение о создании еще одной системы страхования для государственных служащих, а также работников отраслей, которые сегодня принято относить к бюджетной сфере (университетов, больниц, школ, других общественных и народных организаций). Данная система работала примерно по такому же принципу, что и система трудового страхования, функ-

ционируя параллельно с ней. [5]. Например, в 1952 г. Государственный совет КНР принял директиву под названием «О медицинском обслуживании и профилактическом лечении за счет общественных фондов для руководящих работников всех уровней народного правительства, аппарата политических партий, общественных организаций и подчиненных им предприятий и учреждений», где указывалось, что работники бюджетной сферы (культуры, образования, здравоохранения), а также руководящие партийные и профсоюзные работники, руководящие работники на предприятиях и в общественных организациях, военные специалисты имеют право на бесплатное медицинское обслуживание за счет общественных фондов социального страхования [6].

Кроме этих двух систем социального страхования рабочих и служащих в городах правительство страны в рамках социального обеспечения предусмотрело и в городе, и в селе пособия и социальные услуги для инвалидов. Выплата пособия, оказание соответствующих социальных услуг производились вне рамок социального страхования и финансировались государством. Система социального страхования и обеспечения была построена таким образом, что из нее исключались только нетрудоспособные люди, не имеющие источника дохода или законного кормильца, а также домашние хозяйства, испытывающие экономические трудности. Ведущий принцип оказания помощи соответствовал резидуальной модели социальной политики, т. е. изначально акцент сделан на семейное или индивидуальное самообеспечение, и только в случае невозможности этого оказывалась соответствующая социальная помощь после тщательной проверки всех обстоятельств. Система социального обеспечения должна была свести к минимуму количество людей, которым предоставлялась бы социальная помощь.

Для жителей деревни также сформировали пенсионную систему. Ее формирование осуществлялось в 1956 г. после окончания программы кооперирования аграрного сектора экономики. Система социальной поддержки сельского населения того времени осуществлялась только для беспомощных и инвалидов и состояла из пяти компонентов. Сельскохозяйственные кооперативы оказывали социальную помощь продовольствием, выдавали одежду и топливо. Предоставлялись медицинское обслуживание, ритуальные услуги – для пожилых и образовательные – для детей, оставшихся без попечения родителей. Обязанность исполнять принятые меры социальной помощи и социального обеспечения записана в Национальном плане развития сельского хозяйства 1956–1967 гг. [7]. Данная мера, предусматривавшая, что люди, которые лишены поддержки семьи и ввиду этого получавшие гарантированную государством помощь от сельскохозяйственных кооперативов, для КНР была нововведением. Подобных мер ранее в этой стране не существовало.

Если рассматривать систему социального обеспечения в Китае в соответствующий период в целом, то ее структура содержала три основных блока [8]. Первым из них было обеспечение рабочих, трудившихся на условиях полной занятости и низкой заработной платы, большими пособиями на трудовую страховку и жилищными услугами, определенными прибавками к заработной плате. Социальное обслуживание рабочих обеспечивали предприятия, государственные учреждения и государственные органы. Согласно принятой марксистской идеологии, рабочие считались ключевым социальным классом в социальной структуре китайского общества того времени. Вторым блоком китайской системы социального обеспечения анализируемого периода – это социальное обеспечение, которое предоставлялось пожилым, не имеющим дохода и кормильца, инвалидам и сиротам, а также представителям других социально незащищенных категорий населения со стороны управлений гражданской администрации. Такая социальная поддержка

включала в себя материальное обеспечение, услуги медицины, культуры и образования. Третий блок социального обеспечения ориентирован на сельских жителей. Пятикомпонентная социальная поддержка входила в обязанности сельской общины (аграрных кооперативов) [9].

Характеризуя второй период становления китайской пенсионной системы, следует отметить, что он начался в 1978 г. одновременно с процессом рыночного социально-экономического реформирования страны и политики открытости. Социальная политика того времени, проводимая государством, стала одним из социальных механизмов, поддерживающих социально-экономические преобразования, реализуемые в КНР. Вместе с тем в трансформационных процессах системы социальной политики прослеживаются и периоды, для которых характерна та или иная направленность реформ. Так, до 1985 г. трансформации системы социальной политики, социального обеспечения и социальной защиты характеризовались тем, что совершенствовалась система, сформированная во время закрытости страны до 1978 г. Реализовано несколько попыток, но все планируемые изменения лишь вносили коррективы в существующую систему, укрепляя и развивая ее [10].

С ростом экономики происходило развитие сельскохозяйственного производства. Присутствие сельских мигрантов, появлявшихся ранее только во время войны и голода, стало обычным явлением экономической жизни страны. Нанимавшие их в городах работодатели (руководители предприятий) экономили значительные средства на отчислениях в социальные фонды, поскольку отсутствовала обязанность их осуществлять, учитывая, что сельские рабочие-мигранты не были охвачены системой социального страхования, предусмотренной для рабочих с городской пропиской. Помимо этого, в Китае практиковалась и система пожизненного найма, и в связи с демократической реформой предприятий, организаций городские коллективные и государственные предприятия не имели права снижать уровень заработной платы работников. Одновременно происходили процессы старения рабочей силы, что повышало нагрузку по страховым выплатам в рамках системы трудового страхования [11]. С учетом этого пенсионная нагрузка на многие такие предприятия оказалась непосильной, и такие предприятия либо становились банкротами, либо оказывались на грани банкротства. Непосильная пенсионная нагрузка являлась лишь одним из социальных факторов в ряде прочих социально-экономических факторов, вызывавших банкротство предприятий. Все это заставило правительство КНР приступить к реформированию пенсионной системы страны, что стало одной из приоритетных задач социально-экономического реформирования государства в конце 1980-х гг. [3].

Реформы начались с изменений в системе занятости, когда пожизненная занятость постепенно стала заменяться трудовыми договорами, которые предусматривали определенные сроки трудовой деятельности. В этот период происходило и коренное реформирование пенсионной системы, направленное на то, чтобы высвободившимся по старости рабочим, утратившим право на пожизненную занятость, можно было получать средства к существованию в виде пенсии. Следующий этап коренного реформирования пенсионной системы (ею охвачены только жители, которые имели городскую прописку) – построение модели пенсионного страхования, включавшее в себя государственное финансирование и накопительную часть пенсий. Тем самым данная модель сочетала группирование по социальным признакам и личные счета.

Третье тысячелетие Китай встретил с быстро стареющим населением, интенсивными процессами урбанизации, активными миграционными потоками, прежде всего из деревни в города, а также множеством разнообразных форм занятости,

требующих регулирования и социальной защиты. Ввиду очевидной необходимости решения связанных с этими процессами проблем правительство страны приняло ряд вынужденных мер по трансформации системы социальной политики вообще и пенсионной системы в частности. Так, приняты меры по финансированию пустых счетов, снятия с предприятий нагрузки по выплате пенсий трудившимся ранее на них пожилым работникам, внедрению полнакопительной системы образования пенсий, введению системы социальной защиты, не зависимой от предприятий и организаций, имеющей разные источники финансирования. Этот комплекс мер закреплён в Законе о социальном страховании в КНР, который принят в 2010 г. В частности, им закреплены основы для охвата населения Китая системой социальной защиты и социального обеспечения, а также для преодоления неравномерности обеспечения социальной защитой, которая была заложена в прежней системе социальной политики государства.

Значительные изменения претерпела пенсионная система в отношении безработных и пожилых нетрудоспособных граждан в городах. В конце 1990-х гг. китайское государство решалось на реформирование государственного сектора экономики. Многие нерентабельные государственные предприятия были закрыты, а их работники уволены, пополнив число безработных, лишившись как связи с предприятием, так и социальной защищённости. Кроме того, вышедшие на пенсию работники, получавшие пенсию от предприятий, оказались лишены средств к существованию. Поэтому проблема социального обеспечения этих категорий граждан стояла достаточно остро [12]. В целях ее решения правительство страны установило размер прожиточного минимума для городских жителей [3]. Система пособий, в основе которой заложен городской прожиточный минимум, оказалась достаточно эффективной. Она постепенно распространилась в целом на горожан, вышла за рамки ограничений, накладываемых структурой отношений собственности, родственными отношениями, системой занятости. Прожиточный минимум устанавливался в городах по результатам обследования домохозяйств, для каждого из которых определялся соответствующий статус. Социальная помощь предоставлялась только самым бедным городским жителям, стимулируя остальных к занятости и поиску работы. В 2011 г. запущен пилотный проект в контексте социального пенсионного страхования, ориентированный в том числе на безработных горожан, которые «выпадали» из системы социальной защиты. Этот проект заполнил собой пустоту в китайской системе социального обеспечения в случаях индивидуальных выплат и субсидий со стороны государства для жителей города. Последние тем самым были охвачены системой социальной политики, социального обеспечения и социальной защиты. Данная категория граждан оказалась охваченной пенсионным обеспечением, в том числе по старости.

Ситуация того времени с пенсионным обеспечением жителей деревни, имеющих прописку в сельской местности, иная. Селяне могли получить помощь только от местного сообщества. Государство не участвовало в формировании страховых фондов в селе. Выплата пенсии по старости для сельского жителя была предусмотрена только в том случае, если он всю или большую часть трудовой жизни делал добровольные отчисления в соответствующие страховые фонды. На практике малая часть жителей деревни, имеющих прописку в сельской местности, осуществляла такие отчисления. Поэтому большинство селян не получают пенсии по старости. Государственных пенсий по старости для этой категории граждан в Китае не предусмотрено.

В то же время постулировалось, что для сельских жителей имеется система пенсионного обеспечения, которая, однако, не претерпела изменений с предыдущего периода развития системы социальной политики в Китае (до 1978 г.).

Суть ее состояла в следующем. Система формировалась на уровне уездов, т. е. каждый уезд имел свой страховой пенсионный фонд. Средства фонда теоретически формировались в основном из двух источников – это индивидуальные взносы крестьян, желавших впоследствии получать трудовую пенсию, и коллективные взносы от сельскохозяйственных кооперативов. Предполагалось, что государство оказывает подобным фондам политическую поддержку. Но на практике оно финансово не участвовало в их деятельности, а коллективные субсидии практически не вносились в эти фонды социального пенсионного страхования. Оставались лишь редкие индивидуальные взносы сельских тружеников, для которых впоследствии все-таки находили средства на выплаты трудовых пенсий. Такая система оставляла без гарантированных средств к существованию большинство жителей деревни, особенно пожилых, и порождала тем самым социальные риски.

Вследствие финансового кризиса 1997 г. в Юго-Восточной Азии резко возрос риск невыплаты пенсий в условиях описанной выше прежней устаревшей системы пенсионного обеспечения сельских жителей. По решению правительства Китая ее функционирование приостановлено [13].

Стремительно изменялась социально-экономическая ситуация в стране. Интенсивно развивались процессы урбанизации, и большая часть молодых людей уезжали из сельской местности в города. В деревнях оставалось старшее поколение, обеспечивая ускоренные процессы старения сельского населения. Рост городов все больше сокращал места для сельскохозяйственных угодий, а продолжающийся рост населения уменьшал объемы земельного фонда на каждого жителя, в том числе деревни. Распространенным явлением стала утрата селянами земельных участков. Вместе с тем разрушались традиционные семейные отношения между родителями и детьми, когда повзрослевшие дети обязаны содержать престарелых родителей [14]. В целом взрослые дети в Китае не отказываются от традиционных обязанностей, но такие связи в современном государстве работают уже не всегда. Поэтому острой является проблема обеспечения средств к существованию пожилых сельских жителей, утративших либо работоспособность, либо земельные участки, работа на которых могла бы их прокормить.

Для решения этой острой проблемы правительством КНР в 2009 г. запущена пилотная программа пенсионного обеспечения сельских жителей. Новая система предполагает финансирование страховых пенсионных фондов по троичному принципу. Во-первых, остаются от старой системы индивидуальные взносы в соответствующий страховой пенсионный фонд. Во-вторых, предполагаются коллективные субсидии со стороны сельскохозяйственных организаций и несельскохозяйственных организаций в селе в соответствующий страховой пенсионный фонд. В-третьих, повышается роль государства, которое на современном этапе финансово участвует в формировании средств этих страховых пенсионных фондов. Следовательно, новая система отличается от старой тем, что государство берет на себя ответственность за обеспечение пожилых жителей китайской деревни, и эта ответственность имеет финансовое выражение, т. е. происходит смещение акцента в финансировании жизнеобеспечения пожилых сельских жителей с них и их семей на государство. Постепенно выстраивается система партнерских отношений между государством, бизнес-организациями и гражданским обществом в отношении финансирования и проведения социальной политики, социального обеспечения и социальной защиты пожилых жителей деревни. Пенсионная система для селян перестала быть условием, способствующим реформе городских предприятий. Сегодня ее цель – обслуживание интересов пожилого сельского населения по их жизнеобеспечению [15].

В настоящее время система пенсионного обеспечения в КНР характеризуется двойственностью, поскольку для работников государственных учреждений (бюджетной сферы) реализуется одна система пенсионного страхования и обеспечения, а для работников предприятий и организаций других форм собственности, а также для сельских жителей — другая [16; 17]. Таким образом, система пенсионного обеспечения в Китае сегодня находится в стадии активного реформирования, важным направлением которого является стремление достичь равенства всех граждан Китая в их пенсионных правах и гарантиях пенсионного обеспечения. Основанием таких устремлений выступает растущий экономический потенциал страны, позволяющий обеспечить в настоящее время всех граждан преклонного возраста достойной пенсией. Когда будет достигнута цель реформирования китайской пенсионной системы — не известно. Очевиден только тот факт, что взят курс на ее достижение и китайская пенсионная система в перспективе станет более демократичной.

Литература

1. Социальная политика в России и Китае / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016. 528 с.
2. *Ma Zexu*. Исследование и анализ социального обеспечения пожилых людей в Китае // Brand. 2015. Vol. 12. P. 55–63.
3. *Shang Xiaoyuan*. Research on the Reform of Chinese Social Security System. Beijing: China Labor & Social Security Publishing House, 2007.
4. *Hu Suyun*. 60 Years of Welfare and Security System: Ideal Mode, Real Choice and Development Trend // The 7th Annual Academic Conference Documents in Shanghai Social Science World. 2009. Vol. of Politics, Law and Social Sciences.
5. *Yang Cuiying, Feng Guanggang*. Research on the Sustainable Development of the Social Security – F Case of Shanghai and the Analysis Framework. Beijing: China Society Press, 2014.
6. О пенсионной системе Китая [Электронный ресурс] // Livejournal. 2018. 13 июля. URL: <http://colonelcassad.livejournal.com/4315175.com> (дата обращения: 13.01.2019).
7. Change and Evaluation of the Social Relief System in China. 2005 [Электронный ресурс] // Ministry of Civil Affairs URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 21.09.2019).
8. *Чанг Тунг*. Краткий анализ службы социального обеспечения пожилых людей в Китае // Modern Business. 2017. No. 29. P. 23–35.
9. *Cheng Haijun*. Historical Retrospection of China's Social Welfare System During the Planned Economic Period // Contemporary China History Studies. 2008. Vol. No. 5.
10. *Ян Ян, Суй Ян Цю*. 40 лет реформ и открытости: от «выхода на пенсию» до «пенсии» // Управление персоналом и социальное обеспечение Китая. 2018. Vol. 12. P. 45–56.
11. *Цзян Вэй, Мэн Чжэнь*. Структура населения Китая, пенсионное страхование и потребление домашних хозяйств // Economic Survey. 2018. Vol. 1. P. 55–73.
12. *Хэ Венжао*. Выход на пенсию пенсионной системы, которая приносит пользу людям // Управление персоналом и социальное обеспечение Китая. 2018. Vol. 1. P. 54–56.
13. *Chang Hongxiao, He Yuxin*. The Rural Pension System Does not Believe Utopia // Finance and Economics. Sept. 4. 2006.
14. *Лэн Чжихуа, Фу Чанцзянь, Сюй Сяньпу*. Разрыв в доходах и миграция населения: исследование причин урбанизации с демографической точки зрения // Журнал Чунцинского университета. Серия: Социальные науки. 2015. № 6. P. 35–44.
15. *Zheng Bingwen*. Social Insurance Reform: Provide the Stabilizer for the Economic Society – Development Process of the Social Security System in 30 Years after the Reform and Opening up // Shanghai Securities News. Dec. 13. 2008.
16. Правила справедливого общества / под ред. А. А. Липатова. СПб.: Реноме, 2016. 404 с.
17. *Тарандо Е. Е., Афанасьева И. Г.* О социальной природе частной собственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 272–279.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-54-59

УДК 343.352

Д. А. Ильичев, Е. В. Суверов, М. А. Трухин

Взяточничество среди сотрудников правоохранительных органов в Алтайском крае (1945–1950)

D. A. Il'ichev, E. V. Suverov, M. A. Trukhin. Bribery of Law Enforcement Officials in the Altai Region (1945–1950).

Авторами исследован послевоенный период в правоохранительной системе в Алтайском крае, выявлены факты взяточничества среди сотрудников. Установлено, что устойчивой коррупционной системы в данной сфере не существовало, размер взяток был небольшим и часто выражался в товарах первой необходимости. Получение взяток связано с низкой оплатой труда, а также некачественным кадровым подбором. Случаи получения взяток зафиксированы в краевых подразделениях милиции, учреждениях пенитенциарной системы, прокуратуре. Достаточно суровое наказание за данный вид преступления не всегда останавливало желающих незаконно обогатиться.

Ключевые слова: коррупция, взятки, правоохранительная система, милиция, прокуратура, пенитенциарная система.

Контактные данные: Д. А. Ильичев: 680000, г. Хабаровск, Уссурийский бульвар, д. 2; (4212) 38-10-06 | Е. В. Суверов: 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49;

In the post-war period under study in the Altai region in the law enforcement system manifested bribery of individual employees. There was no stable corruption system in the law enforcement system, the amount of bribes was small and was often expressed in essential goods. Receiving bribes was directly related to low wages, as well as poor quality recruitment in the law enforcement system. Cases of receiving bribes were recorded in the regional police units, the penitentiary system, the Prosecutor's office. Rather severe punishment for this type of crime not always stopped wishing to be enriched illegally.

Keywords: corruption, bribes, law enforcement system, police, Prosecutor's office, penitentiary system.

Contact Details: D. A. Il'ichev: Ussuriyskiy Blv. 2, Khabarovsk, Russian Federation, 680000; (4212) 38-10-06 | E. V. Suverov: Chkalova St. 49, Barnaul, Russian Federa-

Дмитрий Анатольевич Ильичев — начальник УМВД по Хабаровскому краю, генерал-майор полиции.

Евгений Васильевич Суверов — профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор.

Максим Анатольевич Трухин — директор Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

© Ильичев Д. А., Суверов Е. В., Трухин М. А., 2019

(3852) 37-93-38; suverovev69@mail.ru | М. А. Трухин: 656011, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 106е; (3852) 36-10-20; alt-ime@mail.ru.

tion, 656038; (3852) 37-93-38; suverovev69@mail.ru | М. А. Trukhin: Lenina Ave 106e, Barnaul, Russian Federation, 656011; (3852) 36-10-20; alt-ime@mail.ru

Тяжелейшие последствия Великой Отечественной войны и жесткой репрессивной политики советского государства не обошли стороной Алтайский край в послевоенный период. В регионе наблюдался дефицит рабочих рук, так как многие из мужчин не вернулись с фронта, немало было тех, кто стал инвалидом. Крайне изношенная инфраструктура нуждалась в скорейшей модернизации, в экономике превалировал ручной труд с низкой производительностью труда. Люди голодали, жили в стесненных условиях, с минимальными удобствами, не хватало одежды, средств гигиены.

Существенной проблемой в исследуемый период являлось недостаточное финансирование правоохранительного блока и скрывание фактов коррупции среди алтайских милиционеров перед советскими гражданами [1]. Сотрудники правоохранительных органов получали незначительное материальное вознаграждение за титанический труд, связанный с риском для жизни. Пристрастие И. В. Сталина работать по ночам держало в напряжении государственную машину. Большую часть своего времени сотрудники проводили на работе, мало уделяя внимания близким, не имея возможности восстановить силы.

Несмотря на усилия руководства НКВД — МВД СССР по поддержанию служебной дисциплины, после войны в ряде подразделений органов внутренних дел, расположенных в Западной Сибири, не оставались незамеченными факты преступной деятельности некоторых милиционеров. Очевидны последствия слабого кадрового подбора, недостаточного материального стимулирования, а также формального характера воспитательной работы среди личного состава. Усугубляла проблему излишняя закрытость правоохранительной системы от общественности [2]. Получение взяток — порок ряда представителей советских правоохранительных органов изучаемого периода. Должностные лица принимали различные материальные ценности за действия или бездействие в интересах взяткодателя. Данный вид преступления отличался высоким уровнем латентности, возникали трудности в доказывании. Как правило, обе стороны (взяткодатель и взяткополучатель) были заинтересованы в том, чтобы сохранять в тайне свои действия из-за страха наказания.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1949 г. № 7/2/ У взяточничество рассматривалось как «пережиток капитализма в сознании людей». Уголовному преследованию подвергались не только взяточники-милиционеры, но и взяткодатели, и их посредники. Осужден адвокат Галяутдинов, выступивший посредником в передаче взятки от жены подследственного следователя, курировавшему дело [3]. Получение взятки должностными лицами, наказывалось на основании ст. 117 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. — конфискацией имущества вплоть до смертной казни [4]. Однако суровое наказание за данный вид преступления не смогло искоренить эту проблему.

В письме товарища И. Жеребцова от 1947 г. сообщалось: «За период Отечественной войны в результате материальных и других трудностей распространились внутри страны злодеяния, которые наносят огромный ущерб нашему народному хозяйству. Имеются в виду блат, взятки, спекуляция, хищение или присвоение государственной собственности, злоупотребление занимаемым положением, вымогательство, рвачество и т. д. Кроме того, были и такие лица, которые нажились за счет войны: воспользовались эвакуацией, оккупацией, разрушением, трофейным

или бросовым имуществом, в результате чего приобрели десятки и сотни тысяч рублей. Все это является уголовным преступлением, но, к сожалению, остается безнаказанным. Эти лица не нуждаются в работе и зарплате. Если они где-либо и пристроились на работу, то исключительно для личных выгод. Для них пока открыты двери ко всему — и к источникам легкой наживы, и к источникам их материального снабжения; к их услугам рынки, магазины, рестораны и т. д.» [5].

Дефицит товаров, продуктовых и продовольственных, был в крае колоссальным. Так, в апреле 1946 г. на страницах краевой газеты «Алтайская правда» описан скудный ассортимент барнаульских магазинов: наблюдался дефицит товара в магазине № 15 «Детский мир». В нем продавали ржавые железные лопатки, молотки без ручек. Чтобы прикрыть пустые полки, заведующая магазином, товарищ Оточкина, распорядилась выложить грубые шерстяные носки и низкого качества трикотажные изделия. В магазине № 1 грязные и пустые полки, несколько месяцев отсутствовали в продаже спички и мыло [6].

К началу 1947 г. в стране принят план антикоррупционных мероприятий, который предусматривал систематизацию статистических данных об уголовных делах, о взяточничестве, усиление прокурорского надзора за деятельностью милиции, расширение агентурной сети. Однако эти действия не принесли ожидаемого результата, учитывая, что правоохранительная система не избавилась от такого недуга, как коррумпированность. В печати, средствах массовой информации, а также в коллективных стенгазетах часто фигурировал юмористический образ взяточника. Пропаганда включала в себя и случаи раскаяния такого преступника [7].

Неблагополучная кадровая ситуация привела к тому, что в правоохранительных органах появилось множество людей, пытавшихся противоправными способами изменить свое материальное положение. Начальник управления МВД СССР по Алтайскому краю полковник Антоновутверждал, что за годы войны значительно засорился карательный аппарат людьми, недостаточно проверенными и достойными для работы в МВД [8]. Низок был и профессиональный уровень, только 9 % сотрудников милиции на Алтае в 1950 г. имели высшее или среднее образование [9]. Нарушения в деятельности милиции зафиксированы в труднодоступных отдаленных горных районах Горно-Алтайской автономной области, в то время входивших в состав Алтайского края [10, с. 213].

В подразделениях органов внутренних дел немало преступлений совершали сотрудники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС). Так, оперуполномоченный ОБХСС 1 ОГМ города Бийска Мухаметов 13 сентября 1947 г. задержал гражданина К. Взамен полученных от гражданина К. 300 пачек махорки рассыпной спекулянта не привлекли к уголовной ответственности. Двое суток милиционер пьянствовал на квартире спекулянта, расходуя его деньги. Суд приговорил Мухаметова к восьми годам лишения свободы [11].

Оперуполномоченный ОБХСС Управления милиции Алтайского края Сальников в апреле 1947 г. вел следствие по делу гражданина М. Пользуясь служебным положением, он вступил в преступную связь с подследственным и его женой. Регулярно посещая их, информировал о ходе следствия, советовал, как избежать наказания, получив за это в качестве благодарности 2 650 руб., ручные часы, крой хромовый на сапоги, 500 г сала свиного и 500 г рыбы. О факте получения взятки стало известно после случившегося 24 июня 1947 г., т. е. в тот день, когда обвиняемого — гражданина М. — оправдали в суде. Сальников и гражданин М. (с родственниками и соседями по квартире) по этому поводу устроили праздник с распитием спиртных напитков, а затем компания отправилась на кладбище, чтобы помянуть недавно похороненного мужа соседки. Оперуполномоченный Сальников в память об усопшему из табельного оружия произвел два

выстрела вверх. Неосторожно перезаряжая пистолет ТТ, выстрелил, убив при этом гражданина М. После проведения судебного разбирательства милиционер осужден, ему назначено наказание в виде восьми лет лишения свободы [12].

Сотрудники других подразделений милиции также замечены в злоупотреблении служебным положением. В частности, 25 сентября 1946 г. заместитель начальника Угловского районного отдела МВД Титов задержал гражданина З. за хищение 7 700 руб. В этот же вечер к Титову обратился отец задержанного, дал ему взятку в размере 2 000 руб. После получения денежных средств Титов вынес незаконное постановление о прекращении дела и освобождении из-под стражи преступника [13]. Показателен еще один пример, свидетельствующий о том, что паспортист Измайлов (Солтонский районный отдел милиции) за вознаграждение незаконно выдал 14 паспортов и 35 временных удостоверений [14].

Факты взяточничества выявлены и в пенитенциарной системе. В местах лишения свободы Алтайского края зарегистрированы незаконные случаи передачи денег и писем заключенных. Например, в ноябре 1950 г. поступил денежный перевод (100 руб.) на имя работника дома малютки Гриценко, предназначенный для заключенной Кремнюк. Кладовщик дома малютки Гончарова принесла письмо для отправки заключенной [15]. За подобные незаконные действия надзирательский состав получал взятки от заключенных и гражданских лиц. О случаях получения взяток становилось известно в камерах предварительного заключения (КПЗ), где размещали задержанных. Нарушая должностные инструкции, часть милиционеров вступала в преступную связь с уголовным элементом, находящимся в КПЗ [16, с. 54]. Милиционер Волчихинского районного отдела МВД ефрейтор милиции М. И. Зонов систематически поддерживал преступную связь с заключенными в местном КПЗ, не препятствовал передаче им запрещенных предметов. В марте 1948 г. ефрейтор Зонов, зная о том, что в принесенной для арестованных А. и Б. передаче вместо молока содержится подбеленная водка, выпил ее вместе с арестантами [17].

Осложнялась ситуация в крае тем, что и прокуратура (надзорный орган) не оставалась в стороне от коррупционных проявлений. Проблемы коррупции в алтайской прокуратуре также объяснялись слабым кадровым подбором, лица, занимавшие те или иные должности, не всегда имели высшее юридическое образование и солидный стаж. Так, в прокуратуре Октябрьского района города Барнаула в августе 1949 г. проходили службу следующие сотрудники: прокурор юрист 1 класса Г. Г. Вайсбурд (неполное среднее образование, стаж работы — с 1933 г.); помощник прокурора младший юрист Я. П. Плюро (неполное высшее образование, стаж — с 15 августа 1947 г.); помощник прокурора В. И. Чернов — (чин отсутствовал, высшее образование, работал с 6 августа 1947 г.); помощник прокурора младший юрист В. С. Елисеева (среднее образование, стаж — с 7 июня 1945 г.); следователь юрист 3 класса В. М. Тонких (среднее общее образование, работал с 1941 г.); следователь Л. К. Сарычева (без классного чина, среднее юридическое образование, стаж — 1 год); следователь В. Д. Захаров (без классного чина, среднее образование, работал с 19 января 1949 г.); следователь О. Селезнева, (без классного чина, высшее образование, работает с 19 августа 1949 г.); следователь младший юрист З. Т. Орехова (среднее образование, стаж — с 1944 г.) [18].

В 1945 г. при проведении проверки прокуратуры Смоленского района Алтайского края установлено, что помощник прокурора младший юрист О. С. Попова получила взятку (1 000 руб.) при посредничестве члена Катунского сельсовета М. И. Меркулевой за освобождение от уголовной ответственности продавца Катунского магазина «Золотоскупки» Галины Кондратьевой. От дезертира военной промышленности Софьи Ратунцевой, проживавшей в селе Катунском, с участием

посредника М. И. Меркульевой получила 7 кг бараньего мяса и кукурузной муки за освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Находившаяся в розыске С. Ратунцева арендовала жилье у О. С. Поповой, где копала для нее картошку. За дрова, рыбу, икру, муку, полученные от родителей М. Дьяковой, помощник прокурора отозвала указанную гражданку, якобы подозреваемую в дезертирстве, с работы на газоходе № 6, где она трудилась матросом, на побывку в течение двух месяцев. От золотостарателя Иннокентия Зиновьева, проживающего в селе Катунском, за услугу по взысканию имущества в пользу дочери с гражданина Федосеева, с которым развелась, получила взятку в виде 10 кг муки и 2 кг сахара. Стало известно о том, что полученные нечестным путем материальные блага помощник прокурора тратила на проведение дорогостоящих вечеров, встреч, где присутствовали до 33 гостей, и что на эти цели ею израсходовано от 2 500 до 3 000 руб. [19].

Таким образом, в послевоенный период в Алтайском крае складывалась сложная ситуация, учитывая факты взяточничества среди правоохранительных органов. Материальное положение сотрудников оставляло желать лучшего. Бытовая неустроенность, послевоенная разруха побуждали следователей и адвокатов к совершению преступлений коррупционной направленности. Суммы взяток были незначительны ввиду низкого уровня дохода населения Алтай. Наибольшее число преступлений в милиции совершали сотрудники ОБХСС, которые занимались расследованием экономических преступлений. В пенитенциарной системе за вознаграждение надзиратели могли переносить запрещенные предметы в места лишения свободы, улучшать санитарно-бытовые условия заключенных. Прокурорские работники, осуществлявшие надзор за соблюдением социалистической законности в правоохранительной системе СССР, были вовлечены в коррупционные схемы. Закрытая до сих пор информация в отношении сотрудников государственной безопасности не позволяет с уверенностью утверждать о фактах взяточничества в их деятельности анализируемого периода. Суровое наказание за соответствующее преступление коррупционной направленности не способствовало искоренению данного явления в полной мере.

Литература

1. Чибурова Е. А. Коррупционные проявления в рядах советской милиции в послевоенный период в Алтайском крае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы 16-й междунар. науч-практ. конф. Барнаул, 2018. № 16. Ч2. С. 204–205.
2. Суверов Е. В., Москвитин Ю. Н. Преступления корыстной направленности, совершаемые милиционерами в 1945–1953 гг. (на примере Западной Сибири) // Вестник Востоčno-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 33–38.
3. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 8. С. 1.
4. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
5. Богданов С. В., Орлов В. Н. Некоторые аспекты борьбы советского государства со взяточничеством и коррупцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2012. № 2. С. 148–151.
6. Проблемы торговли // Алтайская правда. 1946. 2 апр.
7. Плехова О. А. К вопросу о формах и методах борьбы с коррупцией в СССР // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 171–179.
8. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра Главного управления МВД России по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю). Ф. 1. Оп. 2. Д. 19. Л. 99.

9. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10. Т. 3. Л. 190.
10. Суверов Е. В., Москвитин Ю. Н., Антропов В. М., Миронов Е. В. История органов внутренних дел Алтая: монография. Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2017. 348 с.
11. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3В. Т. 4. Л. 200.
12. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3В. Т. 2 Л. 243.
13. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3В. Т. 2 Л. 245.
14. Иванов А. А. Старорежимный паспортист // Боевой пост. 1950. 25 июля.
15. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 1 л/с. Д. 71. Л. 273.
16. Суверов Е. В., Малкова Ю. А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937–1953 гг.). Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2012. 80 с.
17. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3В. Т. 3. Л. 55.
18. Архив прокуратуры Алтайского края. Ф. Р. 1474. Опись 1 л. Д 1111. 1950 г. Л. 53–56.
19. Архив прокуратуры Алтайского края. Д. 9. 1945 г. Л. 9, 9 об.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-59-69

УДК 351.756

А. В. Далинин, С. В. Аристов

О привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства к ответственности

*A. V. Dalinin, S. V. Aristov. On Bringing to Justice Foreign Citizens
and Stateless Persons*

В статье исследуется понятие правового статуса граждан и лиц без гражданства. Анализируются исторические аспекты развития законодательства, регулирующего права и обязанности иностранных граждан. Рассматриваются вопросы привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к уголовной и административной ответственности на территории РФ.

Ключевые слова: мигранты, преступления, уголовная и административная ответственность, незаконная миграция.

Контактные данные: А. В. Далинин: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-13; marchenkovspb@mail.ru.

The article analyzes the issues of legal status of citizens and stateless persons. The historical aspects of the development of the legislation which regulates the rights and obligations of foreign citizens are analyzed. The issues of bringing foreign citizens and stateless persons to criminal and administrative responsibility on the territory of the Russian Federation.

Keywords: migrants, crimes, responsibility for offenses, illegal migration.

Contact Details: A. V. Dalinin: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-13; marchenkovspb@mail.ru.

Алексей Валерьевич Далинин — заведующий кафедрой управления правоохранительной деятельностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Сергей Владимирович Аристов — заместитель начальника 12 отдела ОРЧ 10 ГУ МВД России по г СПб и ЛО, кандидат юридических наук.

© Далинин А. В., Аристов С. В., 2019

После распада СССР в стране возникла и обострилась проблема безопасности из-за участившихся случаев совершения преступлений иностранными гражданами. Массовое перемещение иностранцев на территорию России увеличило количество нелегальных иммигрантов, чему способствовало и присоединение РФ в 1992 г. к Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. (заключена в Женеве).

Согласно данным Росстата за последние три года, в российском государстве проживает 460 тыс. лиц, получивших временное убежище, около 2 тыс. беженцев и 59 тыс. вынужденных переселенцев. Особенность таких лиц заключается в том, что они не являются гражданами РФ, но в свою очередь обладают определенным объемом прав и обязанностей, которые имеются и у граждан РФ. В современных условиях глобализации, в миграционных процессах, происходящих в мире, отмечаются масштабные преобразования, чему способствует ухудшение политической обстановки, обусловленное активизацией деятельности таких международных террористических организаций, как «Исламское государство» (запрещена на территории РФ). Поэтому миграция составила одну из значимых проблем современности. Миграционные потоки достигли масштабов, не позволяющих правительствам разных государств игнорировать данный факт и не замечать изменения в обществе.

Преступность, субъектами которой становятся иностранные граждане, проникает во все государства. Данный факт доказывает, что никто не застрахован от различных беспорядков — как массовых, так и вооруженных, влекущих многочисленные человеческие жертвы, неконтролируемую миграцию, поток беженцев. Очевидна в этом процессе главенствующая роль и этнической, и конфессиональной составляющей. В обществе твердо устоялось мнение о том, что, преступления, совершаемые иностранцами и лицами без гражданства, составляют один из существенных факторов, оказывающих воздействие на преступность в целом. С территории российского государства в настоящее время выдворяется лишь небольшое число иностранцев, нарушающих правила пребывания в РФ. Согласно докладу ООН за 2017 г., в России находится свыше 11 млн мигрантов [1].

Статья 19 Конституции РФ закрепила принцип равенства граждан перед законом, а, согласно ст. 33 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», иностранный гражданин, нарушивший законодательство России, подлежит привлечению к ответственности. С учетом изложенного выше можно утверждать, что Все лица, совершившие преступления, имеют одинаковый правовой статус, и за любые преступления, совершенные на территории России, иностранные граждане несут уголовную ответственность наравне с гражданами РФ. В отечественной уголовно-правовой литературе юридическую природу иммунитета некоторых иностранных граждан от уголовной юрисдикции государства пребывания, предоставляемого им согласно международному праву, трактуют порой не совсем точно [2, с. 4]. Так, ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса (УК РФ) закрепляет принцип экстерриториальности, а ст. 4 УК РФ называется «Принцип равенства граждан перед законом». Многие ученые-теоретики отмечают неудачность этой формулировки, высказывая справедливые замечания, поскольку принцип равенства всех перед законом, закрепленный в Конституции РФ, применительно к уголовному праву сужен до равенства перед законом только граждан.

Средства массовой информации постоянно обсуждают необходимость ужесточения ответственности иностранцев за правонарушения и преступления [3]. К примеру, заместитель начальника полиции УМВД России по Центральному району Санкт-Петербурга Вадим Кубанцев доложил, что на протяжении 2017 г. проводилась активная работа, направленная на выявление и пресечение правонарушений, совершаемых в сфере миграции. Вследствие этого на территории

района снизилось количество правонарушений, допущенных со стороны иностранных граждан. Количество иностранных граждан, привлеченных к административной ответственности за нарушения миграционного законодательства по ст. 18.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях за 2017 г., — 159 человек, что на 318 человек меньше, чем в аналогичный период 2016 г. В отношении иностранных граждан совершено 18 (—11) преступлений [4]. Вместе с тем, благодаря профилактическим мероприятиям на территории района значительно снизилось количество преступлений, совершаемых иностранными гражданами. За 2017 г. эта цифра равна 77, что на 90 преступлений меньше, чем в аналогичный период прошлого года. Основной массив — это преступления имущественного характера. При этом очень важно подчеркнуть, что практически все выявленные преступления совершаются иностранными гражданами, незаконно находящимися на территории России, либо гражданами с «поддельными» регистрациями [2, с. 5].

Следует отметить, что силами подразделений полиции во взаимодействии с отделом УФМС России по Санкт-Петербургу и ЛО по Центральному району в 2017 г. осуществлено 207 проверок работодателей, использующих труд иностранных работников, в том числе в сфере строительства — 38, торговли — 71, бытового обслуживания — 111, иной сфере обслуживания — 47. Сотрудникам полиции проверено 675 иностранных работников, 192 места компактного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, а также 274 объекта жилого сектора [5].

В 2013 г. вносился законопроект, предусматривавший введение уголовной ответственности за фиктивную регистрацию и нарушение правил регистрации по месту жительства и по месту пребывания. В международном частном праве действует принцип взаимности, который можно понимать, как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле данный принцип подразумевает предоставление иностранному лицу в государстве пребывания тех же прав, которые ему предоставляет собственное государство. В узком смысле под взаимностью следует понимать предоставление определенного режима, в частности национального режима или режима наибольшего благоприятствования для иностранного гражданина [6, с. 34]. Условно принцип взаимности можно поделить на материальный и формальный.

Материальная взаимность подразумевает, что иностранным физическим, а также юридическим лицам будут предоставлены те же права, которые государство пребывания предоставляет гражданам и юридическим лицам, расположенным на его территории. Формальная взаимность — это предоставление иностранным физическим, а также юридическим лицам тех же прав, которыми могут пользоваться граждане страны пребывания и юридические лица [7].

По причине того, что государства не всегда пребывают в хороших отношениях на международном уровне, с принципом взаимности также граничит реторсия, под которой следует понимать правомерные принудительные действия со стороны государства, совершающиеся в ответ на недружественный акт иного государства, поставившего в дискриминационное положение физических, а также юридических лиц со стороны первого государства. Иностранные граждане, как и лица, не имеющие гражданства, относятся к числу субъектов международных частноправовых отношений. Это означает, что данные лица выступают участниками гражданских правовых отношений, осложненных иностранным элементом, имеющими определенные права, а также обязанности.

Под понятием «иностраннный элемент» следует понимать имущественные отношения, в которых субъектом выступает сторона, имеющая иностранное гражданство (или подданство). При этом субъекты относятся к одному государству,

а объект находится за границей. Кроме того, под иностранным элементом следует понимать возникновение, изменение, а также прекращение отношений, связанных с юридическим фактом, который имеет место за границей.

Объем правомочий, возлагаемый на данные категории лиц, являющихся субъектами трансграничных отношений, может быть определен через такие две основные категории, как правоспособность, а также дееспособность. В соответствии с общим правилом гражданская правоспособность физического лица представляет собой способность иметь гражданские права, а также нести гражданские обязанности. Гражданская правоспособность возникает у лица с момента его рождения и прекращается только с его смертью (ст. 17 Гражданского кодекса (ГК РФ)). Определяя гражданскую правоспособность физического лица, необходимо руководствоваться также его личным законом. Указанное положение нашло отражение в ст. 1196 ГК РФ. В данном случае не стоит забывать о том, что иностранные граждане, а также лица, не имеющие гражданства, на территории России обладают равной правоспособностью, как и российские граждане. Исключения составляют случаи, предусмотренные законом. Следовательно, вне зависимости от пола, расы, национальности, а также религиозного мировоззрения и иных факторов они могут, к примеру, иметь в собственности имущество, а также обладать имущественными и личными неимущественными правами, как и российские граждане. Все правила, регламентированные отечественным гражданским законодательством, распространяются на иностранных граждан, а также лиц без гражданства в равной степени. В определенных случаях российским законодателем предположен дифференцированный подход, направленный на определение право-, а также дееспособности иностранных граждан на своей территории.

Личный закон может быть использован в форме национального закона (так называемый закон гражданства) или закона места жительства (так называемый закон домицилия). Кроме того, существует смешанный подход, направленный на определение личного закона физического лица. В соответствии с личным законом физического лица в форме закона гражданства правоотношения, в которых принимает участие иностранный гражданин, должны регулироваться правом того государства, гражданством которого последний обладает. Личный закон в форме места жительства подразумевает, что те правоотношения, в которых принимает участие иностранный гражданин или же лицо без гражданства, должны регулироваться законом той страны, на территории которой данное лицо постоянно проживало или находилось, т. е. имеет постоянное место жительства.

Существуют исключения из принципа определения право-, а также дееспособности иностранных граждан и лиц, не имеющих гражданства на территории России. Так, иностранный гражданин, заключая в России сделки, не имеет права ссылаться на тот объем правомочий, который ему предоставлен в своем государстве. Во вторую очередь именно в соответствии с российским правом будет определена гражданская дееспособность иностранцев (или лиц, не имеющих гражданства) по отношению к обязательствам, возникающим по причине причинения вреда в России. В третью очередь российским законодателем подчинено решение вопросов о признании в России иностранных граждан или лиц, не имеющих гражданства, ограниченно дееспособными, безвестно отсутствующими, а также об объявлении их умершими собственному праву.

С возможностью реализации иностранными гражданами своей гражданской правосубъектности тесно связан вопрос правового регулирования их въезда, пребывания и выезда за пределы территории России, а также иные аспекты, регулируемые нормами административного права. К одному из основных прав, ко-

торым наделен человек, отнесено право на свободу передвижения, выбора места своего пребывания, а также жительства. С указанными правами связана реализация и таких конституционных прав, свобод граждан, как право собственности и право наследования, право на жилище, право на труд; право на свободу в отношении использования своих способностей, а также имущества для ведения предпринимательской и другой экономической деятельности, которая не запрещена положениями закона; право человека на социальное обеспечение; право на охрану здоровья, а также медицинскую помощь; избирательные права, иные права, а также свободы.

Важность свободы передвижения в системе прав и свобод следует из ее закрепления в важнейших международных нормативных актах о правах человека (ст. 13 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года, ст. 2 Протокола № 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), которыми провозглашено и установлено право каждого человека на свободное передвижение и выбор себе места жительства в пределах каждой страны, право покидать любую страну, включая свою, и возвращаться в собственное государство. Основа обеспечения свободы передвижения иностранцев и лиц без гражданства на территории России состоит в конституционном положении о праве каждого на свободное перемещение. Согласно ст. 27 Конституции РФ каждый, находящийся на территории России законно, обладает правом свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства. Исходя из международных стандартов, Конституцией РФ каждому предоставлена и возможность свободного выезда за пределы России. Реализацию свободы передвижения иностранцев и лиц без гражданства на территории России определяют:

- 1) Федеральный закон «О порядке выезда из РФ и въезда в Российскую Федерацию»;
- 2) Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ»;
- 3) Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», а также иные нормативные правовые акты и международные договоры РФ.

Законодательство России право на свободу передвижения граждан России и иностранных граждан не абсолютизирует, исходит из его сбалансированности с особо важными интересами государства и общества. В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства установлены требования к наличию у них оснований для прибытия на территорию России, сроку пребывания, соблюдению регистрации и т. п. Требования эти допустимы с точки зрения положений и Конституции РФ, и международных стандартов.

В положениях, установленных ч. 3 ст. 55 Основного закона Российской Федерации, закреплена возможность ограничения прав, свобод человека и гражданина. Основанием в данном случае выступают положения федерального закона, но только в той мере, которая необходима для защиты основ конституционного строя, а также здоровья, нравственных ценностей, прав и законных интересов иных лиц, обороны страны в частности и безопасности государства в целом.

Положения Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. и Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод также допускают возможность ограничения свободы для того, чтобы обеспечить:

- государственную (национальную) безопасность;
- охрану и поддержание общественного порядка;
- общественное спокойствие;

- предотвращение преступлений;
- здоровье или нравственности населения;
- права и свободы других лиц.

Кроме того, в отдельных районах возможно введение предусмотренных законом ограничений, обоснованных интересами демократического общества. Исходя из срока и цели пребывания в России, законодательством определены следующие категории граждан других государств, а также лиц без гражданства:

- лица, которые временно пребывали на территорию России;
- лица, которые временно проживают на территории России;
- лица, которые постоянно проживают на территории России.

Так, в качестве временно пребывающего будет признан гражданин другого государства или лицо без гражданства, прибывшие на территорию России на основании визы или в безвизовом порядке и получившие миграционную карту, но не имеющие вида на жительство или же разрешения на временное проживание в стране. При этом срок временного пребывания гражданина другого государства или лица без гражданства в России определяет срок действия выданной последним визы.

Лица без гражданства или (апатриды, аполиды) представляют собой отрицательное явление, что сказывается на правах человека, поскольку данная категория лиц не обладает полнотой прав, в отличие от граждан, имеющих гражданство, вследствие чего их правоспособность всегда ограничена в той или иной мере. В связи с этим сегодня проводятся всевозможные международные конференции по вопросам безгражданства, а также издаются международные договоры, соглашения. Примерами таких международных договоров выступают две основные конвенции: «Конвенция о сокращении безгражданства» (принята 30 августа 1961 г.), которая обязывает государство предоставлять гражданство любому рожденному на его территории лицу (иначе оно было бы апатридом), и «Конвенция о статусе апатридов» (принята 28 сентября 1954 г.), которая обязывает этот статус со статусом иностранцев. В указанных выше договорах Россия не участвует, поскольку не подписала ни одну из Конвенций, тем самым ограничиваясь внутренним законодательством. Тем не менее данные конвенции фактически признаются страной. В связи с этим в современных условиях затруднительно ответить, сколько точно лиц без гражданства проживает на территории российского государства, поскольку существуют сведения лишь о тех лицах, которые непосредственно обратились за получением гражданства.

Помимо вышеуказанных конвенций известна и Европейская конвенция о гражданстве 1997 г., которая регулирует условия, процедуры приобретения, утраты и восстановления гражданства. Кроме того, институт гражданства также занимается обеспечением защиты прав и законных интересов граждан определенного государства. Соответственно, регламентация гражданства — это внутренний вопрос, сфера внутренней компетенции любого государства [8, с. 112]. На современном этапе правовое положение лиц без гражданства определяется внутренним законодательством того государства, в котором пребывает и проживает данная категория лиц. В России лица без гражданства приравниваются к иностранным гражданам, таким образом они наделяются теми же права и обязанностями. Зачастую «апатризм» возникает у беженцев, вынужденных покинуть родину в связи с военными действиями, вооруженными конфликтами на территории страны, гражданами которой они являлись. Согласно Указу Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 (ред. от 19.12.2018) «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища», «политическое убежище предоставляется Российской Федерацией иностранным гражданам и лицам без гражданства (далее именуются — лица) с учетом госу-

дарственных интересов Российской Федерации на основании общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Положением».

Указом Президента РФ, лицо, которому российским государством предоставлено политическое убежище, утрачивает право на предоставленное политическое убежище в случаях:

- возврата в страну своей гражданской принадлежности или страну своего обычного местожительства;
- выезда на жительство в третью страну;
- добровольного отказа от политического убежища на территории Российской Федерации;
- приобретения гражданства Российской Федерации или гражданства другой страны [9].

На наш взгляд, сегодня Россия нуждается в строгом упорядочении правового статуса лиц, проживающих на ее территории. Поэтому отсутствие гражданства на данном этапе является, скорее, исключением из правил. Нередко лица без гражданства, проживающие в России, успешно взаимодействуют с обществом, владеют государственным (русским) языком и в большинстве случаев являются соотечественниками.

Согласно мнению А. В. Бабушкина, основным источником безгражданства в РФ является несколько категорий лиц: во-первых, цыганское население и социально безответственные люди, привыкшие к низкому социальному статусу, не желающие перемен и потому не нуждающиеся в гражданстве; во-вторых, те, кто не смог доказать право на получение российского гражданства (к ним часто относятся граждане бывшего СССР, прибывшие в РФ из стран, бывших союзных, не сумевшие собрать необходимые документы); в-третьих, те, кто кому отказано в приеме по разным причинам; в-четвертых, ранее судимые иностранцы, проживающие в России [10, с. 66].

У лиц без гражданства (апатридов) отсутствует какой-либо документ, доказывающий правовую связь с иностранным государством. В связи с этим подтверждением личности этой категории лиц служат документы, выданные иностранным государством и признаваемые в соответствии с международным договором РФ. Действующее отечественное законодательство о правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства, на наш взгляд, не в полной мере участвует в международных договорах. Ввиду этого оно представляется несовершенным, поскольку в большинстве вопросов, касающихся положения иностранных граждан, Россия ограничивается лишь внутригосударственным законодательством. Лица без гражданства, находясь на территории РФ, несут перед законодательством определенные обязанности. Они обязаны уважать Конституцию РФ и соблюдать законы, действующие на территории РФ, а также не должны наносить ущерб интересам РФ, законным интересам граждан страны и иных лиц.

Наряду с правами Конституция РФ закрепляет и обязанности. Например, в обязанности каждого, кто находится на территории страны, входит сохранение природы и окружающей среды (ст. 58), забота о сохранении исторического и культурного наследия, бережное отношение к памятникам истории и культуры (ст. 44). Каждый обязан производить уплату законно установленных налогов и сборов (ст. 57), обязан сохранять природу и окружающую среду (ст. 58) и т. д.

Вместе с тем для лиц без гражданства в России предусмотрены и специальные обязанности:

1. Предоставить в орган миграционной службы сведения о получении своего статуса.

2. Своевременно оформить разрешение на временное пребывание, вид на жительство при длительном визите в страну.
3. Предоставить документ, удостоверяющий личность (при его наличии).
4. При отсутствии документов, удостоверяющих личность, оформить соответствующую справку в УФМС МВД России.

Наряду со специальными обязанностями личность, имеющая статус «апатрид», в России обязана соблюдать все обязательства перед государством, как и граждане РФ. Среди нормативных правовых актов, регулирующих права и обязанности лиц без гражданства в России, следующие:

- Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.);
- Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ;
- Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ;
- Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ.

Таким образом, права и обязанности лиц без гражданства в России регулируются действующим отечественным законодательством. Лица без гражданства, находясь на территории РФ, пользуются равными правами и свободами и несут те же обязанности, что и граждане РФ, если иное не предусмотрено российским законодательством. Лица без гражданства, как и все пребывающие на территорию страны, равны перед законом, независимо от происхождения, социального и имущественного положения.

Изучение правового положения данной категории лиц, находящихся на территории России, является актуальным вопросом, учитывая, что непрерывно нарастающие процессы глобализации в современном обществе требуют постоянного совершенствования законодательной базы на национальном и международном уровнях в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, на которых распространяются нормы национального и международного права. Поскольку положение таких субъектов права определяется как нормами международного права, так и российским законодательством, нередко возникают вопросы правового приоритета норм и их императивности. Поэтому, несмотря на приоритет норм международного права, которые, как правило, занимают наивысшую ступень в иерархии правовых норм, необходимо учитывать, что статус и положение данной категории лиц определяется таким специфическим понятием, как порядок пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, поскольку такой правовой режим регулируется совокупностью федеральных законов и подзаконных нормативных актов.

Согласно иерархии российских нормативно-правовых актов следующей по значимости после норм международного права выступает Конституция РФ, закрепляющая правило, ввиду которого нормы международного права имеют преимущественно правовой приоритет на национальном уровне. Однако в отношении лиц со специальным правовым статусом личности отечественное законодательство разработало свои действующие правовые нормы и правила, с учетом которых определяются законность и легальность нахождения лица на территории России, не являющегося ее гражданином.

Изучив и проанализировав изменения законодательства о правовом статусе иностранных граждан в нашей стране, можно выделить следующие этапы:

- 1) 1488 г. (XV–XVI вв.) — первые упоминания об иностранных гражданах (к примеру, Белозерская уставная грамота, Уставная Земская грамота, в которых закреплены нормы торговли и пошлин для «иноземцев»);

- 2) XVII в. — характеризуется закрытостью российского государства от иностранцев; следует в этот период принято Соборное уложение 1649 г., в котором закреплены положения о привлечении к ответственности иностранных граждан;
- 3) середина XVII–XVIII вв. — российское государство более открыто с иностранными государствами; утверждено положение о паспортах, Новоторговый устав; происходят реформы Петра I, издаются манифесты;
- 4) вторая половина XVIII в. — издаются манифесты, в которых закреплены основные вопросы об иностранных гражданах, происходит рост численности населения страны за счет привлечения иностранцев с целью увеличения и развития местного населения (подданных);
- 5) XIX в. — активное реформирование и совершенствование законодательства России по вопросам о положении иностранных граждан и их правовом статусе; определены основные ограничения в правах иностранцев в области торговли; подписан Указ от 7 июня 1860 г. «О правах пребывающих в России иностранцев», сформулирован манифест от 1 января 1807 г. «О дарованных российскому купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и проч.»;
- 6) 1914 и 1917 гг. — период отличается враждебностью в отношении иностранных граждан, подписан Указ от 28 июня 1914 г. «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.»;
- 7) XX в. — создан Декрет ВЦИК от 1 апреля 1918 г. «О приобретении прав российского гражданства», принята Конституция РСФСР, наделявшая иностранцев, принадлежавших к рабочему классу, политическими правами, создается Декрет Совета народных комиссаров от 22 августа 1921 г. «О принятии иностранцев в Российское гражданство», принята Конституция СССР 1936;
- 8) вторая половина XX в. — принята Конституция СССР 1977 г., издается закон «О гражданстве СССР»;
- 9) современный период — принят 28 ноября 1991 г. Закон «О гражданстве Российской Федерации», принята Конституция РФ 12 декабря 1993 г., издаются федеральные законы, а также постановления Правительства РФ.

На наш взгляд, сегодня происходит реформирование законодательства о гражданстве в целом, а также о правовом положении иностранных граждан в России, принимаются и издаются законы и подзаконные акты в данной отрасли права. Действуют Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»; статьи 8, 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Ввиду соответствующих изменений осуществляется принятие присяги гражданина России лицом, приобретающим гражданство Российской Федерации, а также установлено, что носителями русского языка будут признаваться лица, владеющие русским языком. Действуют также Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 23 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 11 октября 2018 г. № 366-ФЗ, Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в статью 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Вместе с тем ряд вопросов остаются неурегулированными:

- вопросы безопасности государств, в которых пребывают иностранные граждане;
- вопросы сокращения лиц, не имеющих гражданства;
- преступность иностранных граждан и лиц без гражданства.

Указанные вопросы требуют дальнейшего анализа, что позволит разработать наиболее эффективный правовой механизм, направленный на защиту прав и законных интересов иностранных граждан, пребывающих на территории РФ.

Кроме того, в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 упразднена Федеральная миграционная служба. Согласно положениям данного Указа, функции ФМС переданы Министерству внутренних дел РФ. Основная задача реорганизации этой ведомственной структуры заключается не в упразднении структуры, а лишь в оптимизации порядка ее работы. В настоящее время в системе МВД России продолжается процесс практического слияния направлений деятельности ФМС России. Это позволит не только сэкономить значительные средства, но и исключить дублирующие структуры, дублирование функций, сконцентрировать силы и средства в интересах главного предназначения МВД России — повышения эффективности борьбы с преступностью.

Таким образом, ввиду изложенного выше можно сделать следующие выводы. Во-первых, к особым субъектам режимов по отношению к иностранным гражданам, которые регулируются нормами международного права, относятся иностранные граждане, т. е. лица, способные участвовать в правоотношениях, а также выступать в роли носителя прав, обязанностей и в исключительных случаях нести международно-правовую ответственность. Во-вторых, государство, являясь основным субъектом международного права, наделено особенной чертой — «суверенностью», т. е. государство правомочно самостоятельно устанавливать ограничения по отношению к иностранным гражданам при помощи установления режимных правил, определяющих порядок их въезда, пребывания, проживания и последующего выезда с территории конкретной страны. Вместе с тем, если это необходимо, исходя из интересов собственной безопасности по отношению к иностранным гражданам, государство уполномочено применять меры, которые носят репрессивный характер, а также вводить определенные ограничения.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря о работе Организации. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sg/ru/annual_report (дата обращения: 03.02.2019).
2. Музыченко П. Б. Проблемы реализации государственной уголовной политики на примере уголовной ответственности иностранных граждан в Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 3. С. 3–6.
3. Бороздина М. В. Иммунитет иностранного государства и его собственности в международном частном праве. Владимир: ВИТ-принт, 2014. С. 100–105.
4. Венская конвенция «О консульских сношениях» от 24 апр. 1963 г. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64244 (дата обращения: 07.03.2019).
5. В Центральном районе значительно снизилась преступность среди иностранных граждан [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. 2017. 31 авг. URL: https://gov.spb.ru/gov/terr/reg_center/news/119065/ (дата обращения: 07.03.2019).
6. Коновалова Е. А., Байгутлина К. Ф. Вопросы гражданства в международном праве // Соотношение российского и международного права: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 34–38.
7. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 (ред. от 19.12.2018)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15237/ (дата обращения: 13.03.2019).
8. Плюгина И. В. О статусе апатридов и сокращений без гражданства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 111–117.

9. Филимонов А. Меры по борьбе с «резиновыми квартирами» и фиктивной регистрацией граждан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/522528/> (дата обращения: 27.03.2019).
10. Ванюшин Я. Л. Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации: учеб. пособие. Тюмень: ТИПК МВД России, 2015. 102 с.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-69-75

УДК 17:35

В. Ф. Антонов

Гражданские добродетели в системе государственного управления

V. F. Antonov. Civic Virtues in Public Administration

В статье рассмотрена проблема эволюции представлений о нравственной ответственности человека перед институтами государственной власти. По мнению автора, основу государственной идеологии составляют гражданские добродетели, порождающие обязанность защиты публичных интересов. Исторический опыт показывает, что государственное управление опирается на систему базовых ценностей, сформировавшихся под влиянием традиционной культуры общества, обеспечивающей исполнение законодательных предписаний. Гражданские добродетели раскрываются через призму нравственных категорий, отражающих верховенство интересов государства в различных сферах общественной жизни. Автором обоснована точка зрения о неразрывной связи гражданских добродетелей с надлежащим исполнением профессиональных функций, анализируется законодательство, регламентирующее деятельность государственных служащих.

Ключевые слова: гражданские добродетели, государство, нравственность, ценности, правовое регулирование, государственная служба.

Контактные данные: 115154, Москва, Стремянный пер., д. 36; (495) 800-12-00; kaf-upp@rea.ru.

The article deals with the evolution of ideas about the moral responsibility of a person before government institutions. According to the author, the state ideology basis consist of civil virtues generated the duty of public interests protection. Historical experience shows that the governance is based on a system of basic values, formed under the influence of the traditional society culture, ensuring the implementation of legislative regulations. Civil virtues are revealed through the prism of moral categories which reflect the supremacy of state interests in various spheres of public life. There is justified the inextricable link of civil virtues with the proper execution of the professional functions. There is analyzed the legislation which regulates the activity of government servants.

Keywords: civil virtues, government, State, morality, values, legal regulation, government service.

Contact Details: Stremyanny Lane 36, Moscow, Russian Federation, 115154; (495) 800-12-00; kaf-upp@rea.ru.

Владислав Федорович Антонов — доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук.

© Антонов В. Ф., 2019

В ранние периоды истории наиболее распространенной формой обоснования публичных обязанностей являлась идея жертвоприношения как главная составляющая религиозного культа. Анализ исторических документов показывает, что на законах о жертвоприношениях базировались социально-этические системы и законотворческая практика государств Древнего мира. Под влиянием идеи жертвоприношения формировалась система публичных обязанностей, обеспечивающих соблюдение социальных и нравственных предписаний.

Христианское учение исходило из представления о божественном происхождении власти, устанавливающей обязанность принесения символической жертвы. В подобных условиях разновидностью жертвоприношения признавались поступки человека, приближавшие его к религиозно-нравственным принципам. По утверждению Августина Блаженного, истинной жертвой бывает всякое дело, совершаемое нами из желания быть в святом общении с Богом, т. е. дело, имеющее отношение к тому окончательному благу, которым мы могли бы быть истинно блаженными. Поэтому и сам человек, посвященный и обещанный Богу, есть жертва, насколько он умирает для мира, чтобы жить для Бога [1, с. 455].

Кантовское учение о добродетелях обусловлено определенным перечнем общегражданских обязанностей. По мнению немецкого философа Канта, в условиях свободного волеизъявления человека связывает нравственный долг, являющийся мерилем совершаемых им поступков [2, с. 260]. Относительно самостоятельные элементы этого учения — добродетели, возникающие по отношению к другим людям из уважения, которое они заслуживают; долг, появляющийся у человека вследствие увеличения его морального совершенства; нравственный долг любви, рождающийся из этических обязанностей людей по отношению к другим людям; обязанности, проистекающие из гармоничного сочетания любви и уважения в дружбе.

По мысли Г. В. Ф. Гегеля, наиболее действенной гарантией существования гражданского общества служит необходимый уровень нравственности его членов. Основные явления нравственного порядка отражаются через призму добропорядочности, построенной на соответствии индивида своим обязанностям, соотносящимся с теми условиями, в которых он пребывает. Чтобы оставаться добропорядочным, человек должен исполнять нравственные обязанности общественного союза, продиктованные господствующими представлениями [3, с. 203].

В целом гегелевское учение об обязанностях отражает личностную ответственность человека, вовлеченного в систему профессиональных корпораций. В качестве нравственной настроенности в этой системе выступает профессиональная репутация, требующая, чтобы данный индивид стал посредством своей деятельности, своего прилежания и умения членом единого гражданского общества. Не являясь членом корпорации, человек лишается социальной поддержки, поскольку своей изолированностью склоняется к своекорыстному аспекту промысла.

Русский философ И. А. Ильин рассуждал о взаимообусловленности государственных и личностных интересов. По его мнению, первое, что делает человека гражданином, — государственная цель. Быть настоящим гражданином — значит испытывать тождество между интересом государства и собственным интересом, и через это признавать своим интересом — каждый духовно верный интерес каждого из своих сограждан. Принять государственную цель — значит испытывать ее как собственную, не только примириться с нею или согласиться на нее, но признать ее собственной целью и не противопоставлять ее больше своим интересам [4, с. 177].

Государственная политика дореволюционной России осуществлялась под влиянием мессианской идеи восточного христианства, олицетворявшей историческую преемственность византийской традиции. В контексте указанных воззрений го-

сударство отождествлялось с жертвенником, которому человек предоставлял наиболее ценные блага. На мировоззренческом уровне рассматриваемые идеи воплощались в религиозно-нравственном принципе «положить жизнь на алтарь Отечества», проявлявшемся в готовности человека к самоограничениям в различных сферах общественной жизни.

Идеи жертвенности прослеживались в регулировании экономических и налоговых отношений. По утверждению профессора С. И. Иловайского, граждане обязаны приносить государственные жертвы исходя из имущественного положения. При этом хозяйственные жертвы необходимо разделять на две основополагающие категории: а) жертвы, содержащие в себе элемент личного труда, а потому называемые личными повинностями; б) жертвы, заключающиеся лишь в материальных благах и называемые сборами. Последние в соответствии с предметом пожертвования могут быть вещными (или натуральными в этом смысле слова) или вещными повинностями [5, с. 11]. В дореволюционный период широкое распространение получили представления об ответственности человека перед государственными институтами власти. Исполнение обязанностей на государственной службе связывалось с этическим учением о гражданских добродетелях, побуждавших человека к служению высоким нравственным идеалам. По мнению В. И. Хвостова, любая добродетель обусловлена развитым чувством долга, который состоит в стремлении подчинить свои действия этическому идеалу. Возможно такое состояние воли, когда она добродетельна без малейшей борьбы с дурными влечениями, и долг выполняется не как нечто неприятное и тягостное, а как нечто самой собой разумеющееся [6, с. 30].

Государственная служба признавалась разновидностью общественного служения, устанавливавшей определенные требования к чиновничьему аппарату. Как правило, проявление инициативы при исполнении публичных обязанностей становилось основанием признания личностных заслуг. Табель о рангах базировался на нравственном принципе стяжания гражданской добродетели, определявшем содержание законодательных требований к чиновнику. В системе государственного управления действовали социальные лифты, стимулирующие инициативу частных лиц. Так, например, в соответствии с Жалованной грамотой дворянству 1785 г. дворянское достоинство можно было приобретать гражданскими или военными добродетелями. В указанном документе отмечалось, что «добродетель с заслугой возводит людей на степень дворянства», а проявлениями добродетели объявлялись «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю, соблюдение всех законов и обязанностей» [7, с. 13].

Государственная политика советского периода реализовывалась под влиянием коммунистической нравственности, проявлявшейся в законодательных предписаниях. В соответствии с Конституцией СССР при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны были соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества. В качестве вспомогательных источников правового регулирования выступали идеологические и партийные установки, обеспечивавшие функционирование государственного аппарата. Советская идеология ориентировалась на традиционную идею верховенства общественных интересов в различных сферах государственного управления. В системе общественного воспитания преобладала идея ответственности человека за всестороннее развитие страны и совершенство общественного строя. В партийных документах подчеркивалось, что советский человек — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры... Он воспитан партией, героической историей страны... Он живет полнокровной жизнью создателя нового мира [8, с. 85]. Моральный кодекс строителя комму-

низма предусматривал сочетание таких идеологических и нравственных качеств советского человека, как преданность делу коммунизма; любовь к социалистической Родине и к странам социализма; добросовестный труд на благо общества; высокое сознание общественного долга; нетерпимость нарушения общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству и др.

В советской литературе отмечалось, что трудовые обязанности обладают не только правовой, но и моральной ценностью, поэтому моральные категории должны характеризоваться как морально-правовые [9, с. 10]. Исполнение публичных обязанностей осуществлялось под влиянием верховенства общественных интересов. В целом государственная идеология исходила из представления о высокой идейности и сознательности советских граждан. В случае конфликта интересов наиболее значимыми признавались интересы социалистической личности, связанные с целями общества, своего коллектива, семьи и только в последнюю очередь — с индивидуальными потребностями и наслаждениями [10, с. 12].

В настоящее время государственное управление претерпевает существенные изменения. В основу современных экономических систем положены принципы взаимной ответственности субъектов, вовлеченных в атмосферу социальных коммуникаций. По мнению американского социолога Ф. Фукуямы, социальные добродетели участвуют в формировании социального капитала, являющегося фундаментом экономического процветания общества. При этом приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения его в рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность [11, с. 53]. В большинстве государств либеральная идеология сегодня применяется в сочетании с властными предписаниями, с учетом которых осуществляется государственное принуждение. В подобных условиях приоритетной задачей государственных органов власти является формирование функциональной системы ценностных регуляторов, определяющих реализацию ведущих направлений государственной политики.

Конституции некоторых государств устанавливают ряд требований к лицам, выполняющим публичные функции. Так, в соответствии с Конституцией ФРГ осуществление властных полномочий в виде постоянной задачи должно поручаться лицам, состоящим на государственной службе, связанным узами публично-правовых отношений службы и верности (ст. 33). Согласно Конституции Греции, государство вправе требовать от всех граждан выполнения долга общественной и национальной солидарности (ст. 25). Итальянская Конституция исходит из того, что граждане, которым доверены государственные функции, обязаны выполнять их дисциплинированно и достойно, принося присягу в случаях, установленных законом (ст. 54).

Итак, гражданские добродетели проявляются в обязанности совершения действий, обеспечивающих поддержание государственной власти. Принцип взаимной ответственности государства и личности означает, что граждане обязаны подчиниться установленным требованиям в определенных сферах общественной жизни. Важнейшим условием соблюдения данного принципа является то обстоятельство, что государство рассчитывает на граждан, активно участвующих в реализации основных направлений государственной политики. В свою очередь гражданин находится под защитой и покровительством государства при осуществлении социально значимых функций. Международно-правовые конвенции исходят из предположения о том, что каждое лицо имеет обязанности перед обще-

ством, в котором только и возможно свободное, полное развитие его личности [12]. В соответствии с преамбулой к Пакту о гражданских и политических правах каждый человек имеет обязанности в отношении других людей и коллектива, к которому он принадлежит [13]. Таким образом, выполняя социально значимые функции, каждое лицо обязано руководствоваться идеей долга и ответственности перед социальными институтами.

Как правило, данная обязанность находит отражение в совершенствовании профессиональных навыков, обеспечивающих удовлетворение общественных потребностей максимально эффективными способами. По мнению Л. Дюги, всякий человек должен выполнять некоторую социальную функцию, вследствие чего насколько возможно развивать физические и духовные силы, необходимые для наилучшего выполнения этой функции. Он не вправе оставаться пассивным и ничего не делать [14, с. 75].

Вместе с тем в условиях рыночной экономики социальная активность личности обеспечивается материальным стимулированием. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что современная западная цивилизация постепенно утрачивает ощущение ценности социальных и нравственных идеалов, в основе которых лежит жертвенность. В обществе, где все необходимое и желаемое можно купить, казалось бы, никому никакие жертвы не нужны; системы массовых коммуникаций с предоставлением взаимных услуг действуют рутинно и буднично, без каких-либо благородных позывов и сердечного участия. Неудивительно, что люди сегодня перестали ценить жертву, уважать жертвователя, а проблематика жертвенности перемещается в область возможностей быть объектом насильственных действий [15, с. 52].

Гражданские добродетели выражены в различных формах гражданской активности, направленной на поддержание механизмов государственного управления и соответствующих институтов гражданского общества. Гражданские добродетели подразумевают готовность к отстаиванию демократических ценностей, закрепляемых на уровне Конституции, федеральных законов и иных нормативных актов. В демократическом обществе гражданская активность личности проявляется в оказании содействия государственным органам власти, отстаивании гражданской позиции по различным вопросам общественной жизни (например, посредством участия в политических акциях).

Социологические исследования показывают, что фундаментом экономики служит нравственная настроенность индивидуума на осуществление профессиональных функций. Подобные выводы обусловлены тем, что деятельность человека приобретает социально-этическую направленность, когда обеспечивает удовлетворение социальных потребностей. Нравственные аспекты профессиональной деятельности зиждутся на понимании ее значимости в сложившейся системе общественного разделения труда и восприятии ее как социально значимой функции. Гражданское общество характеризуется устойчивой системой демократических ценностей. Современные демократические институты ориентируются на граждан с активной жизненной позицией, стремящихся к отстаиванию традиционных ценностей (свободы, равенства перед законом и пр.). Следовательно, декларативные нормы, содержащиеся в демократических конституциях, направлены на стимулирование гражданской активности населения, обеспечивающей реализацию государственной политики.

С усвоением общепринятых ценностей формируются представления о социально одобряемом и порицаемом поведении, определяющие основания применения мер государственного принуждения. В большинстве случаев основанием юридической ответственности признаются выводы о противопоставлении личных

интересов фундаментальным ценностям общества. Подобные ситуации характеризуются тем, что меры государственного принуждения — применяются при нравственной деформации личности, проявляющейся в тех или иных формах противоправного поведения. В современных условиях гражданские добродетели представлены в социально-этических предписаниях. Ввиду соответствующих представлений разрабатываются нормативные акты, устанавливающие обязанности государственных служащих. Такая практика объясняется тем, что деятельность государственных органов власти направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности.

С учетом требований законодательства государственный служащий обязан исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне; исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл, содержание его профессиональной служебной деятельности; осуществлять профессиональную служебную деятельность в рамках установленной законодательством Российской Федерации компетенции государственного органа и пр. [16]. Государственная служба регулируется не только правовыми, но и морально-этическими нормами, предполагающими наличие доверия к государственному служащему. Отсутствие этого доверия является негативным фактором, препятствующим установлению нормальных отношений в указанной сфере. В соответствии с законодательством утрата доверия к лицу, выполняющему управленческие функции, считается основанием прекращения его полномочий.

Ключевые требования к лицам, состоящим на государственной службе, содержатся в этическом кодексе государственных служащих, составленном на базе законодательных предписаний. Согласно указанному документу в служебном поведении государственный (муниципальный) служащий должен воздерживаться от грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений и т. п. Государственные (муниципальные) служащие должны быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными, проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами [17].

Таким образом, государственное управление опирается на систему базовых ценностей, сформировавшихся под влиянием традиционной культуры общества, обеспечивающей исполнение нормативных предписаний. Система государственной власти базируется на соблюдении национальных и культурных традиций, проявляющихся в тех или иных сферах законодательного регулирования. В подобных условиях правовое воздействие происходит на основании ценностных регуляторов, определяющих ведущие направления государственной политики в целом.

Литература

1. *Августин Блаженный*. О граде Божием. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. *Кант И.* Метафизика нравов. М.: Мир книги. Литература, 2007. 399 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 398 с.
5. *Иловайский С. И.* Учебник финансового права. Одесса, 1912. 604 с.
6. *Хвостов В. М.* Общая теория права: элементарный очерк. М.: Либроком, 2011. 149 с.
7. Законодательство императрицы Екатерины II. 1783—1796 гг. / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 272 с.
8. *Брежнев Л. И.* Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внешней и внутренней политики. 23 февраля 1981. М.: Политиздат, 1981. 191 с.

9. *Ойгензихт В. А.* Мораль и право. Взаимодействие. Регулирование. Поступок. Душанбе: Ирфон, 1987. 156 с.
10. *Якубсон Я. Г.* Конституция СССР и моральная ответственность личности. М.: Знание, 1980. 63 с.
11. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008. 730 с.
12. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 23.05.2019).
13. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 23.05.2019).
14. *Канторович Я. А.* Основные идеи гражданского права. М.: Центр ЮрИнфоР-МГУ, 2009. 502 с.
15. *Мальцев Г. В.* Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 735 с.
16. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 23.05.2019).
17. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113505/ (дата обращения: 23.05.2019).

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-75-80

УДК 347.775

А. Б. Черных

Проблемы юрисдикционной защиты прав на коммерческую тайну

***A. B. Chernykh. Problems of Jurisdictional Protection of Rights
to Commercial Secret***

При нарушении права на коммерческую тайну и возникновении необходимости юрисдикционной защиты конфиденциальной информации предприятия правообладатели сталкиваются с проблемами правового характера и коммерческими рисками. Автор обобщена и систематизирована соответствующая практика судов общей юрисдикции, а также дана оценка эффективности применения юрисдикционных способов защиты коммерческой тайны.

In case of violation of the right to trade secrets and the need for jurisdictional protection of confidential information of the enterprise, copyright holders face a number of legal problems and a number of commercial risks. The author makes an attempt to generalize and systematize the practice of courts of general jurisdiction on the described problems and assesses the effectiveness of the application of jurisdictional methods of protecting trade secrets.

Антонина Борисовна Черных — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Черных А. Б., 2019.

Ключевые слова: коммерческая тайна, защита права на коммерческую тайну в суде, правообладатели интеллектуальной собственности, проблемы и риски юрисдикционной защиты промышленной интеллектуальной собственности, защита права интеллектуальной собственности.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 313-02-40; antonina_komar@mail.ru.

Keywords: trade secret, protection of the right to trade secret in court, intellectual property owners, problems and risks of jurisdictional protection of industrial intellectual property, protection of intellectual property rights.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 313-02-40; antonina_komar@mail.ru.

В рамках юрисдикционного способа защиты для правообладателя промышленной интеллектуальной собственности существует два направления действий: во-первых, юрисдикционная процедура в административном порядке — через обращение в порядке подчинения с обжалованием в вышестоящий орган либо в специально уполномоченные органы; во-вторых, — защита прав путем обращения с исковым заявлением в суд и возбуждения гражданско-правового или уголовно-правового судопроизводства. Поскольку вопросы коммерческой тайны всегда связаны с хозяйственной и предпринимательской деятельностью правообладателя, а правообладатель, как правило, является юридическим лицом, большинство подобных исков относится к компетенции арбитражных судов.

В рамках юрисдикционного метода защиты прав можно выделить основную проблемную область — это ограничение механизмов защиты в связи с невозможностью либо нежеланием правообладателя раскрывать суть составляющей коммерческую тайну информации в рамках судебного процесса, обремененного известной степенью закрепленных в законе требований к гласности. В этих условиях законодательно закрепленной гласности судебного процесса рассмотрение соответствующего дела может привести к раскрытию секретности информации. В процессе промышленного развития и усложнения коммерческих отношений подобные претензии правообладателей станут еще острее, так как в судебное заседание, помимо составления протокола, вносится и обязательное ведение аудиозаписи, отсутствие которой будет являться безусловным основанием для отмены судебного решения [1]. В подобной ситуации предприниматели не могут не учитывать риски разглашения информации, составляющей коммерческую тайну.

В данном случае речь идет не о вопросе доверия к судам и государственной власти, а лишь о режиме конфиденциальности в рамках гласного и транспарентного судебного заседания. Так, в части 7 ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) и ч. 7 ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ аудиозапись получила свою конкретную регламентацию. Законодателем закреплено, что лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Кроме того, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ из ч. 5 ст. 241 «Гласность» Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ исключены слова, устанавливающие согласие сторон для применения аудиозаписи. Следовательно, законодатель встал на позицию невозможности создания с применением диктофона каких-либо помех порядку судебного заседания. Данный факт доказывает статистика обзоров судебной практики в исследуемой области: например, в 2017 г. вынесено лишь 16 приговоров по делам, предусмотренным ст. 183 Уголовного кодекса (УК) РФ.

Предприниматели, обладающие правами на коммерческую тайну, опасаются судебных разбирательств, справедливо полагая, что предъявление иска являет-

ся достаточно эффективным способом вынудить правообладателя раскрыть свою конфиденциальную информацию. Подтверждение этому — примеры, доказанные судебной практикой. В случае отказа правообладателя раскрывать суть информации, составляющей коммерческую тайну, суд, скорее всего, обратится к прецеденту, закрепленному в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа (ФАС СЗО) от 25 октября 2013 г. № А56-15747/2013 [2], основываясь на положении о том, что, согласно законодательству, в отношении документов, подлежащих контролю со стороны государственных контрольных органов, не может быть установлен гриф «Коммерческая тайна». Если рассматривать дальнейшие возможные действия суда, то существует большая вероятность того, что в отношении предпринимателя, отказавшегося оглашать суть спорной информации, будут применены штрафные санкции в соответствии со ст. 66, 119 АПК РФ [3], поскольку определение суда подлежит исполнению вне зависимости от мнения лица, у которого истребованы доказательства обоснованности требований истца и правомерности изменения исковых требований, как указал ФАС СЗО в постановлении от 27 февраля 2012 г. по делу № А05-5400/2011 [4]. Другой не менее актуальной проблемой, на наш взгляд, является практическая неосуществимость юрисдикционной защиты прав правообладателя на коммерческую тайну в рамках трудовых отношений, где возможно привлечение виновных только к дисциплинарной ответственности, но не предусмотрено возмещение нанесенного ущерба со стороны наемного персонала правообладателя. Кроме того, не предусмотрены и санкции при самостоятельном использовании конфиденциальной информации, принадлежащей работодателю, работником в целях собственной коммерческой деятельности [5]. В связи с этим нельзя не вспомнить о п. 7 ст. 243 Трудового кодекса (ТК) РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [6], где основанием, позволяющим привлечь наемного служащего к ответственности, является только разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну его работодателя. Однако не сказано о возможном самостоятельном использовании такой информации работником с целью личного обогащения.

В то же время в ст. 238 ТК РФ прямо указано на тот факт, что работник обязан возместить работодателю прямой действительный ущерб, а недополученные доходы и упущенная выгода возмещению не подлежат. Вместе с тем понятие «ущерб» не равнозначно понятию «убытки». Реальный или прямой действительный ущерб — лишь часть понесенных правообладателем убытков, которая не включает в себя упущенную выгоду. Это, по нашему мнению, противоречит п. 2 ст. 3 Закона «О коммерческой тайне». Закон гласит, что «информация, составляющая коммерческую тайну, — сведения <...>, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам <...>». С учетом приведенного толкования и значимости коммерческой тайны становится непонятно, на каком основании Трудовой кодекс РФ (ст. 238) исключает упущенную выгоду из объема возмещаемых убытков, особенно в случаях, когда наемный работник, имея статус индивидуального предпринимателя, использует коммерческую тайну работодателя в целях собственного обогащения [5]. Смещение и слияние гражданско-правовых и трудовых отношений в рамках многопланового коммерческого взаимодействия различных субъектов на рынке — это еще одна проблема юрисдикционной защиты прав правообладателя коммерческой тайны. В подобных случаях взыскать с работника причиненный его действиями ущерб не представляется возможным, поскольку ТК РФ предоставляет возможность недобросовестным субъектам злоупотреблять своими правами наемного работника, предотвращая тем самым последствия своих противоправных действий.

Еще одна проблема — противоречивое понимание и, соответственно, правоприменение судами одних и тех же норм законодательства. Юрисдикционная защита прав на коммерческую тайну осложняется не только противоречивым мнением суда и сторон о том, какие сведения можно относить к коммерческой тайне [7], но и отсутствием единого понимания судами состава сведений коммерческой тайны. Например, очевидно противоречие решений, вынесенных в разное время судами общей юрисдикции и арбитражными судами. В частности, постановление от 10 июля 2012 г. по делу № А57–11021\2011 Арбитражного суда Поволжского округа [8] не относит клиентскую базу к сведениям, могущим составлять коммерческую тайну предпринимателя. В противовес этому постановлению в практике существует приговор мирового судьи судебного участка № 4 города Каменска-Уральского Красногорского района, которым сотрудник страховой компании признан виновным по ч. 2 ст. 183 УК РФ за использование клиентской базы работодателя без согласия владельца [9].

Сравнивая практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции по делам о разглашении и ином незаконном использовании информации, составляющей коммерческую тайну, необходимо отметить следующее. Во-первых, основываясь на заложенных в гражданском судопроизводстве принципах диспозитивности и состязательности процесса, при обобщении практики обращений правообладателей к юрисдикционному способу защиты своих прав на коммерческую тайну, следует сделать вывод о том, что существует перевес возможностей доказывания. Ответчику приходится доказывать только два аспекта. Суть первого заключается в том, что спорная информация не может составлять коммерческую тайну на законных основаниях либо относится к общедоступной. Сущность второго распространенного положения доказывания состоит в том, что якобы информация получена законно. Например, материальные носители не промаркированы правообладателем как содержащие коммерческую тайну, правообладатель не установил режим коммерческой тайны, и ответчик не мог знать, что данная информация является конфиденциальной.

Вместе с тем со стороны истца требуется доказать гораздо больше критериев и требования к доказательной базе достаточно высоки. В частности, следует доказать, что присутствовал факт разглашения конфиденциальной информации и/или использования ее. Понятно, что ответчик не склонен признавать вину и доказать факт, что источником распространения информации был именно ответчик, достаточно сложно [10], о чем свидетельствует содержание постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2013 г. № 09АП-798413, постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2014 г. № 17АП-16846/13, постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 15 марта 2016 г. № 01АП-502/16. Истцу следует доказывать, что правообладатель установил у себя режим конфиденциальной информации в достаточном объеме с соблюдением всех мер и технического и организационного характера, т. е. с выполнением полного спектра требований Закона «О коммерческой тайне». Например, основанием для отказа в защите прав могут служить следующие обстоятельства: отсутствие маркировки или грифа «Коммерческая тайна» на документе, неознакомление ответчика под роспись с локальным актом, касающимся режима коммерческой тайны или перечнем информации, отнесенной к коммерческой тайне и др. [10], что находит отражение в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июля 2015 г. № 13АП-10951/15.

Во-вторых, по результатам применения юрисдикционного метода защиты своих прав правообладателю в рамках действующего законодательства невозможно получить соотносимую компенсацию понесенного им ущерба при разглашении

либо ином незаконном использовании злоумышленником его коммерческой тайны. В частности, если причинен ущерб, то истцу необходимо доказывать и факт, и размер ущерба, а также причинно-следственную связь между убытками и фактом разглашения информации. К тому же судами, как правило, принимается к рассмотрению только прямой имущественный вред, который чаще всего равен цене материального носителя, содержащего охраняемую информацию. Понятно, что убытки, понесенные правообладателем, не могут равняться только цене материального носителя, которая нередко является ничтожной по сравнению с размером упущенной выгоды и потерей деловой репутации. Именно поэтому правообладатели не стремятся обращаться к юрисдикционному способу защиты прав.

Систематизируя практику судов общей юрисдикции, нельзя не заметить наличие более благоприятных решений для правообладателей коммерческой тайны. Достаточно обратиться к содержанию постановления Мосгорсуда от 5 декабря 2013 г. № 4у-9352/13 [11], где суд постановил, что при наличии других мер режима коммерческой тайны отсутствие грифа «Коммерческая тайна» на материальных носителях не является показателем того, что указанный режим не был установлен. Не менее интересно в данном аспекте решение Ворошиловского районного суда города Ростова-на-Дону от 2 октября 2012 г. № 2-2079/2012 [12]. В данном случае суд постановил, что информация, имеющаяся в свободном доступе, но отобранная, систематизированная и скомпонованная особым образом может составлять коммерческую тайну. Этот прецедент, как нам кажется, может служить основанием для отнесения к коммерческой тайне клиентских, товарных и иных видов информационных баз [13].

Решения, которые принимаются судом в случае положительного для правообладателя исхода, чаще всего содержат положения о том, что использование коммерческой тайны другого лица без согласия на то правообладателя пресечено, а правообладателю выплачивают материальную компенсацию в размере доказанного в процессе судебного разбирательства ущерба. Часто суд обязывает ответчика уничтожить все материальные носители, содержащие конфиденциальную информацию, права на которую принадлежат другому лицу, что позволяет в большинстве случаев предотвратить ее распространение в дальнейшем. Если правонарушение не привело к полному прекращению нарушенного права и реальная возможность ликвидации всех последствий нарушения еще имеется, возможно вынесение решения о реституции, т. е. приведении положения к существовавшему до факта нарушения и возвращении прежних прав и преимуществ, запрете на использование и распространение информации, составляющей коммерческую тайну истца. Например, в случае хищения документов лицо, похитившее их, обяжут возвратить документы, уничтожить все копии и не использовать, не распространять информацию, содержащуюся в них.

В процессе анализа достоинств и недостатков известных методов неюрисдикционной и юрисдикционной защиты прав на коммерческую тайну, а также на основе анализа имеющейся судебной практики в рассматриваемой области целесообразен вывод о том, что предприниматели, обладающие правами на коммерческую тайну, опасаются судебных разбирательств, справедливо полагая, что предъявление иска — достаточно эффективный способ вынудить правообладателя раскрыть конфиденциальную информацию. Кроме того, основываясь на заложенных в гражданском судопроизводстве принципах диспозитивности и состязательности процесса, при обобщении практики обращений правообладателей к юрисдикционному способу защиты своих прав на коммерческую тайну можно заключить, во-первых, что существует перевес возможностей доказывания. Во-вторых, по результатам применения юрисдикционного метода защиты своих

прав правообладателю в рамках действующего законодательства невозможно получить соотносимую компенсацию понесенного им ущерба в случае разглашения либо иного незаконного использования злоумышленником его коммерческой тайны. Ввиду вышеизложенного полагаем, что проблема регулирования гражданско-правовых отношений, связанных с реализацией прав субъектов на коммерческую тайну в рамках трудовых отношений, остается достаточно острой и требует правового регулирования, а законодательство нуждается в совершенствовании.

Литература

1. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 окт. 2017 г. № 30. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=514623#0016244246390070716> (дата обращения: 12.06.2019).
2. О признании незаконными действий Комитета по строительству по проведению плановой выездной проверки соблюдения ЖСК требований закона в области долевого строительства [Электронный ресурс]: постановление ФАС Северо-Западного округа от 25 окт. 2013 г. по делу № А56-15747/2013. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gyUrdKUS6HYK/> (дата обращения: 12.06.2019).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 12.06.2019).
4. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 марта 2013 г. по делу № А05-5400/2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=144275#06851549367626846> (дата обращения: 12.06.2019).
5. Семенова Д. Г. Привлечение работников к ответственности за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну // Современное общество и власть. 2015. № 1 (3). С. 82–87.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197 — ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.
7. Бабенко О. И. К вопросу о защите информации, составляющей коммерческую тайну: проблемы судебной практики // Экономика, социология и право. 2014. № 1. С. 147–152.
8. О взыскании упущенной выгоды [Электронный ресурс]: постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 10 июля 2012 г. по делу № А57-11021/2011. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=102983#020651551439806592> (дата обращения: 12.06.2019).
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Красногорского района г. Каменска-Уральского Свердловской области по уголовному делу по обвинению гр. Н. по ч. 2 ст. 183 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: http://krasnogorsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=7 (дата обращения: 17.04.2019).
10. Судебная практика — разглашение коммерческой тайны [Электронный ресурс] // RusЮрист: онлайн-журнал для юристов. 2016. 19 окт. URL: https://rusjurist.ru/tajna/kommercheskaya_tajna/sudebnaya_praktika_razglashenie_kommercheskoj_tajny/ (дата обращения: 17.04.2019).
11. Постановление Московского городского суда от 5 дек. 2013 г. № 4у-9352/13 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/119285601/> (дата обращения: 12.06.2019).
12. Решение Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 2 окт. 2012 г. по делу № 2-2079/2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/103482232/> (дата обращения: 12.06.2019).
13. Черных А. Б. Общие подходы к построению систем защиты конфиденциальной информации на предприятиях // Глаголь правосудия. 2015. № 1 (9). С. 44–46.

Е. Ю. Одинокова, Е. А. Зорина**Сущность правоприменительной деятельности
органов исполнительной власти****Е. Yu. Odinokova, E. A. Zorina. The Essence of the Enforcement
of Executive Bodies**

Авторами проанализированы мнения ученых о сущности правоприменительной деятельности. Раскрыта роль органов исполнительной власти как субъектов правореализации. Рассмотрен также вопрос о правовом закреплении принципа законности — основного принципа, сопровождающего правоприменительную деятельность.

Ключевые слова: правоприменительная деятельность, законность, органы исполнительной власти, принципы и нормы права, реализация норм права.

Контактные данные: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; zorina_lena@mail.ru.

The article contains an analysis of the opinions of scientists about the nature of law enforcement. The role of the executive authorities as subjects of provo-realization is revealed. The author studies the legal consolidation of the principle of legality as the main principle accompanying law enforcement activity.

Keywords: law enforcement, legality, executive body, principles and rules of law, implementation of the law.

Contact Details: Moskovskiy Ave 149, St. Petersburg, Russian Federation, 196105; (812) 369-96-37; zorina_lena@mail.ru.

В настоящее время проблемные вопросы, связанные с определением понятия «применение норм права», представляют особый интерес в научных кругах, который стал проявляться практически одновременно с возникновением понятий государства и права. Применение норм права выступает не просто как одна из составляющих общего процесса, а как связующее звено в преобразовании буквы закона в практического контролера жизни людей, общества и государства. Правоприменение — часть реализации норм права, которой издавна придавали большое значение, аргументируя, что «бездействующий закон хуже отсутствующего».

В знаменитом труде «О духе законов» французский мыслитель Шарль Луи Монтескье увековечил фразу: «Когда я отправляюсь в ту или иную страну, я интересуюсь не тем, хороши ли там законы, а тем, как они соблюдаются, ибо хорошие законы встречаются везде» [1, с. 318]. С этим высказыванием нельзя не согласиться, поскольку, отражая социальную сущность, закон должен на практике проявлять себя как одно из средств обеспечения соблюдения прав и свобод граждан, как контролер в системе взаимоотношений человек–общество–государство.

Елена Юрьевна Одинокова — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, кандидат педагогических наук.

Елена Андреевна Зорина — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, кандидат юридических наук, доцент.

© Одинокова Е. Ю., Зорина А. Е., 2019

Определение сущности правоприменительной деятельности в современной правовой науке, на наш взгляд, строится на трех важных аспектах:

- 1) научно-теоретическое понимание правоприменения и его соотношение с реализацией норм права в целом;
- 2) определение субъектов правоприменительной деятельности, их статуса и компетенции;
- 3) анализ принципа законности в процессе правоприменительной деятельности.

Обоснование анализируемого понятия с позиций научных исследователей действительно способствует пониманию сущности правоприменительной деятельности. Так, например, Л. Н. Завадская рассматривает проблему определения исследуемого понятия, используя эмпирический метод. Она отмечает, что в юридической науке проблема реализации права характеризуется как претворение на практике нормативно-властных предписаний, осуществляющихся в правомерных действиях различных субъектов, либо в деятельности правоприменительных органов. Особое внимание автор уделяет вопросу о переводе права в другое качество — законодательное установление, в модель, способную исключить возможность неправомерного, неконтролируемого обществом ограничения прав и свобод человека и гражданина, возложения обременений на общество и государство [2, с. 134]. Интерес представляет и мнение Ю. С. Решетова, изучившего понятие реализации права. В его работе «Характерные черты реализации права» раскрывается понятие сущности реализации права с помощью исследования ряда ее характеристик, отражен системный анализ реализации права. В целях достижения поставленной перед собой цели наиболее полного рассмотрения черт реализации права, он определяет ее как процесс, являющийся воплощением в жизнь социальной воли, выраженной в виде общеобязательных государственно-властных велений, а предназначение права — быть регулятором общественных отношений.

В настоящее время реализация права не локализуется в одной из сфер жизни общества, а предстает сложным и многогранным процессом, охватывающим различные горизонтальные и вертикальные отношения общества, государства и правоотношений между ними. Для углубленного изучения реализации права в интересующем нас аспекте обратимся к уровневому подходу, позволяющему определить место процедурно-процессуальной юридической деятельности в правоприменении. Благодаря своему исследованию, Ю. С. Решетов становится основоположником нового направления изучения реализации права, основой которого выступает системный подход, формирующийся в процессе социального развития [3, с. 152].

Следующим автором, отразившим проблему реализации права, стал заслуженный деятель науки А. С. Пиголкин. Теоретик начинает говорить об исследуемом понятии через призму общественных отношений, т. е. через взаимодействие участников общественных отношений и законодателя. Раскрывая характеристики правоприменения, автор сравнивает и фактически ставит знак равенства между реализацией права и применением права. Позднее к данному мнению присоединяются и другие ученые. Ведь реализация права подразумевает использование тех или иных средств, инструментов для претворения в жизнь, а они в свою очередь наиболее полно представлены при рассмотрении понятия правоприменения [4, с. 395]. Противоположного мнения о равенстве между терминами «правоприменение» и «правоприменение» придерживается В. В. Оксамытный и также уделяет внимание понятию реализации права. Он исследует вопрос о значении практической составляющей понятия права, которое реализуется только при во-

плотении юридических правил в правомерном поведении субъектов права. В этот момент происходит выявление правомерного или, наоборот, противоправного поведения с последующим наступлением юридической ответственности. Но это не произойдет без процесса правореализации. Исходя из представленных выше аргументов, можно утверждать, что реализация права — это процесс и последующий результат воплощения правовых предписаний в юридически значимом поведении субъектов правоотношений. Реализация права выражается в деятельности органов публичной власти, должностных лиц, граждан и их объединений, в правотворчестве и правоприменении, правозащите, правоохране, иных юридических процессах. Термин «применение права» В. В. Оксамытный описывает как властную деятельность полномочных органов по реализации норм права путем конкретизации общих предписаний для определенной жизненной ситуации и вынесения акта применения (индивидуального правового акта). Тем самым автор не ставит знак равенства между терминами «правореализация» и «правоприменение», а наряду с другими авторами трактует взаимосвязь между ними как «теоретико-практическое понятие» и «практическая часть» этого понятия [5, с. 348].

В. В. Лазарев в своем научном труде также представляет понятие реализации права, но, с одной стороны, в качестве средства достижения цивилизованного правопорядка, а с другой — как одно из средств, применяемых в законодательной деятельности. Он толкует понятие действия права, его информационное, целостное, мотивационное, непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц. В. В. Лазарев рассматривает реализацию права совместно с воплощением в жизнь принципов и норм права в совокупности, реализуемых в действиях субъектов социального сообщества. Его ключевой мыслью можно назвать проблему реализации права, описанную в двух аспектах: неукоснительное соблюдение норм права должностными лицами, органами государства и воплощение норм права, следование им в поступках граждан, в обеспечении деятельности организаций. Главная цель, объединяющая данные направления рассмотрения правореализации, — правопорядок в обществе. В. В. Лазарев охарактеризовал реализацию норм права и как процесс, т. е. с объективной и субъективной точек зрения. Объективная сторона наполнена совершением определенных действий, закрепленных в нормах права. Отношение субъекта к предусмотренным правовым требованиям по результату совершения предусмотренных действий наполняет субъективную сторону реализации норм права. Далее автор подходит к исследованию понятия правоприменения как особой формы реализации права. В его интерпретации правоприменение — это основанная на законе, властная, организующая деятельность компетентных органов и лиц, нацеленная на содействие адресатам норм права при реализации, принадлежащих им прав и обязанностей, а также исполнение контрольной функции за данным процессом. Тем самым исследователь стал одним из первых, кто характеризует понятие правоприменения как инструмента надзора за исполнением и соблюдением норм права со стороны субъектов права [6].

Подобной позиции, основанной на представлении реализации норм права посредством взаимоотношений, придерживался и В. С. Нерсисянц. Ученый полагал, что правореализация — это претворение определенных требований с помощью соответствующих форм поведения субъектов права, обусловленных характером правовых норм. Этот автор отмечает, что данный процесс обязан быть наделенным правовым характером, а совокупность действий и взаимоотношений субъектов правореализации воплощена в нормативной форме, выражающейся в

правоотношениях [7]. Важно подчеркнуть, что А. Б. Венгеров, рассматривая тему правовых отношений, писал о претворении права в жизнь. В этом явлении он выделял два значимых аспекта — юридический (формирование субъективных прав субъекта, юридических обязанностей) и социальный (представленный реализацией права субъектом), т. е. описывал взаимосвязь понятий реализация права и взаимоотношения субъектов права, делая акцент на практической составляющей [8, с. 261]. Немало ученых и науковедов отмечали значимость именно практической составляющей понятия реализации норм права. Яркими представителями этой позиции, помимо А. В. Венгерова, являются В. Н. Протасов и Л. С. Явич [9, с. 200].

Первый исследовал реализацию права как процесс преобразования явления в другую ипостась, перевод правовых норм в иную реальность, иное качество — качество правомерного поведения. В. Н. Протасов писал и о социальной сущности реализации права, где важное значение имеет не только деятельность субъектов, но и факт достижения требуемого социального результата. Он объясняет сущность словосочетания «реализация права» как процесс, который должен производиться правомерным путем с целью влияния на право. Л. С. Явич считал, что нельзя говорить о существовании права, если хоть некоторые из его положений не находят реализации в процессе деятельности людей и организаций, общества и государства в целом. Отвлечясь от механизма реализации права — значит не понять его.

Собственное мнение об исследуемом объекте высказывали и правоведы-гиганты советской, российской школы права Н. И. Матузов и А. В. Малько. Цели создания и существования понятия «право» ученые предлагают понимать как практические возможности его претворения в жизнь. Без реализации на практике этот институт, скорее всего, не имел бы смысла. Эти авторы трактуют понятие реализации права как процесс воплощения юридических предписаний в правомерных действиях граждан, органов, организаций, учреждений и должностных лиц, а также всех иных участников общественных отношений [10, с. 245].

Итак, можно констатировать, что вне деятельности человека правореализация просто немыслима. Поэтому авторы уделяют особое внимание целенаправленной организаторской деятельности субъектов права при формировании и жизнедеятельности понятия «реализация права». Исследователи приводят в качестве доказательства своей позиции об актуальности проблемы реализации права состояние действующего отечественного законодательства, наличие большого количества «нужных и важных» законов, указов, иных нормативных правовых актов и отсутствие их реализации на практике. Иными словами, они плохо и неэффективно работают, а в ряде случаев, не действуют вовсе. Несоблюдение законов вызвано общественными кризисами, низкой планкой правовой культуры, правовым нигилизмом, нестабильностью, другими факторами. Но важнейшее значение авторы придают такому социально-политическому аспекту, как полнота и адекватность выражения воли и потребности людей. Чем выше данный параметр, тем выше легитимность права в целом. Ввиду этого можно предложить общее определение реализации права как трансформации заложенных в юридических нормах требований о правомерном поведении субъектов. Причем оно происходит как в добровольной форме, так и может совершаться под угрозой применения санкций.

Правореализация должна служить основным государственно-властным, наиболее эффективным регулятором общественных отношений, выполнять присущие этому институту функции и оправдывать свое социальное назначение. Независимо от выбранного подхода, необходимо охарактеризовать виды правоприменительной деятельности. Первый — оперативно-исполнительная деятельность —

направлен, как правило, на реализацию собственных полномочий (например, прием на работу администрацией учреждения, регистрация актов гражданского состояния в органах ЗАГС), т. е. происходит организация исполнения велений права и позитивное регулирование с помощью актов индивидуального применения. Второй вид — правоохранительная деятельность (например, МВД России), направленная на охрану норм права от различных правонарушений, включающая в себя контроль над соответствием деятельности субъектов юридическим предписаниям и над применением государственного принуждения к правонарушителям.

Важной составляющей в обеспечении деятельности и функционировании государства выступает система органов исполнительной власти, которые и осуществляют правоприменительную деятельность, обладая соответствующим статусом и имея определенные границы компетенции. Органы исполнительной власти РФ, формируют исполнительную ветвь власти и не могут функционировать без собственной правовой базы, которая будет определять их компетенцию и регулировать их деятельность. Без юридической основы невозможно эффективное выполнение поставленных перед этими органами задач. Правоприменительная деятельность органов исполнительной власти предусматривает, с одной стороны, нормативную правовую базу их деятельности, определяющей их статус, границы компетенции, задачи и функции, с другой — связана с системой нормативных правовых актов, которые должны соблюдаться всеми органами исполнительной власти с целью реализации принципа законности.

В контексте анализа нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность исполнительных органов власти, обратимся к их системе (иерархии), представленной в ст. 76 Конституции РФ [11]. Иерархия нормативно-правовых актов в России выглядит следующим образом:

- международные договоры, которые в установленном порядке ратифицированы Федеральным собранием РФ;
- Конституция РФ как высший нормативный акт в государстве, основа для всех нижестоящих;
- федеральные конституционные законы — нормативные правовые акты, посредством которых регулируются вопросы, названные в Конституции РФ и относящиеся к исключительному ведению России;
- федеральные законы — основной вид нормативного правового акта, применяемый в России с целью регулирования каких-либо вопросов на территории всей страны;
- указы Президента РФ — нормативные правовые акты, издаваемые Президентом и действующие на территории страны с целью регулирования вопросов внешней и внутренней политики государства;
- распоряжения Правительства РФ — нормативные правовые акты, издаваемые Правительством страны с целью регулирования деятельности органов исполнительной власти и подконтрольных им агентств и служб;
- нормативные правовые акты субъектов РФ — акты, издаваемые органами государственной власти субъектов страны, действующие и регулирующие вопросы только на территории определенного субъекта;
- локальные нормативные правовые акты — акты, издаваемые государственными органами и ведомствами, регулирующие деятельность внутри них при осуществлении возложенных на эти органы и ведомства задач.

Таким образом, с учетом данной системы можно сделать вывод о том, что деятельность органов исполнительной власти регулируется как федеральным законодательством, так и актами субъектов РФ, локальными актами. Нормативно-правовая база тесно переплетается со структурой органов исполнительной власти.

Структура исполнительных органов подразделяется на две группы — федеральную и субъектную.

Федеральная структура закреплена в Указе Президента РФ от 15 мая 2018 г. № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [12], где дана система, состоящая из четырех основных групп, а именно:

- федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам;
- федеральные службы и агентства, подчиняющиеся Президенту РФ;
- федеральные министерства, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам;
- федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ.

Основным нормативно-правовым актом, устанавливающим систему, структуру и полномочия органов исполнительной власти, является Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [13]. В этой системе закреплён основной принцип государственного устройства современной России — принцип федерализма, подразумевающий децентрализацию власти в стране в той мере, насколько это необходимо для эффективного административного управления территориями, проведения эффективной внутренней политики, в том числе на местах. Подразумевается тем самым создание органов власти субъектов — исполнительных, законодательных и судебных.

Итак, выстраивается общая система исполнительной власти, суть которой состоит во взаимодействии федеральных органов и органов субъектов. Данное утверждение находит отражение в ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, где речь идет о том, что в пределах вопросов, находящихся в ведении Российской Федерации и ее субъектов, федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образуют единую систему исполнительной власти в России. Органы исполнительной власти субъектов РФ осуществляют наиболее эффективное выполнение поставленных перед ними задач на местах. Поскольку, реализуя их, они могут учитывать особенности того или иного субъекта в зависимости от различных признаков (географии, климата, этнического состава населения, густонаселенности). В преамбуле Конституции РФ указано, что система исполнительных органов субъекта устанавливается ими самостоятельно с соблюдением основ конституционного строя Российской Федерации и настоящего Федерального закона. Основная цель их деятельности — осуществление руководства субъектом, исполнение указов Президента и реализация внутривластного курса страны с целью обеспечения безопасности населения, его планомерного свободного развития и социальной обеспеченности.

Современная российская система органов исполнительной власти имеет фундаментальную правовую основу в виде федеральных законов. Она затрагивает и регулирует все аспекты их деятельности на федеральном уровне и в субъектах и начиная от порядка создания, структуры и заканчивая их полномочиями, основными направлениями деятельности, в том числе и взаимодействие с иными органами власти на различных уровнях административного контроля. Каждый орган исполнительной власти, обладая кругом предметов ведения, наделен соответствующими полномочиями, которые выполняются на базе установленных в

государстве нормативных правовых актов и соблюдения принципа законности. В научной литературе законность рассматривается с различных позиций. Во-первых, как основной принцип деятельности государственных органов и должностных лиц (проявляется в обеспечении, защите прав и свобод граждан со стороны государственных органов и должностных лиц; принцип законности находит отражение также в издании нормативно-правовых актов и, соответственно, их неукоснительном исполнении и соблюдении). Во-вторых, как правовой режим (вся общественно-политическая жизнь, а также деятельность любых структур, институтов и граждан подчинены требованиям нормативно-правовых актов; режим, заключающийся в установлении определенных правил, например, соблюдение требований нормативных актов всеми субъектами; верховенство закона; равенство всех перед законом). В-третьих, как элемент демократии (законность в данном случае является потребностью, которая самостоятельно признается обществом; законодательство при таком развитии создает различные предпосылки для законности и предполагает, что люди воплотят ее с помощью активной и правомерной деятельности).

Нельзя не рассмотреть и вопрос о закреплении принципа законности в нормативных правовых актах. Он закреплён только в одном нормативном правовом акте — Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», где содержится понятие законности [14]. Согласно этому нормативному правовому акту законностью признается соблюдение положений Конституции РФ, собственно данного Федерального закона, иных законодательных актов РФ.

В нескольких нормативно-правовых актах понятие «законность» можно вычленить из его характеристик. В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» законность — это осуществление деятельности в точном соответствии с законом, допущение ограничения прав, свобод и законных интересов граждан по указанным в законе основаниям. Согласно Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» законность — точное исполнение требований Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. В Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ законность приговора определена как соответствие требованиям УПК РФ. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ также содержит понятие законности как правильного применения законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдения всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах. По Уголовному кодексу (УК) РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ законность — это соответствие требованиям УК РФ. В Гражданском процессуальном кодексе РФ для обоснования понятия законности решения суда дана отсылка к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении». Чаще всего термин «законность» трактуется как неукоснительное, полное, точное соблюдение и исполнение законов всеми субъектами права.

Таким образом, понятие «законность» и возможная реализация законности как основного принципа правоприменительной деятельности находит отражение и в теоретических разработках ученых, и в нормативных положениях различных нормативных правовых актов. Установление в обществе правозаконности и правопорядка связано как с процессом установления и осуществления норм права, так и с тем, насколько субъекты общественных отношений могут реализовать, претворить в жизнь свои права. Институты демократии не могут нормально су-

ществовать без гарантии защищенности основных прав и свобод человека и гражданина. Являясь актуальным, сложным, комплексным процессом, право-реализация выступает одним из важных механизмов обеспечения прав и свобод граждан. Она затрагивала умы многих ученых, которые посвящали и посвящают ей научные труды и исследования. Именно поэтому при изучении теоретической основы реализации права перед нами предстает вариативный массив понятий.

Проанализировав более десяти различных мнений и трактовок понятий «реализация права» и «реализация норм права», можно выделить ряд проблем, выявленных при изучении соответствующих определений. Во-первых, многосторонний подход к сущности порождает противоположные мнения, которые в ряде случаев не помогают разобраться в проблеме, а лишь усложняют понимание термина. Во-вторых, будучи многогранным явлением понятие «реализация права» требует указания на тот или иной аспект, в котором оно рассматривается. В-третьих, в ходе исследования удалось выяснить, что одни ученые используют понятие «реализация права», другие — «реализация норм права». С теоретической точки зрения целесообразнее, как нам кажется, применять второе понятие, поскольку именно в нормах фиксируется сущность правового поведения субъектов права, в частности органов исполнительной власти, которая требует соблюдения. Используя определенные правовые инструменты, следуя принципу законности, государство достигает своей цели — реализации грамотной правоприменительной деятельности. Изложенные выше проблемные вопросы, выявленные в процессе исследования, дают основание полагать, что без реализации права может произойти его омертвление, что оно не должно быть статично. Последнее противоречит его природе и назначению.

Литература

1. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
2. *Завадская Л. Н.* Механизм реализации права. М.: Наука., 1992. 287 с.
3. *Решетов Ю. С.* Характерные черты реализации права // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 3. С. 152–158.
4. *Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 516 с.
5. *Оксамытный В. В.* Общая теория государства и права: учебник. М.: Юнити-Дана, 2012. 511 с.
6. *Лазарев В. В.* Применение советского права / науч. ред. Б. С. Волкова. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. 200 с.
7. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М, 1999. 483 с.
8. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
9. *Явич Л. С.* Общая теория права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 287 с.
10. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. 512 с.
11. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 15 мая 2018 г. № 215 (ред. от 26.02.2019) // Российская газета. 2018. 17 мая.
13. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Российская газета. 1999. 19 окт.
14. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Российская газета. 2004. 23 июня.

Д. А. Мартынюк

Проблемы привлечения к административной ответственности государственных гражданских служащих

***D. A. Martyniuk. Problems for Bringing Civil Servants
to Administrative Responsibility***

Статья посвящена анализу проблем, связанных с привлечением к административной ответственности государственных гражданских служащих за административные правонарушения. В ней изучаются основные причины ее появления, проводится анализ способов преодоления проблем, связанных с квалификацией правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, ответственность государственных служащих, правовой статус, государственная гражданская служба, права и обязанности.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; darya.a.martynyuk@yandex.ru.

The article is devoted to the analysis of the grounds for bringing to the administrative responsibility of state civil servants for offenses. The main reasons of its occurrence are studied; the analysis of ways of overcoming the problems connected with qualification of offenses is carried out.

Keywords: administrative responsibility, responsibility of civil servants, legal status, state civil service, rights and duties.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-15; darya.a.martynyuk@yandex.ru.

Исследование главных проблем, существующих в рамках привлечения к административной ответственности гражданских служащих, — чрезвычайно актуальная задача. В целом вопрос привлечения к административной ответственности является трудным, недостаточно изученным и многогранным, учитывая, что до сих пор отсутствует единое представление по некоторым аспектам данной концепции. Административная ответственность муниципальных гражданских служащих — один из элементов правового статуса работника, способствующий повышению качества государственной гражданской службы, исключению лиц, использующих служебное положение в корыстных целях, увеличению уровня профессионализма кадров. Данный вид ответственности призван охранять права, свободы и законные интересы людей (организаций), которые нарушаются при совершении противоправного действия государственным гражданским служащим.

Согласно статье 10 Федерального закона № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» государственный служащий — это гражданин, исполняющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, оплату) за счет средств федерального бюджета. Понятие «правовой статус» в аспекте данной категории граждан включает в себя фундаментальные

Дарья Андреевна Мартынюк — аспирант кафедры административного права и административного процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Мартынюк Д. А., 2019

институциональные характеристики правового статуса государственных служащих, которые определяют их пространство на государственной службе [1]. Государственного служащего могут привлечь к административной ответственности, опираясь на Кодекс Российской Федерации (РФ) об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, в котором Общая и Особенная части положений регулируют порядок применения санкций к официальному лицу, находящемуся на государственной гражданской службе. Государственный служащий выступает в качестве особого субъекта административного правонарушения. Это связано с тем, что к ряду противоправных действий, указанных в Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях, должностное лицо может быть привлечено лишь в том случае, если соответствующее действие затрагивает интересы государственной службы в связи с исполнением им собственных должностных полномочий [2]. При этом он может выступать в качестве всеобщего субъекта при совершении им административного преступления независимо от должности государственного гражданского служащего.

Основанием для привлечения к административной ответственности для разной категории лиц считается прецедент совершения административного нарушения закона, который выражается в деянии — действии или бездействии. Ст. 2.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях гласит, что должностное лицо подлежит административной ответственности в случае совершения административного нарушения закона в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением личных обязательств. Фактически базой административной ответственности должностных лиц государственной службы являются административные преступления, связанные с неисполнением установленных правил в сфере охраны распорядка управления, государственного и публичного порядка, природы, здоровья населения и остальных правил, обеспечение исполнения которых входит в их служебные обязанности.

Можно отметить три варианта административных правонарушений, совершаемых должностными лицами:

- прямое нарушение правил;
- дача незаконных указаний подчиненным;
- отсутствие контроля над деяниями работников, повлекшее нарушение правил.

Второй и третий виды правонарушений для должностных лиц считаются специфическими. Субъектами административной ответственности могут выступать как физические, так и юридические лица. К государственным служащим применяются такие же административные взыскания, что и в отношении рядовых граждан: предупреждение, штраф, лишение особых прав, возмездное исключение имущества, конфискация, исправительные работы, административный арест. Для исследования всех вероятных обстоятельств привлечения служащего к административной ответственности изучим подробно различные составы.

Специфическая функция Кодекса РФ об административных правонарушениях состоит в том, чтобы обеспечивать защиту прав, которые в той или иной степени связаны с управленческими, т. е. административными деяниями и решениями. За деяния, связанные с реализацией управленческих решений, несут ответственность два субъекта — юридическое и должностное лицо. К примеру, административное правонарушение, где особым субъектом преступления выступают государственные гражданские служащие. Административной ответственности присущ особый процессуальный порядок применения. По сравнению с порядком рассмотрения уголовных и гражданских дел он проще, что формирует условия для оперативного и экономного разрешения дел об административных правонарушениях. Так, виды административных правонарушений государствен-

ных гражданских служащих зафиксированы в статьях 9.22, 13.25, 14.24, 14.25, 14.55, 15.17–15.22 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в действующей редакции) и др. Одновременно с развитием отношений государственной службы необходимо помнить о методах применения мер ответственности, которые не входят в институт государственной службы, т. е. мерах административной ответственности.

В последние годы сфера административной ответственности рассматриваемых субъектов постепенно расширяется. К примеру, в 2011 г. внесены поправки в ст. 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая предусматривала ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, позднее, в 2013 г., внесены дополнения. У граждан существует преимущество обращаться лично, а также направлять личные и корпоративные обращения, в том числе обращения объединений граждан (юридических лиц), в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и городские учреждения, иные организации, на которые возложено осуществление публично важных функций, и их должностным лицам. За последнее полугодие в анализируемый нами Кодекс внесены новые статьи об административной ответственности должностных лиц (ст. 5.63 «Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», ст. 5.39 «Отказ в предоставлении информации»), что дает возможность более четкой квалификации при назначении наказаний должностным лицам. Такие статьи создаются и дополняются с целью расширения списка случаев, когда сотрудник нарушает собственные обязанности, на него налагаются санкции административного характера, т. е. проступок является административным преступлением.

Зная о том, что основанием для привлечения должностного лица к административной ответственности служит нарушение им служебных обязанностей, необходимо помнить, что обязанности, закрепленные за должностным лицом, должны быть правильно и корректно отражены в соответствующем акте, согласно которому они возложены на гражданина или соответствующую компанию, где должностное лицо находится на службе. Это поможет правильно применять на практике нормы, содержащие составы должностных административных правонарушений. Кроме того, такая мера исключает субъективизм в оценке поведения должностных лиц.

Вместе с тем государственный гражданский служащий способен совершить административное преступление при допущении действия, не связанного с осуществлением должностных полномочий. В случае привлечения этого лица к административной ответственности государственный служащий не будет иметь статуса особого субъекта, и речь идет об обычной административной ответственности граждан — физических лиц.

С учетом того, что законодательством предусмотрен широкий список оснований для привлечения к административной ответственности государственных служащих, данный факт в юридической практике встречается очень редко по сравнению, например, с дисциплинарными санкциями. По мнению В. В. Кизилова, «административная ответственность за административные правонарушения, совершенные государственными служащими, наступает в редких избирательных случаях, поскольку отсутствует вневедомственный механизм воплощения таковой ответственности». Мерами правового воздействия в отношении лиц рассматриваемой категории могут быть предупреждение, штраф и дисквалификация. Выбор санкции зависит от того, как работник правоохранительных органов расценивает противоправность действия, совершенного государственным гражданским служащим [3].

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 6 февраля 2004 г. № 26-О, следует, что поставленный особый распорядок производства в отношении отдельных категорий граждан, в том числе должностных лиц (представителей) органов государственной власти субъектов РФ, имеет целью обеспечение свободного выполнения указанными лицами собственных профессиональных или других обязанностей, их самостоятельности и независимости, направлен на исключение попыток необоснованного преследования. Повышенные гарантии неприкосновенности этих лиц обусловлены их особым правовым статусом и являются принципиальным условием охраны общественных интересов, связанных с характером их обязанностей, а также самостоятельности и независимости, исключения попыток необоснованного судебного преследования. Административная ответственность муниципальных служащих может наступить за проступок административного характера [4].

В настоящее время понятие «государственная гражданская служба» употребляется в двух значениях: во-первых, для точного обозначения объективного процесса контроля (упорядочения) административной (аппаратной) деятельности государства, во-вторых, для понимания науки и дисциплины этого процесса. Государственная гражданская служба как вид профессиональной деятельности возможна, и она находит место в системе государственного управления. Государственная гражданская служба использует не только политические, правовые, но и нравственные (моральные) регуляторы. В частности, нравственные нормы широко распространены на государственной службе. Исходя из этого разрешено ратифицировать в сфере государственной гражданской службы. Регуляторами взаимоотношений и поведения выступают право и нравственность, которые находятся в узкой взаимосвязи и взаимозависимости. Так, признанные нравственные аспекты оценки поведения служащих во многом определяют содержание правовых норм, регулирующих правоотношения в анализируемой сфере [5]. Однако пока не будет оформлена административная ответственность, не может быть выработан соответствующий механизм привлечения должностных лиц к ответственности в течение такого же долгого времени. Сложившаяся ситуация обусловлена и несовершенством административного судопроизводства, и практическим использованием имеющихся процессуальных норм.

Из ст. 5.59 следует, что нарушение ответственным должностным лицом любого из положений действующего законодательства, регулирующего порядок рассмотрения отдельных обращений граждан, а также принятие решения по ним, сформирует объективную сторону указанного правонарушения. Нарушение порядка, установленного, например, для рассмотрения заявления о совершении административного правонарушения или уголовного преступления. Представляется целесообразным распространить вышеуказанную административную ответственность на соответствующие обращения граждан, поскольку, несмотря на закрепление в законе порядка и способности обжалования незаконных решений и действий (бездействия) ответственных должностных лиц, административное наказание за аналогичные правонарушения служит иной цели. Оно ориентировано в первую очередь на предостережение таких нарушений под угрозой привлечения к административной ответственности с наложением значимых денежных санкций. При этом вероятность обжалования решений и действий (бездействия) необходима прежде всего для защиты нарушенных прав граждан. Позднее возникла ст. 5.63 Кодекса РФ об административных правонарушениях в части ответственности за нарушение законодательства об организации оказания государственных и городских услуг [2].

Субъективная сторона правонарушений, предусмотренных статьями в действующей редакции, дифференцируется по тяжести последствий, а также по субъектному составу. Речь идет о нарушении сроков предоставления государственной или муниципальной услуги, в том числе и ее непредоставлении, требованиях должностным лицом не предусмотренных нормативными правовыми актами документов или платы (ч. 2); нарушении распорядка и сроков рассмотрения жалоб на нарушение порядка предоставления государственной или муниципальной услуги (ч. 3).

Кодексом РФ об административных правонарушениях (ч. 4 и 5 ст. 5.63) предусмотрена ответственность за повторение преступления. При этом возможно ужесточение наказания как в доле штрафа, так и в его виде (допускается даже дисквалификация должностного лица). Система применения штрафов в качестве наказания органов власти не вызывает доверия по причине того, что штраф как мера ответственности служит способом денежного удовлетворения публично-правовых интересов: штраф зачисляется в тот же бюджет, из которого и финансируется деятельность органа, должностного лица. Согласно принципу целевого расходования бюджетных средств, последние выделяются на уплату этого штрафа. Необходимо помнить, что Кодекс РФ об административных правонарушениях охватывает ряд статей, где закреплено, что ответственность должна быть возложена на лицо, которое вследствие исполнения или несоблюдения служебных обязанностей стало правонарушителем, или на орган власти. По нашему мнению, важно сделать акцент на индивидуальную ответственность должностных лиц и работников характеризуемой сферы деятельности. Сегодня невозможна быстрая реализация предлагаемых идей, поскольку существуют трудности практического внедрения норм, так как они сводятся не столько к трудностям соответствия квалификаций, сколько к процедурным нюансам.

В соответствии с ч. 1 ст. 28.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях дела, предусмотренные ст. 5.39, 5.59 и 5.63, возбуждаются прокурором. Другим должностным лицам указанный Кодекс не предоставляет такое преимущество. Как следует из п. 3 ч. 1 ст. 28.1 этого Кодекса, поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении может быть сообщение или заявление физических или юридических лиц ввиду ч. 1 ст. 45 Конституции РФ. Каждому человеку и гражданину гарантируется государственная охрана прав и свобод. Это предполагает, с одной стороны, признание государством на самом высочайшем уровне обязанности страны по охране прав и свобод граждан, с другой — присутствие соответствующих прав человека и гражданина требовать от него в лице его органов, должностных лиц выполнять обязанности. Привлечение к административной ответственности органов государственной власти, органов местного самоуправления с иными юридическими лицами и за аналогичные нарушения не представляется справедливым. С учетом вышеизложенного ущерб, который причиняется данной нормой общественным отношениям, бесспорен: авторитет государственной власти снижается. Отрицательное впечатление возникает из-за случаев, когда один орган несет ответственность перед другими за несоблюдение приказа, требования, нормативных актов, вытекающих из привлечения к ответственности органа власти, или случаев когда правонарушение состоит в неисполнении обязанностей, возложенных законодательством на обвиняемый орган.

Результаты изучения проблемы позволяют сделать вывод о том, что административная ответственность должностных лиц, чьи противоправные деяния (бездействие) ущемляют охраняемые государством публичные интересы, является обоснованной. Но в современной России назрела острая необходимость законо-

дательного закрепления персонифицированных мер административного взыскания в отношении государственного служащего, нарушающего права граждан. Недостаточная информированность граждан о фактах привлечения к дисциплинарной ответственности руководителей, поскольку ее ведомственный характер не только подрывает авторитет власти, но и негативно воздействует на умы людей, формируя тем самым сомнение ко всем институтам гражданского общества. В связи с этим актуальны вопросы о совершенствовании механизма ответственности, суть которых сводится к отсутствию определения должностного лица в административном законодательстве и «размыванию» норм об административной ответственности при сравнении Кодекса РФ об административных правонарушениях и других нормативных актов. Решение этих вопросов, на наш взгляд, состоит в принятии нового Кодекса РФ об административных правонарушениях, который бы верно устанавливал общие взгляды применения административной ответственности на территории России.

Литература

1. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
3. Кизилов В. В. Неправомерные действия должностных лиц. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 374 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
6. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба: учебник. М.: Юрайт, 2017. 468 с.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-94-99

УДК 340.12

Ф. Д. Рахимов

Правовое и неправовое регулирование общественных отношений

F. D. Rakhimov. The Legal and Non-Legal Regulation of Social Relations

В статье проведен анализ правового и неправового регулирования общественных отношений. Выявлены различия между ними и принципы их взаимодействия. Рассмотрены определения таких наиболее важ-

The article is devoted to the comprehensive analysis of the legal and non-legal regulation of public relations. There are offered to consideration the definitions of most important social regulators, such as: right, morality,

Фирдавс Давлаталиевич Рахимов — аспирант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Рахимов Ф. Д., 2019

ных социальных регуляторов, как право, нравственность, обычай, традиции, ритуалы и обряды. Показаны общие признаки и характерные черты правовых и неправовых регуляторов, а также их место в структуре общественного регулирования.

Ключевые слова: социальное регулирование, общественные отношения, социальные нормы, правовые нормы, неправовые нормы, мораль, нравственность, ритуалы, обычаи, традиции, обряды.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. д. 44а; (812) 451-19-10; rakhimov.f@yandex.ru.

rituals, customs, traditions and ceremonies. The differences and the principles of interaction are defined. An attempt is made to designate common features and traits between legal and-legal regulators, and also their role in the system of the social regulation.

Keywords: social regulation, public relations, social norms, law, morality, rituals, customs, traditions, ceremonies.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-10; rakhimov.f@yandex.ru.

Взаимодействие правовых и неправовых норм в социальном регулировании, характер их влияния на общественные отношения является объектом внимания научных деятелей в различных сферах (философов, юристов, социологов, политологов и др.) на протяжении многих лет. В разграничении правовых и неправовых норм можно обнаружить наиболее корректный подход для выявления сущности права. Противопоставление указанных явлений имеет цель устранения вмешательства государства в личную жизнь индивида. Тем не менее сближение правовых и неправовых норм — это закономерное оправдание права путем прикрытия его, порой жесткого и принудительного характера, соображениями нравственности и/или иными неправовыми инструментами.

На протяжении жизни человек нередко сталкивается с вопросом о том, как правильно поступить в той или иной ситуации. Ситуации могут быть различными, начиная от выбора модели поведения на работе, заканчивая домом, кругом друзей, семьей. Иными словами, на той или иной стадии личностного развития человек сталкивается с необходимостью согласования собственных поступков с интересами общества, государства, других людей. В большинстве случаев ответы на эти вопросы находятся в сложившихся в обществе социальных нормах, которые представляют собой опыт, накопленный многими поколениями. Наиболее яркими примерами социальных норм являются правовые, моральные, религиозные, ритуалы, обычаи, традиции, обряды и др.

Важнейшая функция как правовых, так и неправовых норм — влияние на общественные отношения. В качестве их главного назначения усматривается обеспечение интересов общества, социальных групп и/или индивидов путем целенаправленного воздействия на поведение субъектов общественных отношений. Участвуя в формировании правосознания субъектов общества, духовного мира личности, ценностной структуры сознания и морально осознанного поведения, право, нравственность, ритуал, обычай обряд выступают в качестве значимых регуляторов общественных отношений.

В контексте темы нашего исследования целесообразно дать определение социальной нормы. К ней относятся правила поведения, закрепленные на общественном уровне и имеющие влияние на те или иные сферы жизнедеятельности субъектов общества. Социальные нормы зарождаются в процессе исторического развития и функционирования того или иного общества, обусловлены его потребностями в социальном регулировании. Возникая на той или иной стадии развития общества, социальные нормы, как правило, соответствуют уровню его социально-экономического развития. Главной целью социальных норм, независимо от их характера

и времени возникновения, является регулирование поведения индивидов и их групп, определяя должное, допустимое — «правильное» поведение человека. Иными словами, социальные нормы — это стандарты деятельности и образцы поведения, основная функция которых — воздействие на поведение субъектов общества с целью обеспечения упорядоченности, устойчивости и стабильности взаимодействия субъектов общественных отношений. Отсутствие социальных норм предполагает невозможность существования социальной жизни, а также функционирования таких сложных образований, как государство и общество.

Социальное регулирование, соответственно, представляет собой процесс регулирования общественных отношений посредством вышеуказанных норм. Необходимость в социальном регулировании также объясняется объективными закономерностями общественного развития. Известно, что и человек (или группа людей) свободен в своем выборе (свобода воли) и руководствуется, как правило, объективными обстоятельствами, в которых он находится в момент принятия решения (момент выбора модели поведения). Следовательно, образуется множество исходов в типичных ситуациях, что в свою очередь порождает необходимость оказывать влияние на поведение субъектов общества с целью приведения их в соответствие с интересами социума, государства. Регулирование общественных отношений — сложный процесс, и его осуществление возможно эффективным взаимодействием нескольких средств и методов [1, с. 4].

В качестве одного из таких средств, методов выступает право. Известная цитата немецкого философа И. Канта: «Юристы все еще ищут определение права» [2, с. 549] остается актуальной и в наши дни, поскольку по-прежнему отсутствует определение, позволяющее сформировать точное понимание права. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона дано следующее определение права: «Право есть совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения в обществе» [3, с. 870]. Оно не дает четкого понимания сущности права, а лишь указывает на общие очертания его содержания. Таким образом, вопрос о сущности права, его происхождении и основ остается в науке одной из нерешенных проблем.

Важным свойством права считается государственность, так как право устанавливается органами последнего. Нормативные акты, издаваемые соответствующими компетенциями того или иного государственного органа, содержат нормы права [4, с. 211–218]. Нормы-правила поведения общего характера, имеющие влияние на социальное регулирование, составляют основу права. Характерная черта последнего — неперсонифицированность, неконкретность и общность [5, с. 159–162]. Это объясняется тем, что право не имеет индивидуального адресата, поскольку оно регулирует ряд сходных ситуаций и его действие распространяется на общество в целом или на его часть, если последние находятся в определенных условиях и в определенном качестве.

Нравственность представляет собой ценностную структуру сознания и является общественно необходимым методом влияния на поведение человека во всех областях жизнедеятельности, включая труд, быт, взаимоотношения. Самый распространенный подход осмысления нравственности трактуется как способ регуляции поведения людей. Согласно позиции Т. Гоббса, в противоположность спонтанным и эгоистическим устремлениям естественного человека утверждается нравственность, цель которой — обеспечение мира и стабильности во взаимоотношениях людей, а также мораль сливается с позитивным правом, поскольку развивается в обществе как социальный институт [6, с. 367–404].

Выдающийся отечественный философ В. С. Соловьев утверждал: «Право есть низший предел, некоторый минимум нравственности, для всех обязательный»

[7, с. 62]. Конечность нравственных ценностей и категоричность нравственных регулятивов — важная и характерная черта нравственности. Целью стремления людей к соблюдению нравственных принципов является не что иное, как следование им, т. е. принципы нравственности самоценны. Это и есть высшая, финальная цель и нет никаких других целей, которых люди хотели бы достичь, следуя принципам нравственности. Достижение какой-либо иной цели не представляется целесообразным [8, с. 159].

Право и нравственность нельзя разграничить в процессе регулирования общественных отношений, учитывая тесную взаимосвязь данных категорий. Эти два явления дополняют, взаимообуславливают и взаимообеспечивают друг друга в регулировании общественных отношений, что свидетельствует об их глубоком взаимопроникновении. Исходя из того, что правовые законы воплощают в себе принципы гуманизма, равенства людей и справедливости, можно определить объективную обусловленность такого взаимодействия [9, с. 215–219]. Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что законы правового государства воплощают в себе высшие моральные принципы и требования современного общества.

Нормы морали в большинстве случаев служат неким ориентиром при установлении норм права. Иными словами, нормы права — это моральные правила и принципы, облеченные в форму закона. По мере развития общества и его потребностей люди пришли к необходимости придания нормам морали формы закона, поскольку, осознавая незначительность потенциального наказания (общественное порицание), некоторые граждане не стремились к соблюдению норм морали. В отличие от норм морали, закон содержит общеобязательные элементы правовой нормы: гипотезу, диспозицию и санкцию. Это означает, что гражданин, отказывающегося соблюдать установленные законом требования, неотвратимо ожидает определенное наказание (санкция).

В качестве первого семиотического процесса, по мнению Н. Б. Мечковской, представляется именно ритуальное действие. Она считала, что для выражения покорности и подчинения в обществе себе подобных, а также для определения и обозначения поведения людей разработаны некоторые из древнейших ритуалов [10, с. 278–283]. Ритуал, совершаемый в рамках того или иного общества, представляет собой особый тип поведения и выступает важным элементом взаимодействия субъектов общества, имеющим воздействие различной степени эффективности на те или иные сферы общественной жизни.

Обычай, как и другие социальные нормы, возникают и развиваются естественным путем, в процессе исторического развития общества. Они воспринимаются его субъектами как устоявшиеся и наиболее приемлемые, правильные варианты поведения и формируются обществом независимо от государства. Субъект общественных отношений действует в своих интересах и, сохраняя за собой право выбора модели поведения, не дает поведенческому образцу преобразоваться в правило поведения. Такому преобразованию служит долгое следование поведенческому образцу, в результате которого «образец» становится привычкой людей, нормой поведения. Обычаями можно назвать основанные на устоявшихся образцах поведения, более простые способы регулирования общественных отношений. Несоблюдение обычаев в редких случаях влечет наложение санкций различной степени тяжести, например: общественное порицание, выдворение из коллектива, неполучение какого-либо статуса. В основном соблюдение обычаев обеспечивается силой привычки субъектов.

В ряде случаев обычаи приобретают форму традиций. Традиции — передаваемые из поколения в поколение, исторически сложившиеся элементы социального и культурного наследия [11, с. 15]. Чаще всего соблюдаемые традиции не

осознаются субъектом в полной мере. В качестве наиболее ярких примеров можно выделить правила поведения в различных кругах (семьи, друзей, коллег); условия и время трапезы, сна.

Традиция, возникающая в определенном обществе, по специальному поводу и в определенное время, именуется обрядом. Обряды — заключающиеся в символических действиях правила поведения [12, с. 3–10]. При проведении сравнительного анализа ритуала и обряда следует отметить, что ритуал в общем плане затрагивает индивидуальную сферу жизни субъекта общества, а обряд — коллективную. В числе примеров обряда — прием почитаемого гостя в доме, посвящение индивида в то или иное общество. Обряды, по мнению А. К. Байбурина, имеют более значимый статус и обладают более высокой степенью обязательности, в то время как низшей — обычаи [12, с. 17]. Таким образом, обряды обязывают субъектов общества выполнять действия публичного характера, имеющих значение различной степени важности.

Итак, на основании изложенного выше целесообразно сделать вывод о том, что с давних времен человек стремился к устранению беспорядка и хаоса, упорядочению взаимоотношений и выявлению наиболее оптимальных вариантов взаимодействия. Осуществлялось это путем установления общепринятых, обязательных для субъектов общества норм. Устанавливаемые нормы всегда соответствуют уровню социально-экономического развития определенного общества, обусловлены его целями, задачами и интересами в зависимости от обстоятельств на том или ином этапе исторического развития соответствующего общества. Оно на любом этапе своего развития нуждается в механизме, оказывающем влияние на его членов, способствующем стабилизации порядка, упорядочению взаимоотношений, безопасному и соответствующему интересам общества развитию. Таким механизмом служит социальное регулирование, которое влияет на поведение индивидов в соответствии с интересами общества, поддерживая социальную направленность и организованность.

Структура социального регулирования состоит из ряда элементов. Среди них — различные нормы и правила, которыми руководствуются в жизнедеятельности практически все субъекты общественных отношений. В числе норм, оказывающих в той или иной степени значимое влияние на общественные отношения, можно выделить нормы права, моральные нормы, обряды, обычаи, традиции, ритуалы, религиозные нормы и др. При этом право проникает преимущественно в значимые, жизненно важные сферы общественных отношений, со временем охватывая все больший спектр социальных связей. В то же время нравственность пронизывает практически все многообразие взаимоотношений в социуме, при этом закрепляется в абсолютном большинстве правовых норм [13, с. 3]. Исходя из этого, можно утверждать, что праву и нравственности принадлежит особая роль в системе регулирования общественных отношений.

Важное место в формировании, развитии и упорядочении общественных отношений занимают неправовые регуляторы, существовавшие еще до возникновения права и государства. Таким образом, ритуалы, обычаи, традиции и обряды выступают важнейшими социальными регуляторами, включенными в обширную систему социального регулирования, основной функцией которых является целенаправленное воздействие на общественные отношения, в том числе на их развитие и преобразование.

В процессе регулирования общественных отношений правовые и неправовые нормы системно взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Требования общественной морали учитываются при разработке нормативных правовых актов в государстве. Судебные и другие правоприменительные органы обращаются при

определении юридических мер к моральным нормам. Важнейшими ценностями в социуме наряду с жизнью и здоровьем людей признаются нравственность и общественная нравственность, культурное наследие, исторические сложившиеся и устоявшиеся правила, которые государство и общество стремится защитить при помощи юридических и не только средств. Следовательно, развитие государства возможно лишь при эффективном взаимодействии правовых и неправовых норм. Вопросы, связанные с анализом правовых и неправовых норм в контексте социального регулирования, нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании.

Литература

1. Бобнева М. И., Шорохова Е. В. Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. 339 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 640 с.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Типолитограф. И. А. Ефрона, 1898. т. XXIVа. 958 с.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. 11-е изд. М.: Омега-Л, 2017. 607 с.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. М.: Юрайт, 2016. 458 с.
6. Гоббс Т. Левиафан. Гл. XXVI. М.: Мысль, 2001. 828 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Юрайт, 2019. 468 с.
8. Борисов Г. А. Теория государства и права: учебник. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2007. 290 с.
9. Кулапов В. Л. Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2011. 486 с.
10. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. 3-е изд. М.: Академия, 2007. 391 с.
11. Яговдик Е. В. Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (философско-культурологический анализ): дис. ... канд. филос. наук. Белгород: Белгородский гос. технологический ун-т, 2005. 134 с.
12. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 252 с.
13. Шидловская Т. Ю. Соотношение права и морали в правотворческом процессе. На примере Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2005. 220 с.

А. К. Сабирова

Особенности производства по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности

***A. K. Sabirova. Features of The Proceedings on Administrative Offenses Initiated
for Violation of Fire Safety Requirements***

Статья посвящена анализу особенностей производства по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности, в том числе наиболее значимым изменениям, внесенным в соответствующую область административного законодательства Российской Федерации (РФ). Рассмотрены законодательные возможности применения наказания в виде административного приостановления деятельности за невыполнение предписаний органов федерального государственного пожарного надзора (с учетом изменений).

Ключевые слова: объект защиты, нарушения требований пожарной безопасности, административная ответственность за правонарушения в области пожарной безопасности, субъект административного правонарушения в области пожарной безопасности, административное приостановление деятельности.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; ledi.999@inbox.ru.

The article is devoted to the analysis of the features of administrative proceedings instituted for violations of fire safety requirements, including important changes made in the relevant area of the administrative legislation of the Russian Federation, as well as the analysis of the legislative possibility of applying administrative punishment in the form of administrative suspension of activities for non-compliance with the requirements of the federal state firefighters oversight (including named changes).

Keywords: object of protection, violations of fire safety requirements, administrative responsibility for violations in the field of fire safety, the subject of an administrative offense in the field of fire safety, administrative suspension of activities.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-15; ledi.999@inbox.ru.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» понятие пожарной безопасности, являющейся составной частью общественной безопасности, определено как состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров [1].

Критерии защищенности, т. е. условия, при которых объект защиты считается пожаробезопасным, изложены в нормативных правовых актах, содержащих требования пожарной безопасности к объектам защиты (*продукции, имуществу граждан или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, зданиям, сооружениям, транспортным средствам, технологическим установкам, оборудованию, агрегатам, изделиям и иному, к которым установлены или должны быть установлены требования пожарной безопасности для*

Анна Кудратовна Сабирова — аспирант кафедры административного права и административного процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Сабирова А. К., 2019

предотвращения пожара и защиты людей при пожаре (ст. 1 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности (далее — ФЗ № 123), в зависимости от их конструктивных особенностей, функционального назначения, количества людей, планируемого к одновременному пребыванию в нем, и т. д. При этом условия соответствия объекта защиты требованиям пожарной безопасности содержатся в ст. 6 ФЗ № 123-ФЗ, согласно которой пожарная безопасность этого объекта должна быть обеспечена таким образом, чтобы пожарный риск (*допустимое значение — одна миллионная в год при размещении отдельного человека в наиболее удаленной от выхода из здания и сооружения точке. Риск гибели людей в результате воздействия опасных факторов пожара должен определяться с учетом функционирования систем обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений* [2]) не превышал допустимых значений, в условиях соблюдения требований пожарной безопасности в виде, изложенном в нормативных документах, или с учетом разработанных компенсирующих мероприятий. Для таких объектов защиты, как, например, объекты культурного наследия, с целью сохранения их в первозданном виде и разрабатываются компенсирующие мероприятия, комплекс соблюдения которых позволяет обеспечить соблюдение допустимых пределов пожарного риска.

Основанием для возбуждения административного производства в связи с событием правонарушения в области пожарной безопасности является несоблюдение указанных условий соответствия объекта защиты требованиям пожарной безопасности. В ст. 28.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях перечислены поводы к возбуждению дела об административном правонарушении и юридические факты, позволяющие считать дело возбужденным. Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» определен круг оснований, в рамках реализации которых должностными лицами федерального государственного пожарного надзора (ФГПН) законно может быть выявлено несоответствие объекта защиты требованиям пожарной безопасности, что служит поводом к возбуждению дела об административном правонарушении [3].

Необходимо отметить, что возбуждение административного производства на законных основаниях допускается только после оформления акта о проведении проверки (по результатам проведения государственного контроля (надзора), разумеется, при условии обнаружения должностным лицом, уполномоченным на составление протоколов по соответствующим составам Кодекса РФ об административных правонарушениях [4], достаточных данных, свидетельствующих о наличии события административного правонарушения (примечание к ст. 28.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях введено Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5]). Административная ответственность за нарушения законодательства РФ в области пожарной безопасности предусмотрена ст. 20.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях. С вступлением в силу Федерального закона от 28 мая 2017 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О пожарной безопасности» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»,

и ст. 20.4 соответствующего Кодекса претерпела значительные изменения [6]). Так, ранее ст. 20.4 составы правонарушений, относящихся к административным правонарушениям в области пожарной безопасности, дифференцировались в зависимости от конкретизации объективной стороны административного правонарушения: например, нарушения требований пожарной безопасности к внутреннему противопожарному водоснабжению и (или) требований пожарной безопасности к обеспечению объектов защиты первичными средствами пожаротушения, были самостоятельным поводом для привлечения виновного лица к административной ответственности и предполагали наименьшие санкции, чем нарушения требований пожарной безопасности к эвакуационным путям или системам автоматической пожарной сигнализации (АПС).

Вместе с тем, упразднив данные нормы, законодатель на федеральном уровне оставил все-таки ответственность за них. В настоящее время за нарушения требований пожарной безопасности (за исключением выделенных в отдельные части (статьи) специальных составов) предусмотрена ответственность ч. 1 ст. 20.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а перечень субъектов, подлежащих этой ответственности за соответствующие нарушения, расширен. В частности, в его состав включены лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальные предприниматели). Можно сделать вывод о том, что расширение перечня субъектов правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях, продиктовано и принципом соразмерности административного наказания совершенному правонарушению (ранее индивидуальные предприниматели привлекались, согласно указанной части, к административной ответственности как должностные лица).

Претерпела изменения и процедура законного признания объекта защиты эксплуатирующим с возможностью возникновения угрозы жизни или здоровью людей. Эти изменения заключаются в применении к его правообладателю (юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю) административного наказания в виде административного приостановления деятельности, т. е. временного прекращения деятельности индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, их филиалов, структурных подразделений, а также эксплуатации объектов, зданий, сооружений, осуществления отдельных видов деятельности, оказания услуг в случае возможности возникновения угрозы жизни или здоровью людей, что находит отражение в ст. 3.12 [4]. С учетом правил подведомственности, изложенных в ст. 23.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, данное административное наказание, может быть назначено только органами судебной власти (районным судом). Назначая его, суд признает объект защиты небезопасным (с точки зрения пожарной безопасности), при этом настолько, что налагает на соответствующих лиц административное наказание в виде административного приостановления деятельности.

В контексте ранее действовавшей редакции ст. 20.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях вопрос о возможности и необходимости назначения административного наказания в виде административного приостановления деятельности целесообразен в рамках административного производства, возбужденного по ч. 5 ст. 20.4 соответствующего Кодекса, предполагавшей возникновение административной ответственности за повторное совершение правонарушения, предусмотренного ч. 3 или ч. 4 ст. 20.4. Следовательно, состав ч. 5 ст. 20.4 образован повторностью нарушений требований пожарной безопасности, выявленных на объекте защиты (например, к внутреннему противопожарному водоснабжению) или повторностью нарушений требований пожарной безопасности (например, к системам АПС). Под повтор-

ностью правонарушения понималось вторичное совершение лицом, подвергнутым административному наказанию (в период со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, ст. 4.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях), правонарушения, предусмотренного частями 3 или 4 ст. 20.4 соответствующего Кодекса. Иными словами, в контексте ранее действовавшей редакции ст. 20.4 момент совершения и момент выявления (составления акта проверки) правонарушения по ч. 5 ст. 20.4 совпадали, и с момента выявления указанного состава правонарушения начиналось течение срока давности привлечения, установленного ст. 4.5 соответствующего Кодекса (три месяца) для составов правонарушений, подведомственных с позиции их рассмотрения органами судебной власти.

В действующей редакции ст. 20.4 указанного Кодекса данная норма (части 3, 4, 5) упразднена. Условия возможности назначения административного наказания в виде административного приостановления деятельности объекта защиты изложены в ч. 14 ст. 19.5 Кодекса об административных правонарушениях (также претерпевшей изменения с вступлением в силу Федерального закона от 28 мая 2017 г. № 100-ФЗ). Диспозицией данной нормы выступают не нарушения требований пожарной безопасности, а повторное невыполнение в срок предписания органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный пожарный надзор и на объектах защиты в сфере здравоохранения, образования и социального обслуживания.

Итак, момент совершения правонарушения не совпадает с моментом его выявления, поскольку правонарушение, предусмотренное перечисленными выше частями ст. 19.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, связано с невыполнением обязанности, возложенной предписанием на установленное лицо и с установленными сроками его исполнения. Соответственно, по истечении срока, указанного в предписании для устранения нарушений требований пожарной безопасности, наступает момент совершения правонарушения, и начинается трехмесячный срок давности привлечения к административной ответственности, поскольку поименованные составы подведомственны рассмотрению только органами судебной власти. Момент совершения правонарушения не связан с моментом его выявления при проверке инспектором ФГПН. Если внеплановая проверка в рамках контроля предписания будет проведена за пределами срока давности привлечения к административной ответственности, то последующее возбуждение административного производства по частям 12, 13, 14 ст. 19.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях будет незаконным, что регламентировано п. 6 ч. 1 ст. 24.5 данного Кодекса [4].

Законодательством РФ не предусмотрена такая совокупность нарушений требований пожарной безопасности, которая бы четко определяла понятия угрозы жизни и здоровью людей. В правовом поле Кодекса РФ об административных правонарушениях возможность возникновения угрозы жизни и здоровью людей, находящихся на объекте защиты, можно поставить в зависимость от возможности применения к правообладателю такого объекта защиты административного наказания в виде административного приостановления деятельности. В частях 12 и 13 ст. 19.5 рассматриваемого нами Кодекса не приведен перечень нарушений требований пожарной безопасности, выступающий необходимым условием действия названных норм. Их объективная сторона выражается только в неисполнении предписания об устранении нарушений требований пожарной безопасности. Вопрос соблюдения последних на объекте защиты является составляющим в обеспечении безопасности жизни и здоровья людей в целом. Уместен вывод

о том, что любое не устраненное в рамках исполнения предписания нарушение требований пожарной безопасности может повлечь за собой возникновение угрозы жизни и здоровью людей на объекте защиты, на котором оно не устранено.

Перечень лиц, уполномоченных для составления протоколов об административных правонарушениях в области пожарной безопасности, определен ст. 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В п. 42 ч. 2 этой статьи отражено, что должностные лица органов ФГПН составляют протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 14.34, ч. 5 ст. 14.46.2, ч. 1 ст. 19.4, ч. 12–15 ст. 19.5, статьями 19.6, 19.7, 19.13, 19.33 соответствующего Кодекса. В этом перечне отсутствует, как видим, ст. 20.4. Вместе с тем в ч. 1 ст. 28.3 анализируемого Кодекса закреплено положение о том, что должностные лица органов, уполномоченные в пределах своей компетенции рассматривать составы административных правонарушений, в соответствии с главой 23 этого же Кодекса вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных данными составами.

Статья 23.34 Кодекса РФ об административных правонарушениях содержит перечень составов правонарушений, подведомственный рассмотрению органами ФГПН, в который входит и ст. 20.4 указанного Кодекса [4]. Поэтому законность возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном этой ст. 20.4 РФ, органы ФГПН не должны ставить под сомнение.

Таким образом, административному производству по делам о правонарушениях в области пожарной безопасности присуща специфика. Любое административное производство, возбужденное по составам, рассмотренным нами выше, осуществляется уполномоченными должностными лицами ФГПН и направлено на пресечение нарушений требований пожарной безопасности, а также предупреждение новых; основано на принципах гласности, доказанности и соразмерности административного наказания допущенным нарушениям требований пожарной безопасности.

Литература

1. О пожарной безопасности: федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
2. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78699/ (дата обращения: 16.03.2019).
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 21.03.2019).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002, № 1. Ч. 1. Ст. 1.
5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: федер. закон от 14 окт. 2014 г. № 307-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169745/ (дата обращения: 02.04.2019).
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О пожарной безопасности» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 28 мая 2017 г. № 100-ФЗ // Российская газета. 2017. 30 мая.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Начальник издательства СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67818
от 28 ноября 2016 г.

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Подписано в печать 26.09.2019.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,54. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 171.

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП»
198095, г. Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21

